

ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени И. И. МЕЧНИКОВА

**ЗАПИСКИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**

Выпуск 1

Историография и специальные
исторические дисциплины

Одесса, 1995

V

ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені І. І. МЕЧНИКОВА

**ЗАПИСКИ
ІСТОРИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ**

Випуск 1

Scan by Skorpion Professional

Одеса, 1995

~~УДК 93/99~~

~~ББК 63~~

~~3-324~~

Перший випуск Записок історичного факультету Одеського державного університету продовжує видавничі традиції істориків університету і входить окремим виданням, в якому подається широкий спектр наукових інтересів викладачів і аспірантів факультету.

Редакційна колегія:

С. Й. Аппатов, А. Д. Бачинський, В. П. Ващенко, І. С. Гребцова,
В. Г. Кушнір (відповідальний секретар), І. В. Немченко, Т. М. Попова
(заступник головного редактора), Ф. О. Самойлов,
В. Н. Станко (головний редактор)

Затверджено до друку Радою історичного факультету
Одеського університету, 1995

Одеський державний університет, 1995

История, теория и методология исторической науки

Т. Н. ПОПОВА

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ: ТРАДИЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ МОДЕЛИ

«Целиком охватить ни у кого взгляда не достанет...»

(Ольга Ильиницкая)

Предварительные замечания. Сформулированная проблема уже имеет свою историю и вряд ли можно в одной статье дать ее полную реконструкцию. В свое время В. И. Вернадский обращал внимание на то, что историк науки должен всегда учитывать неполноту и ограниченность даваемой им картины: «...среди известного ...скрыты зародыши будущих широких обобщений и глубоких явлений, зародыши, которые не могут быть им поняты. В оставляемом им в стороне материале идут может быть самые важные нити великих идей, которые для него неизбежно остаются закрытыми и невидимыми. Это и понятно, так как он имеет дело с неоконченным — и может быть с бесконечным — процессом развития или раскрытия человеческого разума» (1). Движение вперед невозможно без постоянного переосмысления прошлого опыта, накопленного багажа знаний, без переоценки собственных ценностей и результатов интеллектуальной деятельности. М. Малкей, один из лидеров когнитивной социологии науки, стоявший у истоков нового направления, буквально по следам своих, казавшихся всем перспективными, открытий, писал: «Нет сомнения, что существует возможность и того, что этот пересмотренный образ науки неверен в своей основе, а вытекающие из него выводы — просто результаты несовершенного философского анализа. В таком случае рухнет, ве-

роятно, вся попытка исследования социального конструирования научного знания» (2). Эта мысль — отнюдь не показатель «кризиса», она отражает не только здоровое осознание релятивности знания и готовности к постоянному пересмотру устоявшейся традиции, но и одну из доминирующих тенденций, четко определившихся в западной историографии с 80-х г.г. нашего века, суть которой — в поиске компромиссных решений на основе использования различных исследовательских подходов как взаимодополняющих (3). Истоки этой тенденции, на наш взгляд, — в длительной трансформации позитивистской идеи плюрализма, которая в исторических исследованиях, в частности, преломилась в трансляции тезиса о равнозначности факторов исторического развития в эпистемологическую сферу. Предлагая свою модель реконструкции истории физики, Макс Лауэ отмечал: «История может быть написана с различных точек зрения при полном сохранении достоверности; оправданной является любая точка зрения, исходя из которой историк может открыть что-либо исторически интересное. История науки также допускает различные точки зрения» (4).

Последнюю треть XX века философы науки определяют как период формирования «постнеклассической науки» или «постнеклассической методологии науки» — переход к новому типу рациональности, который характеризуется: изменением проблемного поля методологических исследований (акцент — на проблемы социокультурной обусловленности научного познания, анализ взаимодействия науки с другими феноменами человеческой культуры, исследование познавательных процедур в контексте аксиологических и мировоззренческих ориентиров и др.); синтезом эпистемологии, методологии и истории науки, с одной стороны, и социологии и культурологии научного познания, с другой; выдвиганием на первый план наряду с дисциплинарными исследованиями — междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследования, в процессе которых «срачиваются в единой системе деятельности теоретические и экспериментальные, прикладные и фундаментальные знания, интенсифицируются прямые и обратные связи между ними» и др. (5).

Переход к «постнеклассической методологии науки» определяется также и как период смены «больших парадигм». Главным содержанием этой «интеллектуальной революции» являются «изменения в логическом фундаменте научного мышления», суть которых в формировании антифундаменталист-

ского видения мира, в переходе «от фундаментализма к полифундаментальности (многомерности) в категориальном строе и способе мышления, в его методологическом и мировоззренческом базисе» (6).

Новая методологическая ориентация имеет общенаучный контекст, но только с рубежа 80—90-х г.г., наметившиеся десятилетием ранее единые тенденции методологического поиска в зарубежной исторической науке, а также в ряде областей советской науки, которые были наименее подвержены прямому идеологическому «прессу» (в логике, философии, методологии науки, философских проблемах естествознания и др.) (7), стали атрибутом исторической науки и обществознания в целом в России, Украине и др. Преодолевая ментальность одномерного социокультурного дискурса, историки приняли тезис о многомерности исторического и историографического процессов, вкладывая в эти понятия, подчас, разнообразное содержание. Некоторые связали методологический аспект идеи «многомерности» с общенаучным принципом дополнительности, впервые сформулированным Н. Бором (8). Согласно этому принципу, имеющему уже давнее применение в естественных науках, исключается возможность абсолютизации какой-либо одной точки зрения на предмет исследования, т. к. ни одна теория, как бы глубока она не была, не может охватить изучаемую реальность во всей ее полноте, поэтому каждая теоретическая конструкция сохраняет свою самостоятельность и эпистемологическую ценность как компонент единого научного знания, отражающего многомерный объект во всей его целостности (9).

Вместе с тем, признание равнозначности альтернативных теоретических моделей, множественности теоретических описаний одного и того же объекта привело в историографии науки к тезису о возможной утрате дисциплинарной целостности научного знания. Математики, среди которых ранее других научных профессий утвердилась идея многомерности, заявили о том, что «имеется не одна, а много математик», различающихся между собой «составом основных понятий, способами рассуждений о них, вычислительными процедурами и маловероятно, а скорее, невозможно (а если даже возможно, то не нужно) объединить их в некую единую теоретическую конструкцию» (10). О существовании «многих историй» заговорили историки. И если еще в 70-е — нач. 80-х г.г. это явление воспринималось как показатель кризиса исторической

науки, как в советской, так и в зарубежной историографии (11), то сегодняшнее его осмысление с позиций многомерного подхода приводит ученых к несколько иным выводам.

Логика многомерности детерминирует онтологическую многомерность объекта изучения, т. е. его полифундаментальность, «неодносущностный» характер, множественность его «ипостасей». Поэтому каждая конкретная теория «как единая система знания со своими исходными принципами и исследовательской программой раскрывает определенное сущностное измерение целого, строит его базисную модель, картину и т. п.» (12). С позиций полифундаментального видения объекта речь не идет о том, что его альтернативные описания раскрывают какой-то один из аспектов целого (именно в этом смысле обычно оперируют термином «многомерность» — т. е. многоаспектность). В данном случае имеется в виду то, что каждая теория «описывает именно целое, а не его часть». Но поскольку каждая теоретическая система вырабатывает собственную модель целого, которая не в состоянии в то же время исчерпать всех сущностных характеристик объекта, постольку ни одна из альтернативных теорий не может претендовать на то, что только она является истинной и, таким образом, фактически, «снимается» проблема создания «единственно верного учения» — главного стержня и «ахиллесовой пяты» фундаменталистского мышления. Признание того, что ни одного из альтернативных описаний объекта недостаточно для охвата всей его многомерной реальности, требует рассматривать эти альтернативные теории не в контексте конфронтационного дискурса, а с позиций принципа дополнительности, который позволяет сохранить самостоятельность, теоретический статус каждого описания и в то же время воспринимать их в определенной системе, единстве («сложная ипостась»), раскрыть базисное отношение соответствующих описаний, способ, каким они могут быть объединены для целостного восприятия многосущностного объекта исследования (13). Таким образом, «многомерная методология» с ее принципами полифундаментальности, дополнительности и плюрализма будет способствовать преодолению традиций «борьбы на уничтожение», рожденных конфронтационной логикой фундаментализма в научном мышлении, может создать основу для диалога, достижения консенсуса, компромиссов в решении различных научных (и «ненаучных») проблем.

Социокультурная атмосфера, в которой развивается современная историческая наука в странах — «наследницах»

бывшего Союза, детерминирует не только принципиально новые, перспективные направления, тенденции к ее качественному обновлению, но и линии, которые при определенных обстоятельствах могут привести к ее очередным деформациям. Среди них — партикуляризм в контексте интер-контактов; склонность к гипертрофии национально-эмпирических исследований «историко-романтического» плана (14) в ущерб разработки проблем эпистемологии и методологии истории; скороспелые заимствования из «вчерашнего дня» западной историографии; жонглирование тезисом о «методологическом плюрализме» или «методологическом анархизме» при забвении истории и значения этих формул; нигилизм к наследию отечественной науки в советский период, смешение этого понятия с понятием «наследство советской историографии» и др.*.

Возвращаясь еще раз к идеям В. И. Вернадского, стоит задуматься над его определением «научного творчества». Это — «...часть национальной культуры», — писал он в 1912 г. — «...Только так и может проявляться в истории науки какая-нибудь национальность». Допустимо говорить о «научной работе в русском обществе ...но нельзя говорить о русской науке. Такой науки нет. Наука одна для всего человечества» (15). Эта мысль ориентирует как на признание общих закономерностей развития науки и истории ее изучения, так и на соответствующий подход к научным традициям. Наше наследие как «до 1917 г.», так и «советской эпохи» достаточно весомо для того, чтобы, отбросив его, «пойти по кругу», повторяя печальный опыт истории с наследством «совет-

* Ad vocem: Э. Ю. Соловьев: «Пока я жив, я сохраню уважение не только к тем, кто, отринув всякое соглашательство, пересылал свои прямотушные сочинения за рубеж, не только к тем, кто, рискуя своим служебным положением, благополучием, а иногда и свободой, обстреливал директивные инстанции вызывающе безотрадными социологическими обследованиями или докладными записками о приближающейся экологической и хозяйственной катастрофе; я сохраню уважение и к тем, кто, чем-то поступая и чего-то недоговаривая, прибегая к средствам косвенным и окольным, умудрялся пробуждать гражданское и нравственно-историческое сознание массового читателя через саму подцензурную советскую печать».

Среди последних — речь идет о представителях исторического ученого цеха, недостаточно ценимых, как считает философ, по сей день, — об исторических идеях. (Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. — М. — 1991. — С. 6).

ской науки». Сегодняшний нигилизм по отношению к прошлым достижениям науки подчас представляет собой «протест против застоя со стороны ограниченного настоящего», это — «протест против застоя с позиций самого застоя», а «в научном отношении такой подход — шаг назад» (16). Поиски истины никогда не прекращались и многие ученые, пережившие бесконечные «хождения по мукам», осознавшие на собственном опыте невозможность потерь в результате идеологизированного непрофессионализма научной конфронтации, целенаправленного забвения истории, высказывают предостерегающую надежду на то, что новое поколение ученых «не повторит прошлых ошибок, прерывая нити лучших традиций, заложенных предшествующими поколениями» (17).

Наши долги перед исторической наукой не уменьшились, а возросли. Среди этих долгов — долг перед историографией дисциплинарный статус которой в определенной мере сегодня поколеблен. Задача статьи не в том, чтобы объяснять профессионалам, что такое «историография», а в том, чтобы обратить внимание на некоторые традиционные и новые подходы в понимании «природы» и механизмов формирования этой научной дисциплины, ее места в системе наук.

О дисциплинарном строении науки. Проблема «дисциплины» и ее появление в литературе имеет свою специфику. В науковедческих исследованиях обращение к научной дисциплине произошло в связи с размахом применения новых методов на основе междисциплинарного или полидисциплинарного синтеза в области, прежде всего, естественнонаучного знания. Общая эволюция исследования науки вообще обусловила в свою очередь, поиск оптимальной аналитической единицы с определенным параметрическим универсализмом. Такой единицей для эмпирического изучения науки и теоретических обобщений была признана «научная дисциплина» (18). В области исторической науки и обществознания в целом интерес к проблеме дисциплины связан с проблемой методологического кризиса, с ориентацией многих ученых социогуманитарного профиля на междисциплинарный подход, поиском новых методов исследования (19). В то же время, углубление дифференциационно-интеграционных процессов в развитии научного знания, появление новых интегральных, междисциплинарных по характеру дисциплин, сложности, возникшие с определением их дисциплинарного статуса и проч. (20), выдвинули задачу многоаспектного изучения научной дисциплины. Таким образом, проблема «междисциплинарности» в зна

чительной мере детерминировала проблему «дисциплинарности».

Для осмысления универсальных моментов и специфики процесса дисциплинарного оформления историографии, выделю ряд положений, сформулированных в первую очередь в науковедческой литературе*.

1. В западном науковедении дисциплинарная модель имеет ряд вариативных решений, которые условно можно объединить в две ведущие линии. Наиболее распространенной является тенденция отождествлять всю науку, исследовательскую область с институционально признанной научной дисциплиной. Иной подход — градация различных уровней организации науки, при котором дисциплинарный уровень связывается, в первую очередь, с институционализацией в системе образования, с сохранением и передачей научных традиций (21). В отечественной литературе с 70—80-х гг. наметилось два взаимодополняющих подхода к определению научной дисциплины: с одной стороны ее отождествляют с организационной структурой науки в целом или ее элементом («формой», «уровнем»), с другой — рассматривают как систему, «существование которой обеспечивается ресурсами, получаемыми от внешнего окружения, и внутренним регулированием процессов сохранения и воспроизводства ее целостных характеристик» и др. (22). Среди последних — единство дисциплинарного знания и способов действия с ним; общее содержание специальной подготовки исследователей и формы их идентификации; единый набор средств дисциплинарной коммуникации и институтов, регулирующих функционирование дисциплины (23). Этот блок признаков** научной дисциплины соответствует трем сторонам, трем «ипостасям» науки вообще: когнитивной, научения и коммуникации (24) и в то же время обеспечивает «индивидуальность каждой дисциплины как исторического и предметного образования» (25).

2. Формирование научных дисциплин рассматривается как «естественно-исторический» процесс: ни одна научная дисциплина «не изображается и не учреждается единым актом», а

* Условно: имеется в виду литература по философии, социологии, методологии, истории науки и собственно науковедению, дисциплинарная определенность которого более характерна для отечественной науки, нежели западной.

** Более широкий блок характеристик даст И. Шпигель-Резинг, разделяя когнитивные и социальные признаки научной дисциплины. (См.: Научная деятельность: структура и институты. — С. 134—135).

«создается под воздействием ряда факторов и условий, как интеллектуальных, так и социальных, как внутринаучных, так и простирающихся из взаимосвязи науки и общества». В то же время, дисциплины разнятся по многим параметрам, включая «механизм их порождения». Традиционно считается, что дисциплинарное оформление естествознания предшествовало этому процессу в области естествознания и исторической науки, в частности. Одни исследователи относят складывание дисциплинарной организации в Европе к XVII—XVIII в.в. — периоду профессионального оформления эмпирического естествознания. В условиях быстрого роста и дифференциации науки нового времени научная дисциплина как единица организации науки обнаружила высокую эффективность, «обеспечивая относительно автономное единство некоторой предметной области, взаимодействие ее участников и формы преемственности между поколениями» (26). Другие — датируют завершение дисциплинарного оформления естествознания серединой XIX в. (27). В любом случае, все подчеркивают тот факт, что научная форма естествознания — «научная дисциплина» — стала с XIX в. эталоном для сравнения всех других сфер рациональной деятельности: по канонам естествознания пытаются строиться некоторые социальные науки (например, социология), дисциплинарные образцы принимаются новыми группами наук. К концу XIX в. «по дисциплинам» организована вся наука, независимо от содержания предметов; дисциплинарный принцип соблюдается и в процессе углубляющейся специализации научного знания (28).

3. Формирование научных дисциплин традиционно связывают со становлением «научной профессии», основой автономии которой являлась дифференциация знания, а фактором — «внутренняя организация» (29). Процесс превращения научной деятельности в профессиональную, обусловленный потребностями европейской социально-экономической структуры нового времени, был связан с началом систематического образования. Термин «дисциплина» исторически и обозначал школьное преподавание, как совокупность подлежащих усвоению значий в некоторой сфере человеческого опыта и сам процесс обучения. Схоластики определяли науку как дисциплину, т. е. наука воспринималась как результат доказанного (30). В преддверии научной революции XVII в. в Европе понятие «дисциплина» приобретает непосредственную связь с научной деятельностью: формируется естественнонаучное дифференцированное знание, отделенное от теологии, происходит

осознание новой роли науки в общественной и экономической жизни. Организационное закрепление и оформление новых идей происходит в процессе обучения в светских учебных заведениях Европы типа Оксфордского и Кембриджского университетов в Англии и др. (31). Таким образом, формирование научной дисциплины означает и появление «ее академической составляющей, т. е. отлаженной и последовательной системы образования» (32). Вторая «инстанция» науки, образованная ее функцией «научения», реализуется в процессе воспроизводства сменяющихся поколений ученых, в подготовке кадров исследователей как в ходе самого исследования (через диалог «учитель-ученик», научные школы и проч.), так и в автономной системе образования (университеты и др., в которых в это время и происходит становление собственно научных школ); она обеспечивает «преемственность и развитие знания, кумулятивность научных достижений и становление новых научных традиций» (33). Это — «второй лик науки», более «застывший», т. к. в мире учебных курсов каждая дисциплина имеет свое лицо, свой предмет, свои более или менее четкие границы, она противостоит другим дисциплинам и вступает с ними в борьбу «за своеобразный раздел мира» (34).

В результате появления «академической составляющей» науки ускоряется процесс накопления знаний, научной информации: «...Растущий неподъемный камень научного знания приходится протаскивать через игольное ушко учебных планов, часов, курсов, расписаний, сроков обучения и прочих атрибутов академической реальности, явно формировавшейся по человеческой размерности. Это не могло не вызвать деятельности по переупаковке, сжатию, сокращению, редукции наличного научного знания по человеческой вместимости» (35). Университетский курс той или иной науки не мог создаваться как серия сообщений об отдельных ее достижениях. Его построение предусматривало «систематическое изображение каждой отрасли науки в виде поддающегося усвоению компендиума, включающего все основные содержательные компоненты соответствующей отрасли науки и свойственные ей способы наблюдения и эксперимента» (36). Подобное построение дисциплинарных курсов обеспечивало систематическую подготовку профессионалов, специализирующихся в определенных отраслях знания, а также способствовало формированию систематизированного знания, четкому очертанию когнитивной системы, превращению науки в систему, т. е.

приведенную «в порядок, на основании известных принципов, совокупность знаний» (37). Переход к систематическому образованию на базе университетской системы, сложившейся в европейской культурной традиции в XIX в., а в России приобретшей «законченное выражение» к началу XX в. (38), с ее жесткой структурой научно-педагогических учреждений, нормативностью отношений обусловил превращение науки в социальный институт. Европейские университеты в XIX в. стали центрами научной жизни, а дисциплинарная организация науки — форма существования науки в системе образования — рассматривалась в этот период как единственно возможная и переносилась на всю науку в целом, исследовательская же функция науки стала «эпифеноменом процесса преподавания» (39).

4. На протяжении XX в. появились иные формы организации науки — исследовательские лаборатории сначала в университетах, а затем в промышленности, самостоятельные научно-исследовательские институты и проч. Уже к 1916 г. «монополия» университетов на науку изжила себя (40) — изменились пропорции в развитии науки: ведущая роль в реализации исследовательской «ипостаси» науки переходила в Европе и Америке к академическим и промышленно-отраслевым центрам, что повлекло за собой последующую реорганизацию университетских научно-педагогических структур — постепенное утверждение в организационном строении университетов получавших все большую автономию специальных научно-исследовательских подразделений. Этот процесс также начался с естественных наук. В. И. Вернадский, отмечая новые тенденции в развитии науки, писал: «...все яснее становится невозможность и невыгодность постоянного соединения всей научной исследовательской работы с современной высшей школой, предъявляющей все растущие требования к своему преподавательскому и студенческому персоналу, несоединимые со многими задачами очередной исследовательской работы» (41). Эти явления в научной жизни XX в. поставили вопрос о многообразии форм ее организации, о специфике каждого из ее уровней. Таким образом, в современной литературе был выдвинут тезис о том, что «дисциплинарный уровень не является всеобщим и универсальным» (42), а в западной социологии науки с 80-х г.г. единицей анализа все чаще становится «научная молекула» (небольшая группа ученых) (43). В то же время многие исследователи считают, что сохранение «дисциплинарного восприятия» науки «обуслов-

ливается как потребностями социальной организации, так и интеллектуальной точностью разделения знания на отдельные части», необходимостью «очертить основную сферу компетенции ученого, каталогизировать книги, наметить учебные программы и организовать дееспособные и компетентные подразделения преподавателей...» (44). Понятие «научная дисциплина» конкретизирует представления о науке как социальном институте, дисциплинарность характеризует степень институционализации науки. Дисциплинарная организация знания выполняет различные функции: трансляции достигнутого знания в культуру, социализации новых поколений, передачи идеалов и норм, признанных научным сообществом. Для исследователей «переднего края науки» дисциплинарный уровень является способом идентификации каждого из ученых с научным сообществом, «формой отождествления себя и своих профессиональных знаний с социально признанной областью истинного знания» (45).

Термин «научная дисциплина» с 60-х г.г. прочно вошел в историографическую литературу: им стали оперировать В. И. Астахов, В. Е. Иллерицкий, М. В. Нечкина, А. В. Санцевич, В. Г. Сарбей, Ф. П. Шевченко и многие другие ученые. Однако, только к 80-м годам появились первые теоретические модели* историографии как научной дисциплины.

* Термин «модель» имеет значительный диапазон применяемых значений. Например, А. И. Уемов выделяет 37 различных понятий модели (См.: Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. — М. — 1971. — С. 23—48). В ряде определений модель выступает как «абстрагированное выражение основной сущности объекта моделирования», его аналог, квази-объект и может иметь как «естественно-языковую», так и формализованную в той или иной знаковой системе форму. Среди разновидностей моделирования высоким познавательным уровнем отличается построение таких моделей, которые позволяют рассмотреть изучаемые явления и процессы как определенные системы. Подобный характер моделирования, основанный на дедуктивном подходе, на принципе и методах восхождения от абстрактного к конкретному, ориентирован на раскрытие коренной сути исторических явлений и процессов, т. е. на создание т. н. «теоретических онтологий», среди которых моделирование самого научного знания представляет особую сложность и имеет на сегодняшний день ограниченную практику. (См.: Ковальченко И. И. Методы исторического исследования. — М. — 1987. — С. 359—367; Хвостова К. В. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. — М. — 1980 и др.).

В данном случае применение термина «модель» ориентирует на возможное направление в исследовании рассматриваемой проблемы, с одной стороны, а с другой — употребляется как синоним двух других формул: «концепция» (историческая, историографическая) и «концептуальная схема».

Дидактическая модель историографии. Тезис о неразрывной связи процесса формирования историографии как научной отрасли с дидактическим процессом превратился ныне для специалистов-историографов в хрестоматийное положение благодаря исследованиям Р. А. Киреевой, И. И. Колесник, Б. Г. Могильницкого, Г. П. Мягкова, В. И. Чеснокова и многих других. Но, пожалуй, никто до Р. А. Киреевой (46) не поставил так четко вопрос о дидактической детерминированности дисциплинарного оформления историографии, которая, по ее мнению, «создавалась именно в качестве учебной дисциплины», «вырабатывалась как «университетская» дисциплина», «как особая ветвь исторического знания стала развиваться как учебная дисциплина» (47). Вектор движения историографии у Р. А. Киреевой — от «учебной дисциплины» к «научной дисциплине»: «скромно возникнув из потребностей обучения», историография (в системе образования она сначала «призывалась исполнять научно-информационную функцию», т. к. «нужды преподавания требовали обозрения источников и литературы») затем из общеисторических курсов постепенно выделилась в «специальную учебную дисциплину» и, «занимая свое место в общей системе преподавания...перерастала в особую область исторического знания, выходя из учебных аудиторий на страницы печатных работ...» (48).

На протяжении второй половины XIX и начала XX в.в., констатирует Р. А. Киреева, сложился круг специалистов-историографов (как правило, «лучшие силы дореволюционной официальной науки» — С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. С. Иксенников, М. О. Коялович, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков, Д. И. Багалей, А. С. Лаппо-Данилевский и

Дифференциация этих двух последних понятий, на наш взгляд, необходима (в обычной практике историков формула «концептуальная схема» применяется редко, в то время как термин «концепция» имеет неоправданно широкое «хождение», покрывая все построения), т. к. предполагает учет эмпирического и теоретического уровней научного познания. Термин «концепция» более применим для обозначения конкретно-теоретического уровня научного исследования, которому соответствует завершенная, законченная форма (с «поправкой» на релятивность) исторического или историографического исследования, когда идеи, раскрывающие сущность рассматриваемого явления, выступают в виде подтвержденных фактами конкретных научных заключений. «Концептуальная схема» более соотносима с абстрактно-теоретическим уровнем, которому соответствует гипотетическая конструкция — с идеями в виде гипотез. «Естественно-языковая» форма модели может условно «покрывать» терминологически оба указанных понятия.

др. — все, имевшие «высшее профессиональное образование»); курс лекций по истории историографии занял «определенное место в системе высшего образования», читался как «специальная дисциплина» и вводился в состав магистерских экзаменов; «расширился круг историографической проблематики», формировался корпус историографических источников, «совершенствовались исследовательские методы», вырабатывались «историографические «каноны», определялись жанры историографических трудов; возникли «элементы теории историографии» — сформировалась собственно теоретико-методологическая проблематика новой дисциплины; был поставлен вопрос об организационных структурах, об участии историографов в «международной академической союзности» и др. (49).

Если «начало» становления историографии как научной дисциплины Р. А. Киреева четко определяет серединой 50-х г.г. XIX в., то в отношении конечных граней процесса такой определенности нет. Исследовательница «не спешит» датировать его «завершенность» 1917 г. (конечная грань рамок работы). Ее аргументы — самооценка современников — В. С. Иконникова, М. О. Кояловича, В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского и др. Все они в том или ином плане отмечали то, что еще не настало время для написания «полного и цельного историографического произведения», сознавая «предварительность» собственной работы. М. О. Коялович, например, относил время «идеальной историографии» к XXI веку. Отсутствие специальных организационных структур, по их мнению, не способствовало объединению историографов для написания «коллективной историографии» (В. О. Ключевский). Но главным критерием для Р. А. Киреевой выступает «внутренний рост» дисциплины, который определяется уровнем разработки методологической проблематики. Она вводит два понятия: «элементы теории» и «теоретико-методологические обобщения» как однопорядковые, видовые по отношению к понятию «разработка методологических проблем» и констатирует наличие «элементов теории» и отсутствие «обобщений» в рассматриваемый период. По ряду косвенных данных можно считать, что Р. А. Киреева относит появление «теоретико-методологических обобщений» (по сути — историографических концепций) к эпохе 60—80-х г.г. XX в., когда возрастает, по ее мнению, интерес к теоретико-методологическим проблемам историографии, которые «приобретают первостепенное значение», когда утверждается проблемный

подход в историографических исследованиях, приходящий на смену стадиально более раннему биографическому (портретному) изучению истории исторической науки (именно проблемным подходом определяет она и собственную работу), когда утверждается новое понятие — «история историографии», с которого начинает свое исследование автор (50).

Рефлексивная модель историографии. Эта историографическая концепция принадлежит И. И. Колесник (51). Ее инновация — в объяснении природы историографии и механизмов ее возникновения с помощью одной из гносеологических категорий — «рефлексия». Истоки этого подхода, видимо, в традиции, идущей, как и многие, от Н. Л. Рубинштейна. Он первым среди «отечественников»* обосновал генезис историографических знаний через категорию «рефлексии» по гегельянской схеме развития научного знания (52). Основываясь на последних разработках этой категории в философской и науковедческой литературе, И. И. Колесник экстраполирует ряд теоретических положений из «общеметодологического арсенала анализа структуры и закономерностей развития процесса научного познания в целом» на историографический материал (53). Суммируя известные определения рефлексии, И. И. Колесник рассматривает это понятие как «знание о знании», «важнейший компонент процесса научного познания», «средство и движущую силу развития познавательного процесса» (54).

Историческое познание, как и любое иное научное познание, имеет два уровня: предметный — конструктивное знание о прошлом (это сама историческая наука, исторические знания) и рефлексивный — знание о самом историческом познании и способах получения конструктивного исторического знания. Рефлексивный уровень проявляется в двух формах: 1) внутренняя рефлексия включена в конкретный познавательный процесс и осуществляется как личностная рефлексия ученого, это его историко-научные и методологические представления; 2) внешняя рефлексия — это осознание общего хода научного познания, его результатов. Внутренние формы рефлексии генетически предшествуют внешним. Последние со временем выделяются в самостоятельные области знания, т. е., «рефлексивные научные дисциплины», которые можно иденти-

* Условно: «отечественники» — специалисты в области изучения проблем отечественной истории и историографии; «всеобщники» — всеобщей, всемирной.

фицировать с науками о познании: теорией познания, логикой, общей методологией, психологией научного творчества, науковедением, историей науки (55).

Таким образом, считает И. И. Колесник, историография — это «историческая рефлексия». Ее внутренние формы включают личностную рефлексию историка (его историографические представления) и «проблемную историографию», которая представляет собой «осознание целей, средств и путей решения конкретной исследовательской проблемы в рамках отдельно взятого познавательного процесса». К внешним формам исторической рефлексии относятся: история исторической науки (историография), методология исторического исследования, психология исторического творчества и т. п. Внутренние и внешние формы исторической рефлексии в системе исторической науки функционируют во взаимосвязи и взаимодействии. Но историографические представления отдельного автора (в т. ч. проблемная историография), считает И. И. Колесник, генетически предшествуют появлению специальной отрасли, изучающей ход исторического познания, развитие исторических знаний (56). Отсюда, как нам представляется, традиционный тезис о том, что историография «как наука появляется позже» самой исторической науки, т. е. обязательно предполагает «в качестве предпосылки существование истории как науки» (57), — не противоречит в целом «рефлексивной концепции» И. И. Колесник, которая, напротив, углубляет, теоретически насыщает это традиционное положение с позиций современного уровня развития исторической науки и общенаучного уровня в целом. Ее инновация — в тезисе о возникновении «историографических идей одновременно с конструктивным знанием о прошлом», т. е. с возникновением самих исторических идей, поэтому «генезис и развитие историографических знаний» И. И. Колесник рассматривает как длительный по временной протяженности процесс и для определения качественных изменений в его внутренней динамике вводит понятие «образ историографии», который соответствует определенному этапу в этом процессе.

В отличие от традиции недифференцированного употребления понятий «наука», «область знания», «научная дисциплина» и др. в литературе, (58), И. И. Колесник ставит вопрос о необходимости различения понятий «область научного изучения» и «научная дисциплина», которые, по ее мнению, несмотря на свой однорядный характер, выступают в значении определения научного уровня развития историографиче-

ских знаний и свидетельствуют о разной «степени их теоретизации и организационно-дисциплинарного статуса» (59).

Традиционно в литературе «научную историографию» связывали с именем С. М. Соловьева. Однако, одни ученые трудами С. М. Соловьева «начинали» становление историографической науки, дисциплины историографии (Н. Л. Рубинштейн, Р. А. Киреева и др.), другие — «заканчивали» этот процесс, определяя его начало 20—40-ми гг. XIX в. (В. Е. Иллерицкий, А. М. Сахаров, В. И. Шевцов и др.). Весь предшествующий период — это «истоки историографии» «элементы историографического анализа», которые появляются с трудов В. Н. Татищева, но до XIX в. лишь «эпизодически». Эта схема в принципе повторяет известную схему «процесса превращения исторических знаний в науку», по которой одна группа ученых «начинала» становление исторической науки с трудов В. Н. Татищева, а другая — «завершала» трудами В. Н. Татищева формирование истории как науки (60), и лишь А. Л. Шапиро «протестовал» против жесткого деления процесса развития исторических знаний на «до-научный» и «научный», считая, что и до XVIII в. элементы рациональности (а эту линию, по его мнению, следует вести из античности через все средневековье) в историческом познании свидетельствовали о его «научности» (61).

«Научность» историографии в литературе понималась по-разному (хотя в основе «научности» — традиционно — восприятие рационалистического мышления) (62). У Н. Л. Рубинштейна «научность» имеет уровни: «идеалистический» гегельянский (диалектико-идеалистический) и марксистский (диалектико-материалистический). В соответствии с этой схемой он констатирует, что «задачу создания научной историографии не смог разрешить и М. Н. Покровский» (63). Четкости формулировок в вопросе, когда же появляется собственно научная историография, у Н. Л. Рубинштейна нет. Возможно, в его позиции вынужденно-решающим моментом явилась «зависимость» от стандартного тезиса советской историографии 30—50-х гг. о критерии «научности», по которому любая наука, основанная на идеалистической методологии объявлялась не-наукой (64). Преодоление этого тезиса в менталитете советских ученых заняло значительный период времени. Особая роль в этом процессе принадлежит первым изданиям дидактического характера, представляющим собой то же время новаторские научные исследования (65).

Эволюция в понимании «научности» в советской историографии шла от признания в качестве критерия научности — конкретного типа методологии (диалектико-материалистической) к поиску критериев научности по линии осмысления структуры теоретико-методологических аспектов познавательной деятельности. Р. А. Киреева уже вводит дифференцированные понятия — «элементы теории историографии» и «теоретико-методологические обобщения», как «уровни» разработки теоретико-методологических проблем историографии, хотя в целом еще не выходит за рамки традиционного противопоставления марксистской и немарксистской, буржуазной науки (66). И. И. Колесник уже считает, что «теоретический уровень в изучении истории науки означает переход от описания различных концептуальных схем прошлого науки к построению теоретической модели историко-научного процесса (т. е. выработке «теоретической онтологии»)» (67).

В соответствии со своей концепцией рефлексивной природы историографии И. И. Колесник дает периодизацию всего процесса «генезиса и развития историографических знаний» с емкой характеристикой каждого периода. Для нас важно выделение автором принципиальных рубежей в этом процессе: 1) с XVIII в. — складывается «эмпирический образ» «научной историографии»; 2) с 20—30-х г.г. XIX в. — «начало» трансформации эмпирического образа историографии в «собственно научный» — это время формирования историографии как «особой области изучения»; 3) с середины XIX в. (с трудов С. М. Соловьева) — идет процесс формирования «дисциплинарного образа историографии», что «составило содержание последующего периода ее развития вплоть до последнего времени». Однако «процесс создания организационно-дисциплинарных структур историографии отечественной истории был приостановлен в период становления советской исторической науки» и «возобновлен» с конца 30-х — начала 40-х г.г. Завершение же его, по мнению И. И. Колесник, приходится на 1950—1980-е г.г. XX в. В качестве важнейших критериев «завершения» процесса превращения историографии в научную дисциплину автор выделяет: рост самосознания исторической науки; разработка проблем методологии и истории историографических исследований (появление истории историографии); укрепление организационных основ этой отрасли знания (68).

О месте историографии в системе наук. Вопрос о месте историографии в системе наук имел несколько традиционных

подходов и решений в отечественной литературе. Структурный (системный) подход детерминирует рассмотрение историографии как части, элемента какой-либо сложной системы. В этом плане историографию определяли* как: а) часть национальной русской науки вообще (М. О. Коялович); б) часть общемировой истории науки (А. С. Лаппо-Данилевский относил курс по историографии к разряду курсов по истории науки) (69); в) элемент истории русской культуры (П. Н. Милюков) (70), часть истории советской культуры (М. В. Нечкина) (71); г) отрасль истории общественной мысли (Е. А. Косминский) (72); д) отрасль самой исторической науки (Н. Л. Рубинштейн, А. И. Данилов, Ф. П. Шевченко (73), Р. А. Киреева и др.), ее «структурный элемент» (И. И. Колесник).

С точки зрения структурно-генетического подхода историографию рассматривают как: а) результат процесса дифференциации самой исторической науки (Р. А. Киреева считает, что историография «вызревала в недрах исторической науки» и этот «трудный и постепенный процесс» шел через размежевание историографии, источниковедения и исторической библиографии) (74); б) результат рефлексивной природы процессов исторического познания (И. И. Колесник).

С точки зрения структурно-функционального подхода историографию определяют как: а) дисциплину «подчиненную», имеющую вспомогательный характер; б) самостоятельную науку или особую научную дисциплину исторического профиля. С 40-х г.г. (с выходом первых обобщающих учебных пособий по историографии) наметились две позиции: среди «всеобщников» была более сильной тенденция отводить историографии подчиненную роль, сводя ее функции к утилитарным задачам информационно-обзорного характера. Н. Л. Рубинштейн первым «заговорил» о ней как о науке, имеющей свой предмет исследования. На протяжении 60—80 г.г. утверждается (с определенным диапазоном нюансов) вторая трактовка статуса историографии (Л. В. Черепнин, М. В. Нечкина, А. М. Сахаров и многие другие). При этом ее месту и значению в системе исторических дисциплин придается особая роль: «В последние десятилетия, — отмечают авторы учебного пособия «Специальные исторические дисциплины», вышедшего в Украине в 1992 г., — историография как специальная

* Подчас — вне осознания и четкого формулирования сути собственного подхода и в соответствии с уровнем теоретического знания своей эпохи.

историческая дисциплина заняла ведущее место в системе дисциплин и направлений исторической науки» (75). И. И. Колесник, в частности, считает, что особое место историографии в системе исторической науки определяется ее структурно-функциональными связями в процессе исторического познания. К основным функциям историографии она относит: 1) конструктивную, направленную на получение нового знания, и 2) парадигмальную, которая находит свое проявление в создании историографических традиций, в следовании образцам и канонам историописания и др. Это — «способ поддержания данной системы историописания». Обе функции «самопознания науки являются регуляторами системы науки, вне которых эта система не может функционировать, воспроизводиться и развиваться» (76).

О некоторых возможных направлениях исследования проблемы: предварительные выводы. Даже беглый обзор литературы вопроса позволяет говорить о значительных «наработках», заслуживающих самого пристального внимания для осмысления проблемы дисциплинарности историографии. Суммируем ряд позиций, которые, на наш взгляд, можно учитывать при конструировании новых моделей историографии.

1. Формирование историографии как научной дисциплины целесообразно рассматривать в общем контексте дисциплинарного оформления научного знания, исходя из ведущих универсальных линий, определяющих этот процесс: социокультурная детерминация науки и любой ее отрасли; принципиальное единство структуры научного знания; принципиальная общность организации научной деятельности, а также учитывать уровни универсализма в этом процессе: общенаучный, в рамках наук социогуманитарного профиля, в рамках исторической науки и др.

Взаимосвязь различных научных отраслей, обусловленная единством «ипостасей» науки и самим положением науки как элемента социокультурной системы, находит свое выражение в их взаимовлиянии и взаимодействии, что связано в свою очередь и с местом конкретной отрасли знания в общей научной иерархии. Общеизвестно влияние естественнонаучного знания на общественные науки: все научные революции в сфере естествознания влекли за собой радикальные перемены и в области общественнознания. Приоритетное положение в общенаучном контексте тех или иных естественных дисциплин в конкретный исторический период детерминировало новые направления в исследовании общества: «прорыв» в матема-

тике и физике в XVI—XVII в.в. привел к возникновению «социальной физики»; в биологии и психологии в XIX в. — к распространению естественнонаучного мировоззрения на сферу обществензнания и исторической науки, в частности; научно-техническая революция в XX в. обусловила становление целого блока наук социогуманитарного профиля, интегральных по своему характеру — психоистории, исторической психологии, клиометрии и проч., рождение «новой научной истории», размах междисциплинарных исследований (77).

При решении вопроса о дисциплинарном оформлении самой исторической науки в литературе выдвинут тезис о том, что «главным импульсом» формирования самосознания исторической науки в конце XIX в. было «общее развитие науки, по преимуществу естествознания»: задуматься о своей познавательной компетенции историю заставил «своеобразный комплекс неполноценности, который обнаружили в ней некоторые историки» в связи с дисциплинарным оформлением естественных наук, превращением естествознания к середине XIX в. в социальный институт и огромным влиянием естественнонаучных идей на все сферы научного знания (78). Вне зависимости от того, насколько данный тезис разделяют другие историки, нельзя не согласиться с тем фактом, что становление риккерттианства во многом связано с попыткой противопоставить «засилью» «естественнонаучного мирозерцания» в сфере истории иной взгляд на статус обществензнания и исторической науки, в частности, специфику их методов и проч. (79). А возникшие в связи с этим «дебаты», действительно, стимулировали развитие исторического познания, раздвинули границы понимания общего и особенного в общенаучной иерархии, способствовали оформлению главных методологических систем на рубеже XIX—XX в.в., определивших многообразие методологических направлений XX века, объективно подготовивших возникновение тезиса о «многомерности мира» и «многомерности» возможностей его познания.

В то же время, XIX век, который часто называют «Веком истории», предоставил нам факты и обратного воздействия исторической науки на естественные: вызвавшая революцию в биологии эволюционная теория Ч. Дарвина строилась на основе применения исторического метода изучения биологических явлений; обращение А. О. Ковалевского и И. И. Мечникова в эмбриологических исследованиях к эволюционному принципу (по сути — историческому методу) создало пред-

посылки для возникновения эволюционной эмбриологии и др. (80).

Историография как история исторической науки является видовой отраслью родового — фундаментального исторического знания, как и другие специальные исторические дисциплины — источниковедение, историческая библиография, генеалогия, археография и др., общее количество которых на сегодняшний день составляет более 80 единиц. Их возникновение и развитие находилось «в прямой зависимости от развития собственно исторической науки» (81), поэтому дисциплинарное оформление самой исторической науки будет всегда выступать ведущим фактором формирования ее отраслей как научных дисциплин. В то же время, развитие каждой из отраслевых исторических дисциплин прямо или опосредованно оказывало влияние на другие. Так, А. П. Пронштейн считает, что именно становление в середине XIX в. источниковедения как научной дисциплины способствовало тому, что «историки второй половины XIX в. стали уделять больше внимания анализу проблем историографии в России». В то же время в первой половине XIX в., по его мнению, уже наметилось «отделение» палеографии, генеалогии, сфрагистики, метрологии и др. от источниковедения «в самостоятельные специальные исторические дисциплины» (82). Другие ученые считают, что историческая метрология, историческая хронология, эпиграфика, дипломатика и др. «приобрели самостоятельный характер, свойственный научным дисциплинам» уже к концу XVIII в. Что касается, например, сфрагистики, то, по их мнению, она «начала складываться в самостоятельную науку лишь в XIX в.» во многом в связи с успешным развитием археологии. А сама археология как научная дисциплина датируется специалистами второй половиной XIX в. (83).

Сравнительный анализ конкретных параметров дисциплинарной стадии в развитии отраслевых наук исторического профиля, в частности, будет способствовать более ясному видению всего блока исторических дисциплин, их иерархии в общей системе исторической науки, преодолению «дисциплинарных барьеров» в научной деятельности историков, с одной стороны, а с другой — возможности прогнозирования дифференциационно-интеграционных процессов в развитии исторического знания, поиску различных вариантов междисциплинарного синтеза в рамках углубляющейся специализации исторических исследований. При этом учет национально-региональной специфики дисциплинарной формы историографии

поможет выявить типологическое разнообразие дисциплинарных «образов» данной науки в системе европейской и мировой историографической традиции.

Историографию как историю исторической науки в то же время рассматривают и как отраслевой компонент историко-научного знания в целом — истории науки. Однако спецификой формирования историко-научного знания является то, что, основной массив литературы по этой проблематике посвящен вопросам истории естественнонаучного знания. Б. Г. Могильницкий справедливо отмечал, что «несмотря на значительный рост науковедческих исследований ... изучение закономерностей функционирования исторической науки находится явно в зачаточном состоянии», т. к. «в роли науковедов выступают главным образом представители естественных наук и философы, а предметную сферу их деятельности составляет естествознание». Таким образом, и «основные концепции современного науковедения базируются именно на результатах обобщения опыта развития естественных наук. Между тем историки обладают своей спецификой, делающей необходимым ее специальный науковедческий анализ, учитывающий своеобразие исторического знания как особой формы научного познания» (84). Несмотря на то, что многие ученые уже давно подчеркивали «значение науковедения для историографии» (85), специальные работы по истории исторической науки, в которых бы был применен «принцип изоморфизма» (т. е. перенесение знаний, полученных при изучении одной системы — науки в целом, историко-научных знаний — на другую — отраслевых наук, отраслевых историко-научных знаний), насчитываются единицами (86). В данном случае мы акцентируем внимание на применение «науковедческого подхода к историографии» (87) в аспекте поставленной проблемы: разработка вопросов дисциплинарности в науковедческих и историко-научных исследованиях в целом и сравнительный анализ становления истории науки и историографии, как ее отрасли.

Рассмотрение историографии как отраслевого компонента истории науки в целом (историко-научного знания) и обращение в этом плане к науковедческой литературе требует учета некоторых терминологических различий. Термин «история науки» науковедами употребляется в двух различных смыслах: как реальный процесс развития науки и как отрасль знаний, изучающая этот процесс. Поэтому во избежании терминологической неясности обычно историю науки во втором

смысле называют «историография науки». Историю же этой науки, т. е. историю истории (историографии) науки, — «историография истории науки» (88). Однако подобная терминологическая четкость не всегда свойственна другим авторам: нет дифференциации между онтологическим и гносеологическим аспектами историко-научного знания; «историю науки» определяют как «самостоятельную научную дисциплину», а «историографию науки» — как «специальную вспомогательную дисциплину в рамках истории науки», задача которой в «фиксации различных жанров историко-научной литературы» и процесса изменения этих жанров (89) и др.

В исторической литературе (при сохраняющихся до сих пор разногласиях несмотря на «ожесточенные» дискуссии 60—80-х г.г. в научном сообществе историков СССР) в 80-е г.г. сложился «относительный» консенсус: 1) термин «историография» в значении самой исторической науки признается архаическим почти всеми*, хотя в реальной практике историков он продолжает бытовать. Во многом это связано с традициями исторической науки в Европе и США, где широко используется термин историография как синоним исторической науки; 2) термин «историография» употребляется как историками, так и представителями других наук, в том числе, естественных, как «совокупность работ по какой-либо проблеме», или как история изучения конкретной проблемы. С начала 80-х г.г. это направление исторических исследований все чаще стали называть «проблемной историографией**»; 3) среди историков существует практика, свойственная для многих ученых, разделять онтологический и гносеологический аспекты исторического знания и исторической науки: объективный процесс развития исторической науки называют «история исторической науки», или «историографический процесс», а науку, изучающую это явление — «историографией», или «историографической наукой». Выделяя национально-региональный или временной ракурс историографии в этом значении, говорят об «историографии истории Украи-

* Термин «историография» как синоним исторической науки был распространен в европейских странах в XVIII—XIX в.в. Звание официальных историографов имели Л. фон-Ранке в Германии, Н. М. Карамзин в России и др.

** В философской литературе обычно применяют формулу «историография вопроса» или «функциональная историография». В других научных отраслях в этом же значении практикуют понятие «конкретная историография».

ны», «историографии истории России» (США, Англии и др.), «историографии истории нового времени стран Европы и Америки» и др. Под «национальной историографией» часто понимают развитие исторической науки в отдельных странах или специальную науку, существующую в этих странах и изучающую историографический процесс национально-регионального характера. Здесь тоже существуют свои нюансы: в изучении истории исторической науки в конкретно взятой стране традиционно выделяли два направления: историография национальной истории (историография истории Украины, например) и историография всемирной истории (соответственно по периодам и регионам). Несмотря на проведение совместных историографических конференций, симпозиумов и проч. для «всеобщников» и «отечественников» в реальной практике «советской эпохи» сохранялись значительные ведомственные барьеры. И хотя вопрос о широком понимании предмета историографии был поставлен давно (еще М. В. Нечкина в середине 60-х г.г. отмечала, что в историю исторической науки входит: а) «историография ее собственной истории»; б) «изучение нашими историками вопросов всемирно-исторического процесса... историографии всемирной истории»; в) история «развития ряда самостоятельных исторических дисциплин» — история археологии, этнографии, исторической географии, источниковедения, краеведения, а также «история вспомогательных дисциплин» — история палеографии, дипломатики, хронологии, нумизматики, сфрагистики, метрологии, генеалогии, геральдики, исторической библиографии, история архивов и музейного дела и проч.) (90) и многие ученые обращали внимание на то, что «предмет истории исторической науки шире историографии отдельно взятой страны не только во временном, хронологическом, срезе, но, прежде всего, с содержательной стороны» (91), «узкое» понимание «национальных историографий», смешение этого понятия с понятием «историография национальной истории» (т. е. история изучения отечественной, национальной истории) с новой силой реанимирует в менталитете историков независимых государств. Что касается формул «история исторической науки» и «историография», то в обыденной практике ученых они часто применяются как синонимы; 4) новое направление, изучающее историю самой историографии — историографической науки, или историю истории исторической науки, называют «история историографии».

Реальная практика применения термина «историография», а также содержательного наполнения этой исторической дисциплины продолжает оставаться очень широкой. Поэтому при учете приведенных наиболее общеупотребляемых среди специалистов-историографов значений термина «историография» всегда целесообразно исходить из контекста*.

Поскольку в исследованиях, посвященных дисциплинарному оформлению различных отраслей знаний, унификация понятий необходима для продуктивного сравнительного анализа, мы, учитывая традиции науковедческой и собственно исторической литературы и делая попытку их относительного совмещения, предлагаем следующие понятия в соответствующих значениях: 1) «историография науки», или «историографическая наука» — это научная дисциплина, изучающая историю науки в целом. Поскольку наука имеет отраслевую специфику, то допустимо выделять «историографию естествознания», «историографию обществензнания» и далее — «историографию науковедения», «историографию социологии» и проч. Дисциплину, изучающую историю исторической науки, можно определять как «историография исторической науки» («историография истории»). Поскольку все дисциплины исторического профиля имеют свою историю, то научные отрасли, изучающие историю конкретных дисциплин, аналогично могут называться — «историография источниковедения», «историография археологии», «историография археографии» и проч.

«Историю в третьей степени» соответственно можно обозначать для науки в целом как «историография истории науки», или «историография историографической науки», а для отраслевых историографий как: «историография истории ис-

* Среди историков существует традиция (на уровне «обыденной» практики общения) при уточнении смыслового значения термина «историография» обращаться к т. н. «степенным ассоциациям»: историческая наука — «история в первой степени»; историография как история исторической науки — «история во второй степени»; история историографии — «история в третьей степени». По сути — это отражение (на уровне обыденного сознания) рефлексивного процесса.

торической науки», «историография истории источниковедения», «историография истории археологии» и т. п.*.

Итак, если мы исходим из горизонтальной иерархии историко-научного знания, то «историография естествознания», «историография обществознания» и проч. (в соответствии с классификационными схемами**) выступают составными компонентами историографии науки в целом, а их отрасли являются в свою очередь компонентами фундаментальных разделов историко-научного знания и т. д. В то же время, исходя из вертикальной иерархии, каждая отраслевая историография является органическим компонентом своего родового знания, т. к. «наука — это система, которая включает в себя свое собственное осознание», это — «система с рефлексией», а развитие рефлексивного компонента любой науки приводит к появлению (выделению) специальных рефлексивных дисциплин, которые одновременно предстают и как компоненты конкретного фундаментального, или отраслевого знания — истории и методологии данной, конкретной, отраслевой науки (93).

Рассмотрение историографии исторической науки как отраслевого компонента историографии науки требует обратиться к основным позициям ученых в оценке этой дисциплины. Так, С. Р. Микулинский выделяет несколько направлений во взглядах на историографию науки: а) научная дисциплина, изучающая процесс развития науки; б) наука,

* Данная терминология в том или ином плане применяется многими специалистами в области истории науки. Однако следует учитывать, что развитие историко-научного компонента отраслевого знания еще не во всех сферах привело к выделению специальных научных дисциплин.

** В традициях советской науки классификация фундаментального научного знания предполагает деление на: естественные, общественные и технические науки. Б. М. Кедров общественные науки разделял на: а) собственно исторические; б) т. н. структурные — те, предметом которых выступает не все общество в целом, а отдельные его структурные элементы, аспекты или стороны; в) стыковые науки, которые изучают историю отдельных элементов структуры общества — история государства, история партии, история экономических отношений, археология, этнография и др.; к подгруппе стыковых наук относятся, по его мнению, и науки, изучающие историю самих общественных и других наук — естественных, технических.

В традициях западного науковедения существуют «три главных раздела формального светского знания»: это — «гуманитарные науки, внимание которых сосредоточено на «культурных объектах», естественные науки, занимающиеся миром за пределами культуры во всех его аспектах, и социальные науки, изучающие социальные действия (поведение в физическом мире, направляемое культурой)» (92).

Главная задача которой — изучение истории познания окружающего мира, поэтому она тесно связана с философией, в первую очередь с эпистемологией; в) это — часть гражданской истории, если рассматривать науку под углом зрения истории производительных сил; г) часть истории культуры; д) раздел той или иной специальной науки. В любом случае, считает он, историография науки — это память науки, ее архив, средство ее активного освоения и развития; она помогает понять феномен науки в целом, или какую-либо конкретную область знаний, пути и закономерности ее развития (94). Основываясь на истории естественно-научного знания, ученые рассматривают историографию науки как интегральную по характеру самостоятельную научную дисциплину, которая «возникла, отделяясь от философии, истории гражданского общества и собственно естествознания и несла на себе разнородные пласты содержания каждой из этих дисциплин», отражая «особенности развития всех этих трех областей» (95). Но если для Н. И. Кузнецовой — это «прежде всего историческая дисциплина», то Б. А. Старостин дает более сложную схему эволюции этой отрасли знания. По его мнению, «зачатки историко-научного познания» следует относить к древности, ко времени складывания собственно исторических знаний. На протяжении конца XVIII—XIX в.в. идет «фронтальный» процесс историко-научных исследований и происходит появление «историографии науки как особой целостной подсистемы в рамках более общей системы: естественнонаучного познания», а в XIX в. оформляется историко-научное исследование «как целостная развивающаяся система», выступающая в то же время как «компонент или часть» самой науки. Понятие же «научная дисциплина» проникло в историко-научные труды в XVII—XVIII в.в., когда само естествознание распалось на ряд дисциплин (96).

Н. И. Кузнецова считает, что «признание» истории науки как «самостоятельной научной дисциплины произошло в 1892 г., когда во Франции была создана первая специальная кафедра по истории науки». Но в то же время, подчеркивает она, «собственные традиции историко-научного исследования тогда еще не сложились», хотя в XIX в. и зародилась проблематика, ставшая основным содержанием историко-научных работ XX в. Превращение истории науки «в самостоятельную отрасль теоретического познания» произошло, по ее мнению, во второй половине XX в., хотя «единство фронта историко-научных исследований задано... скорее, организационно и ин-

ституционально, а не предметно-теоретически» до сих пор (97). С. Р. Микулинский также подчеркивает, что «история науки возникла давно она, можно сказать, ровесница самой науки...». Но переломным моментом он выделяет 40-е г. XX в., когда началось «быстрое развитие историко-научных исследований», а в 50—60-е годы история науки становится «самостоятельной и весьма крупной отраслью знания...» (98). Что касается историографии истории науки, то С. Р. Микулинский ставит вопрос (актуальность этой проблемы уже очевидна, по его мнению, для 80-х г.г. XX в.) о необходимости разработки фундаментальных аналитических исследований по историографии истории науки, изучения методологических направлений в историографии науки, т. к. «недостаточная разработка историографии истории науки», т. е. — анализ историко-научных исследований и концепций — «является одной из причин трудностей в развитии теоретических основ историографии науки». Существует, считает он, общая закономерность, которая заключается в том, что «любая развивающаяся наука имеет свою историю. Если историография науки — наука, она должна иметь свою историю» (99).

Таким образом, диапазон мнений о характере взаимодействия отдельных научных отраслей и их блоков, о хронологическом определении дисциплинарного оформления той или иной научной дисциплины и проч. весьма широк и свидетельствует не только об ограниченности фактуальной основы для осмысления процесса формирования конкретных научных дисциплин и самого блока «историографий» науки, но прежде всего о недостаточной разработанности методологии проблемы дисциплинарности.

2. Рассмотрение проблемы дисциплинарности, исходя из тезиса о едином контексте процесса формирования научных дисциплин и необходимости сравнительного анализа «дисциплинарных процессов» различных отраслей знания, выдвигает ряд методологических проблем: экспликацию ключевых понятий — «научная дисциплина», дисциплинарная «стадия» «форма», «образ», «уровень»; «процесс» формирования и развития научных дисциплин и проч.; определение параметрических характеристик; анализ традиционных классификационных схем научного (в том числе — исторического) знания и др.

Для историко-научного анализа представляется методологически перспективным использование понятия «дисциплинарная стадия», которое, основываясь на трех исходных изобра-

жениях научной дисциплины, традиционно закрепленных в науковедческих исследованиях: а) «система»; б) «историческое образование»; в) «форма» научного знания, соответствующая определенному «уровню» в развитии «организационной структуры науки», можно рассматривать следующим образом. Это — конкретно-исторический этап в развитии научного знания, которому соответствует определенная степень «теоретизации» данного отраслевого знания и оформления организационно-нормативных аспектов научной деятельности. «Дисциплинарная стадия» входит как этап в процесс формирования научной дисциплины, в рамках которого происходит становление научной дисциплины и завершение всего процесса ее формирования, что выражается в складывании целостной системы с соответствующим уровневым строением ее компонентов, способной к развитию при сохранении своей целостности. Таким образом, научная дисциплина предстает как конкретно-историческая форма в развитии отраслевого знания, которая появляется на соответствующем уровне организации науки, детерминирована определенной степенью теоретизации научного знания и представляет собой систему, отвечающую основным признакам дисциплинарного статуса с конкретным набором системных характеристик. «Завершенность» процесса формирования научной дисциплины не означает «завершения» дисциплинарной стадии, которая продолжается в связи с собственно дисциплинарным развитием конкретной отрасли знания со всем универсализмом и спецификой, присущих ему.

«Восхождение» к «дисциплинарной стадии» зависит от понимания характера процесса формирования научных дисциплин. В этом плане можно выделить ряд подходов: 1) Научная дисциплина появляется в результате «сужения» объекта исследования. В этом случае вектор движения научного знания: от единого научного знания в форме натурфилософии как единой философской науки — к фундаментальным наукам, а от них — к научным дисциплинам. Традиционно считается, что в XVIII в. сложились основные фундаментальные науки, в т. ч. — историческая. На протяжении XVIII—XIX в. в. процесс дифференциации пошел «вглубь»: сами фундаментальные науки расчленились на свои подразделения — научные дисциплины. В XIX в. складывается система научных дисциплин, которые характеризуются меньшим объемом предмета исследования и представляют собой «второй эшелон» интер-подразделений фундаментальных наук. На протяжении

XX в. процесс дифференциации приводит к формированию научных специальностей, которые отражают дальнейшее сужение предмета исследования по сравнению с дисциплиной являются как бы «третьим эшелонem» интер-подразделений фундаментальных наук. 2) Если рассматривать не «вектор объема», а «вектор роли ведущего звена» в развитии организации научного знания через призму анализа его функционального единства (функций исследовательской, когнитивной, научения, дидактической; коммуникационной, организационно-издательской), то в историческом ракурсе по этим показателям, обеспечивающим структурную и генетическую функциональность той или иной научной отрасли, в XVI—XVIII в. в. строились фундаментальные науки, а ко второй половине XIX в. эти функции перешли от фундаментальных наук к научным дисциплинам, как более дробному звену общей структуры научного знания, и далее, в XX в. — к специальностям и др. (100). Эти две наиболее распространенные схемы отражают, скорее, «логику» процесса, но методологически менее продуктивны для анализа исторической конкретики. 3) Если рассматривать процесс формирования научных дисциплин как длительный многомерный процесс развития научного знания и научной деятельности, то его можно изобразить как процесс постепенного складывания научной дисциплины как социокультурного организма, включающего три уровня системности — когнитивный, инфраструктурный, социокультурный. Конкретное «наполнение» этих уровней основывается на традиционном уже понимании в отечественной литературе номенклатуры факторов, определяющих процесс развития исторической науки. Вне зависимости от терминологических вариаций в 80-е г.г. в научном сообществе историкографов определилось взаимопонимание в отношении основных сегментов исторического знания, инфраструктуры исторической науки и социокультурных факторов, детерминирующих ее развитие (101). Исходя из тезиса о родовой общности исторической науки в целом и ее отраслевых составляющих, можно рассматривать научные дисциплины исторического профиля по единой схеме. Вхождение в блок исторических дисциплин обуславливает не только единство исторического метода, общие закономерности дисциплинарного оформления, взаимосвязь и взаимообусловленность в той или иной мере процессов формирования и развития их как научных дисциплин, но и однотипную структуру системного изображения. В этом случае «системность», «целостность» исто-

риографии как научной дисциплины будет определяться наличием единства ее когнитивной системы, инфраструктуры и социокультурной системы. Когнитивная система историографии (как и исторической науки в целом, или ее специальных исторических дисциплин) включает: исследовательскую проблематику, источниковую базу, источниковедческую методiku, методологию, концепцию. Инфраструктура — второй уровень в системе дисциплинарного строения историографии, включает: научное сообщество историографов, историографические учреждения, специализированную подготовку кадров и проч. Социокультурную систему следует рассматривать не просто как «внешние факторы» или «социокультурный фон», но как совокупность определенных устойчивых отношений («традиций»), которые должны сложиться между данной научной дисциплиной и обществом, как культурным организмом, одним из элементов которого является наука. Среди компонентов социокультурной системы: «политика» высших научных и образовательных инстанций по отношению к данной дисциплине; ее место в научной иерархии, «престижность» в обществе и научном сообществе, механизмы трансляции в инокультурные сферы и проч. Рассмотрение научной дисциплины как «открытой самоорганизующейся системы» позволяет говорить о «размытых очертаниях» каждого из уровней — когнитивного, инфраструктурного, социокультурного, об усложнении их структуры по мере дисциплинарного развития. Именно целостность трех уровней единой дисциплинарной системы (несмотря на «разнородность ее компонентов»), их функциональная взаимообусловленность детерминирует «единство дисциплинарного знания и способов действия с ним, общее содержание специальной подготовки исследователей и формы их идентификации, единый набор средств дисциплинарной коммуникации и институтов, регулирующих функционирование дисциплины», т. е. отвечает, таким образом, основным признакам научной дисциплины (102). Однако, в данном случае речь идет в большей мере о складывании дисциплинарной системы, отвечающей универсальному «набору» характеристик науки вообще. Нам же необходимо выделить такие компоненты этой единой системы (или конкретных ее уровней), которые бы выступали и «критериями» «начала», либо «завершенности» процесса самой дисциплинарной стадии. В качестве таких компонентов можно рассматривать, на наш взгляд, в первую очередь: 1) степень «теоретизации» данной отрасли знания; 2) складывание системы специальной подго-

товки профессиональных кадров в данной научной отрасли. На эти явления, в принципе, обращают внимание практически все исследователи*, но, обычно, дидактическая «ипостась» науки не объединяется с уровнем разработки ее теоретико-методологических основ под углом рассмотрения их как ведущих критериев дисциплинарного оформления той или иной отрасли знания.

3. Система профессионального образования — важнейший компонент инфраструктуры науки, который не только обеспечивает реализацию второй функции науки — «научения» (дидактической), а через нее закрепляет парадигмальные позиции, сформулированные на когнитивном уровне, и, таким образом, способствует передаче традиций, но определяет в результате этих процессов степень развитости организационно-нормативных аспектов научной деятельности и проч. Отрасль знания трансформируется в научную дисциплину через появление ее второго «лика» — «учебной дисциплины», которая «реализует» механизм воспроизводства знаний в этой отрасли через систематическую подготовку новых научных кадров. Таким образом, «учебная дисциплина» и «научная дисциплина» — это две стороны дисциплинарного «образа» науки, двуединая форма «дисциплинарной стадии» в развитии научного знания и научной деятельности. Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах появляется дидактическая «ипостась» научной отрасли, когда ее развитие приводит к профессиональной автономии и систематическому воспроизводству научного сообщества является принципиальным для определения «дисциплинарной стадии» отраслевой науки. В контексте европейской культурной традиции профессионализация научной деятельности связывается с формированием университетской системы и т. н. «университетской науки». Поэтому профессионализация исторического образования, появление в учебных планах университетов тех или иных исто-

* О. М. Медушевская, например, датирует «самостоятельность» источниковедения концом XIX — нач. XX в.в., т. к. в это время «источниковедение выделилось в особую область знания и предмет преподавания в высшей школе» (103). Критерием формирования источниковедения как научной дисциплины в конце XIX в., считают другие авторы, выступает разработка проблем теории источниковедения и специальных исторических дисциплин», которая была дана позитивистской историографией. В это же время (конец XIX — нач. XX в.в.) «особая роль» стала «отводиться специальным дисциплинам в деле подготовки профессиональных историков», специальные исторические дисциплины вошли в учебные планы университетов (105).

рических учебных дисциплин будет означать и трансформацию исторического знания в научную дисциплину*.

Другим важнейшим параметром является степень «научности» — «теоретизации» знания, соответствующая дисциплинарной стадии его развития, которая проявляется в оформлении блока методологической проблематики и появлении истории данной науки. Рефлексивная составляющая процесса научного познания детерминирует формирование методологического сознания как одну из многих форм культуры и одновременно особую форму, в которой наука осознает самое себя (104). Б. А. Старостин видит универсальность развития самых различных исследовательских областей в том, что «на известной стадии их зрелости» наблюдаются крупные сдвиги в отношении их структуры», которые выражаются в том, что в каждой исследовательской области все большее место занимает как а) анализ собственной методологии, так и б) в тесной связи с разработкой методологических проблем идег изучение генезиса и эволюции данной исследовательской области, т. е. появляется история этой области знания. В частности, для общей истории (т. е. — исторической науки) такой подход, считает он, выражается в «процессе формирования историографии общей истории и тесно связанных с этим процессом работах по методологии исторической мысли» (108).

Традиционное признание того, что «...идеей научной истории XIX в. был обязан философии Просвещения» (109), не противоречит тезису о профессионализации исторической науки в странах Европы не ранее второй половины XIX в. Факт отставания исторических исследований от других форм научного знания в начале XIX в. признавали многие современники. А. Сен-Симон в 1813 г. писал: «История, действительно, в научном отношении еще не вышла из детских пеленок. Эта важная отрасль нашего знания пока представляет собой лишь собрание фактов, более или менее точно установленных. Но эти факты не объединены никакой теорией, они еще не

* В XVIII в. история, как правило, не являлась самостоятельным предметом преподавания. Только в частной школе Феофана Прокоповича (Карповская школа), выделяющейся среди остальных школ широтой общеобразовательной подготовки, предусматривалось изучение истории (106). С именем Феофана Прокоповича связана и первая попытка изложения вопросов методологии истории и методов исторического исследования: в курсе риторики, прочитанном в Киевской академии, в разделе «О методе писания истории и о письмах» (107).

увязаны в порядок последовательности» (110). За отсутствием теории критикует Н. М. Карамзина Н. А. Полевой и др.

Среди черт, характеризующих процесс профессионализации исторической науки, отмечают: усиление автономии профессии историка, закрепление профессионального статуса историков в университетах, появление системы подготовки взаимодействия кадров специалистов-историков, организации национальных исторических обществ, выход первых научных исторических журналов, формирование основного категориального аппарата исторической науки (разработка понятия «исторический факт», «исторический источник», «историческая истина» и др.) (111). Профессиональная автономия историков в связи со специализацией университетского исторического образования отчетливо обнаруживает себя с середины XIX в. как в Европе, так и в России и Украине (112), и на протяжении второй половины XIX в. формируется специализированно-научная методологическая проблематика. В литературе по-разному определяют факторы ее утверждения. Одни считают, что «методологическая проблематика появилась в результате развития самих исторических исследований» (113), другие — в качестве «главного импульса» выделяют «внешние факторы» — институционализацию естествознания и др. (114). Эти разногласия не только выдвигают важный вопрос о необходимости анализа факторов, обуславливающих формирование каждой конкретной научной дисциплины, специфика их субординации, прежде всего, но и ставят проблему «взаимоотношений» дисциплинарных стадий самой исторической науки, историографии и методологии истории.

На взаимосвязь историографии и методологии истории обращали внимание многие историки. Характер этой взаимосвязи определялся в зависимости от понимания содержания и функций в системе исторического знания данных составляющих. Методология истории, как считает Л. Н. Хмылев, выступает «как самосознание исторической науки», а ее основным содержанием является проблематика теории исторического познания. И методология истории и историография изучают историческую науку, но каждая со своей точки зрения: историография — конкретно-исторически, методология истории — в теоретической форме (115). В. Вжозек (Познань) видит специфику современного этапа в развитии эти рефлексивных областей исторического знания в их сближении: «...без истории исторической науки методология истории лишена эмпирии, а история исторической науки, в свою оче

редь, без методологии беспроблемна. В результате их синтеза возникает новая наука» — «эпистемология истории» (116). Вне зависимости от подходов все специалисты относят и историографическое и методологическое знание к категории рефлексивного исторического знания и развитие этого рефлексивного компонента в процессе исторического познания связывают со степенью «зрелости» исторического знания в целом. Поэтому дисциплинарную стадию (ее начало и завершение) самой исторической науки нельзя рассматривать без учета развития этих отраслей научного исторического знания, без изучения их дисциплинарного оформления.

Как учебные дисциплины и историография и методология истории появляются практически одновременно, но, на наш взгляд, историография несколько опережает (хотя, — это очень относительно, учитывая вообще относительную дифференцируемость рефлексивного компонента исторического знания) и одновременно, обращение историков к анализу прошлого своей науки стимулирует формирование собственно методологической проблематики (т. к. само «прошлое науки» интересует, в первую очередь, под углом анализа накопленного исследовательского багажа, истории Метода). Если самостоятельные историографические курсы (в названии которых уже звучал термин «историография» в своем новом значении — как история исторической мысли и проч.) в столичных университетах России появились с 80-х г.г. XIX в., то самостоятельные курсы по методологии истории (с различными вариантами названия, но уже с четким звучанием термина «методология») — с начала 900-х г.г.*. Этот факт позволяет говорить о том, что формирование дисциплинарной стадии в развитии самой исторической науки завершается к рубежу XIX—XX в.в. К этому времени историческая наука в России и Украине имеет четкую определенность когнитивной систе-

* Следует учитывать конкретику процесса утверждения в учебных планах университетов России и Украины теоретических дисциплин: чтение курсов с названиями типа «Теория истории», «Энциклопедия и методология истории» и проч. началось уже с 50—60-х г.г. XIX в. «Выкристаллизация» самостоятельных курсов по историографии и методологии истории шла, практически, параллельно, и этот процесс в отдельных университетах России и Украины был связан, в первую очередь, с индивидуальным творчеством профессоров и преподавателей, традициями формирующихся в это время научных школ и направлений и т. п. (117).

мы*, инфраструктуры (корпоративно оформилось научное сообщество профессионалов-историков, сложилась система и специального образования в рамках университетов, историко-филологических институтов, высших женских курсов и проч.) существовала разветвленная сеть исторических учреждений (академических и др.), научных обществ; выходила специальная историческая периодика, регулярно проводились научные конференции и съезды; историческая наука заняла свое место в научной иерархии, в социокультурной жизни российского общества; произошла ее интеграция в европейское научное пространство, была выработана правительственная политика по отношению к исторической науке и проч.

В то же время, появление историографии исторической науки и методологии истории как учебных дисциплин свидетельствует о начале дисциплинарной стадии в развитии этих отраслей знания. Таким образом, можно считать, что появление дидактических «ипостасей» в рамках профессионального исторического образования историографии исторической науки и методологии исторической науки (эта формулировка представляется нам более точной) означает завершение процесса дисциплинарного оформления самой исторической науки, превращение ее в социокогнитивную систему (в соответствии с трехуровневым изображением этой системы) и далее продолжение собственно дисциплинарной стадии в развитии исторической науки. Одновременно, период завершения дисциплинарного оформления исторической науки совпадает с началом дисциплинарной стадии историографии исторической науки и методологии исторической науки. Критерием «нача

* В данном случае когнитивная институционализация, т. е. взаимное понимание в научном сообществе профессиональных историков в отношении основных категорий своей науки совсем не должно означать их однотипную трактовку (т. е. с позиций одной, «единственно правильной» «научной методологии» — марксистско-ленинской, например), что всегда ставилось «в вину» дореволюционной и немарксистской науке в советской историографии и квалифицировалось как признак «незрелости» науки. Здесь речь идет о понимании формальных параметров, по которым определяется когнитивная система, т. е. совокупность сегментов исторического знания, без их конкретного содержательного наполнения. Вопрос же «незавершенности» разработки понятия предмета науки и проч. (на что обычно, также указывают многие авторы), должен решаться, на наш взгляд, исходя из тезиса о постоянном «расширении» предметной области. Этот процесс является одним из главных показателей закономерного развития конкретной науки. (См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — С. 45).

ла» их дисциплинарной стадии выступает не только появление второго «лика», но и «рождение» собственно «методологической проблематики историографии» — «элементов теории историографии» (Р. А. Киреева), т. е. начало разработки вопросов о предмете и методах историографического анализа и проч. Дальнейшее развитие этих двух рефлексивных дисциплин в России и Украине (в рамках Украинской ССР) имело дискретный характер, связанный, прежде всего, с крайними формами фундаменталистского мышления, характерного для советско-марксистского научного мировоззрения (особенно на протяжении конца 20-х — начала 50-х г.г.), имеющего прямую проекцию в «политику науки». Поэтому «завершающий этап» дисциплинарной стадии историографии исторической науки и методологии исторической науки приходится на 50/60—80-е г.г. (при всем своеобразии этой «неоднородной» эпохи), когда данные дисциплины опять входят в учебные планы исторических факультетов высших учебных заведений страны. создается инфраструктура этих научных отраслей (специальные научные проблемные советы при АН СССР, секторы и отделы в академических институтах, кафедры в университетах и проч., периодика, сообщество профессионалов и т. п.) (118), появляются собственно историографические концепции, идет формирование новой отрасли исторической науки, изучающей генезис и эволюцию историко-научных воззрений, представляющей собой рефлексию самой историографической науки (119) — «истории историографии» (или, как было предложено — «историографии истории исторической науки»). И какие бы деформации не имел этот «завершающий этап» процесса формирования историографии исторической науки как научной дисциплины, они лишь отражают специфику национально-регионального характера историографического процесса в целом в рамках существования СССР последнего тридцатилетия и одновременно — особенности (наряду с универсальными линиями общенаучного развития в контексте европейского и мирового историографического процесса) дисциплинарной стадии этой специальной исторической дисциплины.

4. Эти рассуждения вряд ли можно назвать даже схемой (тем более — моделью), это — «информация к размышлению», общий абрис поисков, в которых пока больше вопросов, нежели ответов. Среди этих вопросов и проблема дисциплинарной стадии самой исторической науки, которая, видимо, закономерно, в силу дифференциационно-интеграцион-

ных процессов; детерминированных и специфическим характером этой науки—комплексным, интегральным (120), «теряет» свое предметное единство. Не случайно вопрос об историческом синтезе уже был поставлен в научной литературе на рубеже веков (121), а в 1900 г. (что также весьма знаменательно) получил свое «инфраструктурное выражение» с созданием Школы исторического синтеза А. Бера и проч. Вся история исторической науки в XX в. (который, кстати, часто называют «Веком методологии») — это история ускоряющегося процесса появления «многих историй», это поиски синтеза как на концептуальном, так и методологическом уровнях и др. Возможно, что реальное движение научного знания и научной деятельности приведет к новому пониманию «единства» («универсума») в эпистемологической сфере самой исторической науки. В этом поиске, на наш взгляд, методологически перспективными представляются идеи, фокусирующие внимание на собственные закономерности развития историко-научных исследований, т. е. «их инкорпорированность в общей системе науки», которая позволяет им «играть по отношению к этой системе интегрирующую роль» (122). Именно в положении, месте историографии науки (или ее отраслевых составляющих, таких как историография исторической науки) в системе научного знания следует искать основу для синтеза на когнитивном, инфраструктурном уровнях и проч. Мишель Фуко, со свойственной ему тонкой иронией, констатировал в свое время: «История показывает, что все то, что уже было некогда осмысленно, еще будет подвергаться дальнейшему осмыслению в мысли, которой пока еще нет» (123).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вернадский В. И. Очерки по истории современного научного мировоззрения//Труды по всеобщей истории науки. — 2-е изд. — М. — 1986. — С. 44.
2. Малкей М. Наука и социология знания. — М. — 1983. — С. 106.
3. Science observed: Perspectives on the social study of science/Ed. K. D. Knorr-Cetina, M. Mulcahy. — L. — 1983. — 272 p.
4. Лауэ М. История физики. — М. — 1956. — С. 5.
5. Степин В. С. Деятельностная концепция знания (дискуссии с Игорем Алексеевым)//Вопросы философии. — 1991. — № 8. — С. 132—138.
6. См.: Абрамова Н. Т. Границы фундаменталистского идеала и новый образ науки//Философские науки. — 1989. — № 11; Алтухов В. Л. Философия многомерного мира//Общественные науки и современность. — 1992. — № 1. С. 92.
7. См.: Алтухов В. Л. Смена парадигм и формирование новой методологии (попытка обзора дискуссии)//Общественные науки и современность. — 1993. — № 1. — С. 88.

8. См.: Шемякин Я. Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60—80-х годов//История СССР. — 1991. — № 5. — С. 86—92 и др.
9. См.: Бор Н. Квантовая физика и философия//Успехи физических наук. — М. — 1959. — Т. 67. — Вып. 1. — С. 42.
10. См.: Клайн М. Математика. Утрата определенности. — М. — 1991. — С. 358; Медведев Ф. А. Нестандартный анализ и история классического анализа//Закономерности развития современной математики. — М. — 1987. — С. 76.
11. См.: Могильницкий Б. Г. К вопросу о теоретико-методологических основах немарксистской историографии//Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. — М. — 1989. — С. 17—18; Pierrelia I. A. Social History as Lived and Written//The American Historical Review. — 1979. — Vol. 84. — № 5. — P. 130; Degler C. N. In Pursuit of an American History//AHR. — 1987. — Vol. 92. — № 1. — P. 1.
12. Алтухов В. Л. Смена парадигм... — С. 97.
13. Там же. — С. 98—99.
14. См.: Жук С. І. Західна історіографія та епістемологічні проблеми історичної науки//Український історичний журнал. — 1994. — № 1. — С. 15.
15. Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии//Труды по истории науки в России. — М. — 1988. — С. 74.
16. Шрейбер В. К. Социальные науки: опыт анализа методологии//Свободная мысль. — 1992. — № 13. — С. 57.
17. Степин В. С. Указ. соч. — С. 138.
18. Юдин Б. Г. Методологический анализ как направление изучения науки. — М. — 1986. — С. 213—214.
19. См.: Жак Ле Гофф. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII—XIII вв.)//Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. — М. — 1991. — С. 25; Жук С. І. Західна історіографія... — С. 52; Хвостова К. В. К вопросу об историческом познании//Новая и новейшая история. — 1993. — № 3. — С. 20—28 и др.
20. Шкуратов В. А. Историческая психология на перекрестках человекознания//Одиссей. — М. — 1991. — С. 103—114.
21. См.: Шпигель-Резинг И. Стратегия дисциплины по поддержанию своего статуса//Научная деятельность: структура и институты. — М. — 1980. — С. 110; Прайс Д. Система научных публикаций//Успехи физических наук. — 1966. — Т. 90. — № 2; Mulkay M. The social process of innovation: a study of the sociology of science. — L. — 1972.
22. См.: Юдин Б. Г. Указ. соч. — С. 211; Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. — М. — 1980. — С. 67, 71—73; Сычева Л. С. Современные процессы формирования наук. Опыт эмпирического исследования. — Новосибирск. — 1984. — С. 12 и др.
23. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 55—56.
24. Дисциплинарность и взаимодействие наук. — М. — 1986. — С. 91—93.
25. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 56.
26. Там же. — С. 65, 71; Дисциплинарность... — С. 69, 275.
27. Петров М. К. Как создавали науку?//Природа. — 1979. — № 9. — С. 82.

28. См.: Антипов Г. А. Понимание в структуре гуманитарного исследования//Проблемы методологии науки. — Новосибирск. — 1985. С. 158; Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 71, 66—67.
29. Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация наук//Научная деятельность... — С. 32.
30. Берг Л. С. Наука, ее содержание, смысл и классификация. — Пг. 1922. — С. 11.
31. См.: Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 58—59; Норден А. П. К становлению исторической науки в Англии//Методологические и историографические вопросы исторической науки. — Вып. 20. — Томск. — 1992. С. 19—24.
32. Антипов Г. А. Указ. соч. — С. 157.
33. Дисциплинарность... — С. 93.
34. Сычева Л. С. Указ. соч. — С. 13; Розов М. А. Пути научных открытий//Вопросы философии. — 1981. — № 8. — С. 145.
35. Петров М. К. Указ. соч. — С. 86.
36. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 60.
37. Кант И. Логика. — Пг. — 1915. — С. 66.
38. Чесноков В. И. О путях формирования системы исторического образования в университетах России XIX в.//Российские университеты XVIII—XX веков в системе исторической науки и исторического образования: Материалы межвузовской научной конференции. — Воронеж. — 1994. — С. 8.
39. Дисциплинарность... — С. 124—125.
40. Старостин Б. А. Параметры развития науки. — М. — 1980. С. 109.
41. Вернадский В. И. О государственной сети исследовательских институтов//Отчеты деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. — Пг. — 1916. — С. 4.
42. Дисциплинарность... — С. 124—125.
43. Mulkay M., Gilbert G. N. Accounting for error//Sociology. — 1982. Vol. 16. — № 2. — P. 165—183; Whitley R. D. From the sociology of scientific communities to the study of scientists' negotiations and beyond. Soc. Sci. Inform. — 1983. — Vol. 22. — № 4/5. — P. 681—720.
44. Парсонс Т., Сторер Н. Указ. соч. — С. 40.
45. См.: Жоль К. К., Сиволоб Ю. В. Информация, общественные науки, управление (Философско-экономический анализ). — К. — 1991. — С. 135; Дисциплинарность... — С. 124.
46. Киреева Р. А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. — М. — 1983. — 216 с.
47. Там же. — С. 15, 29, 206.
48. Там же. — С. 29, 73, 206.
49. Там же. — С. 206—212.
50. Там же. — С. 3, 13.
51. Колесник И. И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. — Днепропетровск. — 1993. — 206 с.
52. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. — М. — 1941. — С. 11.
53. Колесник И. И. Историографическая мысль... — С. 23.
54. Там же. — С. 29.
55. См.: Швырев В. С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. — М. — 1988. — С. 147; Колесник И. И. Указ. соч. — С. 27, 33—35.
56. Колесник И. И. Указ. соч. — С. 34—35.
57. Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. — С. 9.

58. Сахаров А. М. О предмете историографических исследований//Методология истории и историография: Статьи и выступления. — М. — 1981. — С. 104.
59. Колесник И. И. Указ. соч. — С. 17, 30—31.
60. См.: Шикло А. Е. Советская историография процесса превращения исторических знаний в науку (первая половина XVIII в.)//Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. Историография освободительного движения и общественной мысли России и Украины: Межвузовский сборник научных трудов. — Днепропетровск. — 1984. — С. 104—112.
61. Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век: Курс лекций. — Л. — 1982. — С. 113.
62. См.: Мамонова М. А. Запад и Восток: традиции и новации рациональности мышления. — М. — 1991 и др.
63. Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. — С. 16.
64. Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. 1. — М. — 1955. — С. 11.
65. См.: Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. — М. — 1957; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. — В 2-х ч. — Харьков. — 1959, 1962 и др.
66. Киреева Р. А. Указ. соч. — С. 212—213.
67. Колесник И. И. Указ. соч. — С. 31.
68. Там же. — С. 38—42, 198—202.
69. См.: Киреева Р. А. Указ. соч. — С. 72.
70. Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. — СПб. — 1909. — С. 3.
71. Нечкина М. В. О периодизации истории советской исторической науки//История СССР. — 1960. — № 1. — С. 81.
72. Косминский Е. А. Историография истории средних веков. — М. — 1963. — С. 7—9.
73. Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. — М. — 1958. — С. 6—7; Шевченко Ф. П. Историография — важлива історична дисципліна//Істориографічні дослідження в Українській РСР. — К. — 1968. — Вип. 1. — С. 5—20.
74. Киреева Р. А. Указ. соч. — С. 16, 29, 207.
75. Специальные исторические дисциплины. — К. — 1992. — С. 133.
76. Колесник И. И. Указ. соч. — С. 37—38.
77. Curtin Ph. Dept, Span and Relevance//AHR. — 1984. — Vol. 89. — № 1. — P. 2.
78. Антипов Г. А. Указ. соч. — С. 158—160.
79. См.: Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. — СПб. — 1903. — С. 13.
80. Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. — М. — 1988. — С. 35.
81. Специальные исторические дисциплины. — С. 4.
82. Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. — Ростов-на-Дону. — 1989. — С. 11, 362.
83. См.: Специальные исторические дисциплины. — С. 13—15; Формозов Л. А. Очерки по истории русской археологии. — М. — 1961; Клейн Л. С. Археологические источники: Учебное пособие. — Л. — 1978. — С. 7.
84. Могильницкий Б. Г. Предисловие//Мягков Г. П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. — Казань. — 1988. — С. 3—4.

85. См.: Микулинский С. Р. Указ. соч. — С. 12; Городецкий Е. Н. Историография как специальная отрасль исторической науки//История СССР. — 1974. — № 8. — С. 107—116; Вопросы историографии в высшей школе. — Смоленск. — 1975 и др.
86. См.: Мягков Г. П. Указ. соч.; Колесник И. И. Указ. соч.; Урсу Д. П. Современная историография стран Тропической Африки. — М. — 1983 и др.
87. Урсу Д. П. Историография и науковедение//История и историки. Историографический ежегодник. 1981. — М. — 1985. — С. 98.
88. Микулинский С. Р. Указ. соч. — С. 7.
89. Кузнецова Н. И. Наука в ее истории (методологические проблемы). — М. — 1982. — С. 3, 81.
90. Нечкина М. В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки)//История и историки. Историография истории СССР. Сб. статей. — М. — 1965. — С. 8—9.
91. См.: Белебрух А. Г., Ковальский Н. П., Колесник И. И., Чернов Е. А. О перестройке преподавания историографии в вузах//Историографическая культура студента-историка: этапы формирования, содержание, значение: Сб. научных трудов. — Калинин. — 1989. — С. 32.
92. См.: Дисциплинарность... — С. 50; Кедров Б. М. Классификация наук. Прогноз К. Маркса о науке будущего. — М. — 1985. — С. 429—438; Научная деятельность... — С. 41.
93. См.: Кузнецова Н. И. Указ. соч. — С. 7; Розов М. А. Об изучении познания как системы с рефлексией//Системный метод и современная наука. — Новосибирск. — 1971. — Вып. 1 и др.
94. Микулинский С. Р. Указ. соч. — С. 7.
95. Кузнецова Н. И. Указ. соч. — С. 4; Старостин Б. А. Становление историографии науки (от возникновения до XVIII в.). — М. — 1990. — С. 17.
96. Кузнецова Н. И. Указ. соч. — С. 44; Старостин Б. А. Становление... — С. 5—6, 14.
97. Кузнецова Н. И. Указ. соч. — С. 4—5.
98. Микулинский С. Р. Указ. соч. — С. 14.
99. Там же. — С. 8—10.
100. Дисциплинарность... — С. 50—53.
101. См.: Кертман Л. Е. Понятие «историографическая ситуация» и его методологическое значение//Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. — Томск. — 1987. — С. 106—108; Очерки истории исторической науки в СССР. — Т. IV. — М. — 1966. — С. 12; Сахаров А. М. Указ. соч. — С. 115—125; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М. — 1987. — С. 4 и др.
102. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 56, 112.
103. Медушевская О. М. Источниковедение в системе исторического образования//Программа и тезисы Всесоюзной научно-методической конференции «Перестройка исторического образования в вузах страны: опыт, проблемы, поиск». — Днепропетровск. — 1990. — С. 16.
104. Юдин Б. Г. Указ. соч. — С. 14—15.
105. Специальные исторические дисциплины. — С. 13, 23.
106. См.: Очерки истории Ленинграда. — Т. 1. — М. — Л. — 1955. — С. 215—216; Пешгич С. Л. Русская историография XVIII века. — Часть первая. — Л. — 1961. — С. 82—83.
107. См.: Прокопович Ф. Філософські твори. — У 3 т. — К. — 1979. — Т. 1. — С. 337, 346; Специальные исторические дисциплины. — С. 16.
108. Старостин Б. А. Становление... — С. 3.

109. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. — М. — 1987. — С. 315.
110. Сен-Симон А. Избранные сочинения. — В 3-х т. — Т. 1. — М. — Л. — 1948. — С. 234—235.
111. Жук С. І. Західна історіографія... — С. 45.
112. Российские университеты XVIII—XX веков в системе исторической мысли и исторического образования: Материалы межвузовской конференции. — Воронеж. — 1994.
113. Лооне Э. Н. Современная философия истории. — Таллин. — 1980. — С. 28.
114. Антипов Г. А. Указ. соч. — С. 158—160.
115. См.: Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в.в. — Томск. — 1978.
116. Вжозек В. Историография как игра метафор: судьбы «Новой исторической науки»//Одиссей. — М. — 1991. — С. 69.
117. См.: Попова Т. Н. О преподавании историографии в Новороссийском университете в начале XX в.//Отечественная и всеобщая история: методология, источниковедение, историография: Материалы научной конференции. — Брянск. — 1993; она же. О становлении историографии как специальной исторической дисциплины//Российские университеты... — С. 16—19; Попова Т. М., Мельник О. В. Про викладання теоретичних курсів з історії в університетах України XIX — початку XX століття//Україна: становлення незалежності: Всеукраїнська науково-методична конференція. Доповіді і виступи. — Ч. 1. — Одеса. — 1993 и др.
118. См.: Гефтер М. Я. Из тех и этих лет. — М. — 1991; Могильницкий Б. Г. Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии//Новая и новейшая история. — 1993. — № 3. — С. 9—20; Неретина С. С. История с методологией истории//Вопросы философии. — 1990. — № 9. — С. 149—163 и др.
119. Колесник И. И. История русской историографии XVIII — первой половины XIX века: Учебное пособие. — Днепропетровск. — 1987. — С. 4.
120. См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М. — 1987. — С. 44.
121. См.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. — М. — 1912. — Ч. 1. — С. 163—164, 183; Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. — Т. 1. — С. 290—291, 306 и др.
122. Старостин Б. А. Становление историографии науки. — С. 16—17; см. также: Колесник И. И. Историографическая мысль... — С. 37—38.
123. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М. — 1977. — С. 471.

И. В. СТУДЕННИКОВ

О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

Пристальный интерес ученых — историков к теоретико-методологическим проблемам науки обусловлен двумя основными факторами. Первый фактор связан с внутренними потребностями самой исторической науки, с необходимостью повышения ее теоретико-методологического уровня. «Эта необходимость, — отмечает Б. Г. Могильницкий, — диктуется современным состоянием исторического познания, в структуре которого все более значимым становится так называемое внеисточниковое знание, т. е. знание непосредственно не содержащееся в исторических источниках, а формирующееся благодаря совершенствованию работы с ними... Но это умение в решающей степени зависит от методологической вооруженности историка...» (1).

В основе второго фактора лежит вопрос о результативности научного исследования. Современный уровень общественного развития, нарастающая динамика социальных процессов ставят исследователей перед необходимостью не ограничиваться в своей работе констатацией или фиксацией в той или иной форме совокупности фактов и оценкой на основе собственных воззрений и/или под влиянием официальных установок*, а идти по пути выработки форм, методов и принципов исследования, которые легли бы в основу формирования теоретической базы для проведения всестороннего комплексного изучения событий и явлений в различных сферах жизни и деятельности общества, анализа логики процессов и тенденций социального развития с учетом причинно-следст-

* Здесь понятие «официальные установки» рассматривается как элемент группы «внешних процессов», определяемых как «среда, в которой развивается наука, условия ее существования» (2).

важных связей, обеспечения возможностей для максимально корректного прогнозирования их последствий, повышая, таким образом, практическую ценность результатов научно-исследовательской деятельности.

В этом плане привлекает к себе внимание проблема междисциплинарных исследований. Об их значимости и перспективности говорит и посвященная изучению этой проблемы довольно обширная литература, и учреждение фундаментальных исследовательских проектов и программ, например, таких как «Междисциплинарные исследования и общественные науки» (1974 г.) Европейского центра координации и документации социальных исследований, и создание специализированного периодического издания — «Международного сборника по междисциплинарным исследованиям», первый выпуск которого увидел свет в 1974 году под названием «Наука как междисциплинарная проблема» (3), а также включение междисциплинарных исследований в круг программных задач научно-исследовательских организаций, в частности, Гарримановского института при Колумбийском университете*. Говорить о сколько-нибудь развернутом и систематическом изучении междисциплинарных исследований науковеды и историки науки считают возможным с начала 1950-х годов, подчеркивая при этом, что «существование самого феномена междисциплинарности может быть обнаружено гораздо ранее» (6). Не останавливаясь отдельно на рассмотрении этапов становления работы по изучению междисциплинарных исследований, выделяемых в специальной литературе, отметим важную для нас деталь: в основу такой периодизации кладутся не содержательные характеристики, дающие представление о качественных изменениях в изучении проблемы по мере ее разработки на каждом из этапов, а признаки, фиксирующие изменения на уровне структуры исследовательской

* В этом и подобном случаях правильнее будет вести речь о междисциплинарном характере исследований, поскольку проблема междисциплинарности как таковая не является объектом изучения для Гарримановского института. Правомерность такого уточнения подкрепляется анализом его периодических изданий (4), на страницах которых могут одновременно присутствовать статьи самой разнообразной тематики, объединенные общей задачей, как она сформулирована для Института в целом, — «междисциплинарное изучение (объекта исследования — И. С.) Российской империи, Советского Союза и пост-коммунистических государств» (5). Данное замечание важно в контексте того, что далее перед нами неизбежно возникнет необходимость четкого разграничения понятий «междисциплинарное исследование» и «междисциплинарный подход в исследовании».

деятельности, — форма исследований и специфика литературы (7).

Обратим внимание на ряд особенностей, характеризующих состояние изучения проблемы междисциплинарности.

Во-первых, она не сразу попала в поле зрения профессиональных методологов. Как неоднократно отмечалось исследователями проблемы, в обсуждении методологических аспектов междисциплинарности инициатива принадлежала специалистам в конкретных научных областях, а разработанными первоначально «представления и концепции затем ...претендовали на методологический статус» (8). Важно отметить тот факт, что для изучения междисциплинарных исследований представителями методологии науки характерно отсутствие единства как в оценке их места в структуре научной исследовательской деятельности, так и в понимании сути рассматриваемого ими явления. В данном факте преломляется тенденция к изучению междисциплинарных исследований в масштабе развития науки в целом, когда проблема междисциплинарности, с одной стороны, соотносится с ценностной ориентацией работы ученого, выступающего в роли субъекта науки как сферы деятельности, и когда, с другой стороны, междисциплинарность рассматривается как средство для преодоления узкой специализации и дисциплинарной замкнутости. Так, например, сторонники «критики науки», или «критики научного разума», антициентистского течения антипозитивистски ориентированной «теории науки», «...под флагом междисциплинарности объединяют все аспекты социально-философского, психологического и методологического исследования науки, с которыми оказался не в состоянии справиться позитивизм» (9). Тенденцию к междисциплинарности Р. Шварц склонен рассматривать как одно из важнейших следствий исторического изменения социальных функций науки, когда она непосредственно участвует в решении проблем, определяющих настоящее и будущее цивилизации, требуя от ученых более ответственного отношения к вопросам социально-этического плана в их деятельности (10).

Необходимостью воспрепятствовать распространению «глухоты специализации» — мотивирует обращение к междисциплинарным исследованиям сторонник теории систем К. Боулдинг, считающий, что она проистекает из отсутствия «обобщающего слуха», создание которого дало бы возможность «одному специалисту устанавливать соответствующие связи с другими специалистами» (11). Задача же методоло-

ной системного подхода в междисциплинарном исследовании формулируется, в первую очередь, как усиление методологической рефлексии исследователей (12).

Довольно распространенными являются попытки выявить основу для объединения различных дисциплин в рамках междисциплинарного исследования посредством схематизации его предмета. Так Ч. Мак-Клеланд, развивая идею М. Леви о различии конкретных и аналитических структур (13), рассматривает междисциплинарное исследование в методологическом отношении как попытку свести в единой точке несколько аналитических категорий (14), которые соответствуют у него «центральным организующим идеям» в схеме, предложенной Б. Малиновским (15), где относительно, например, истории, как «области знания», в роли «центральной организующей идеи» (аналитической категории — у Ч. Мак-Клеланда) выступает время, а в роли «основной концептуальной единицы — событие», в политической науке, соответственно, — власть и государство; в экономике — потребность дефицит и рынок и т. д.

Во-вторых, на данный момент отсутствует определение междисциплинарных исследований, которое было бы принято большинством исследователей и позволяло бы, таким образом, рассматривать его как своего рода рубеж в изучении проблемы, когда выявлены основные черты изучаемого явления, достигнуто определенное единство в оценке его места в структуре научной деятельности, созданы предпосылки для обсуждения и разработки методов исследования, способных обеспечить его высокую результативность. Те попытки дать определение междисциплинарных исследований, которые предпринимались в специальных работах, фактически, ограничиваются констатацией существования различных форм взаимодействия между дисциплинами. Приведем некоторые из таких определений, считающихся наиболее типичными.

Известный немецкий социолог Рене Кёниг, автор статьи «Междисциплинарные исследования», включенной в «Социологический словарь» (16), различает два их типа — «мягкий» и «жесткий». «Мягкий» тип подразумевает взаимодействие между дисциплинами на уровне «обобщающих» и «вспомогательных». «Жесткий» тип связан с такой интерпретацией объекта исследований, при которой он представляется как сумма аспектов, каждый из которых изучается соответствующей дисциплиной. Уязвимость такого рода попытки дать определение понятия «междисциплинарное исследование» и с

формальной, и с содержательной точек зрения отмечается как в науковедческой литературе, так и в ряде работ методологического характера. Первые замечают, что «мягкий» тип, по существу, воспроизводит традиционное деление дисциплин по иерархическому принципу, где каждая из них «(как вспомогательная, так и обобщающая) имеет свой предмет, метод и соприкасается с другими только в использовании и интерпретации накопленного знания»; в случае с «жестким» типом «...речь идет о наборе рядоположенных дисциплин, предмет которых затрагивает те или иные стороны, связанных с объектом явлений» (17). При этом, согласимся с Э. М. Мирским, такое определение вряд ли можно считать теоретической дефиницией. Вторые, в частности, представители упоминавшейся «теории науки», считают, что «мягкий» тип Р. Кёнига, или модель — «основная дисциплина + вспомогательная» (если междисциплинарные исследования рассматривать, как они предлагают, в виде моделей исследовательского взаимодействия) не отражает наиболее распространенных в современной науке форм междисциплинарного сотрудничества, среди которых основное место занимает взаимодействие представителей различных дисциплин одного ранга; модель «сипозиум» («жесткий» тип Р. Кёнига) упускает из поля зрения аспект непосредственного исследовательского сотрудничества, ограничиваясь лишь анализом сочетания предпосылок исследования в различных дисциплинах и объединения исследовательских результатов (18). Отталкиваясь в своих рассуждениях от определения, которого придерживается Р. Кёниг, и которое, как заметил Э. М. Мирский, отражает «пожалуй, самое распространенное, традиционное понимание междисциплинарности в западноевропейских философских и методологических работах» (19), а также, учитывая его недостатки, сторонники «теории науки» пришли к выводу о преждевременности определения междисциплинарных исследований как понятия, предложив отказаться от теоретической дефиниции и выработать рабочее представление об их феномене (20). Удовлетворительная модель междисциплинарного исследования, по мнению Г. Хольцея, должна включать в себя все этапы деятельности исследователей: их установку на междисциплинарность, поиск и обсуждение междисциплинарной проблемы, формирование междисциплинарного исследовательского коллектива, исследовательскую кооперацию и разработку общего метаязыка, обсуждение и содержательную интерпретацию результатов (21).

Определение междисциплинарных исследований в виде цепочки дефиниций, фрагменты которой должны характеризовать их по степени интенсивности междисциплинарного взаимодействия, попыталась дать группа авторов, среди которых — Р. Акоф, К. Боулдинг, Л. Апостель, Г. Бергер (22). Одна из наиболее подробных, цепочка Г. Бергера, — содержит дефиниции следующих понятий: «дисциплина» — «мультидисциплинарный» — «плюрадисциплинарный» — «междисциплинарный» — «трандисциплинарный». Из предложенных приведем полностью дефиниции двух, наиболее интересующих нас, понятий — «дисциплина» и «междисциплинарный». Итак, «дисциплина» — специфический корпус приспособленного для преподавания знания, опирающийся на специальную систему образования, профессиональной подготовки, а также набор процедур, методов и содержательных представлений. «Междисциплинарный» — прилагательное, означающее взаимодействие между двумя или несколькими различными дисциплинами. Это взаимодействие может варьировать от простого обмена идеями до взаимной интеграции целых концепций, методологии, процедур, эпистемологии, терминологии, данных организации исследовательской и образовательной деятельности в некоторой весьма широкой области. Междисциплинарная группа состоит из лиц, имеющих подготовку в различных отраслях знания (дисциплинах), с характерной для каждой понятиями и концепциями, методами, материалами и терминологией. Эти лица объединены для совместной работы над общей проблемой в условиях постоянной коммуникации между участниками, представляющими различные дисциплины» (22). Не останавливаясь на рассмотрении других предлагаемых Г. Бергером дефиниций, отметим, что для характеристики понятий «мультидисциплинарный» и «плюрадисциплинарный» он использует термин «сочетание» дисциплин.

Оценивая такого рода попытки дать определение междисциплинарных исследований, мы уверенно можем воспользоваться замечанием Э. М. Мирского: «имеющиеся в литературе определения междисциплинарности и междисциплинарных исследований в каждом случае отражают некоторые эмпирически наблюдаемые явления и отношения, связанные с дисциплинарным членением науки (как его понимает тот или иной автор) и со структурой научной деятельности» (24).

В-третьих, свою специфику в обсуждении проблемы междисциплинарности вносят специалисты в области науковедения

ния, на долю которых приходится значительная часть работ, посвященных как изучению непосредственно междисциплинарных исследований, так и анализу подходов к рассмотрению этой проблемы в историко-научной, историко-философской и методологической литературе. Эта специфика обусловлена задачами, которые решаются учеными в процессе их исследовательской деятельности. С. Р. Микулинский выделяет два направления науковедческого исследования — аналитическое и нормативное. Целью аналитического изучения является раскрытие закономерностей функционирования и развития науки как социального института и особой формы деятельности (социально-экономические детерминанты ее развития, их взаимодействие; типология связей науки с другими социальными институтами; эволюция организационных форм науки в процессе изменения ее объема и социальных функций и т. п.). «На результатах аналитического изучения науки базируются нормативные науковедческие исследования: ...их цели можно сформулировать как разработку теоретических основ совершенствования организации, планирования и управления научной деятельности, повышения ее эффективности, выработку объективных критериев ее оценки» (25). Формирование науковедения как самостоятельной отрасли науки, замечает С. Р. Микулинский, относится к 1960-м годам, «когда утвердился взгляд на науку как особую специфическую форму деятельности» (26) и, по мнению Э. М. Мирского, является наиболее отчетливым выражением сдвига в научном самосознании, «когда произошло определенное смещение интересов внутри науки, приведшее также к тому, что определенные явления исследовательской деятельности стали привлекать внимание исследователей науки как примеры междисциплинарности (при этом он подчеркивает, что раньше с этой точки зрения они практически не рассматривались)» (27). Важно и другое замечание Э. М. Мирского, помогающее выделить тот фрагмент в изучении проблемы междисциплинарных исследований, который более всего интересует ученых, — «развитие образа науки за счет развертывания представлений о структуре научной деятельности, и прежде всего структуре междисциплинарного взаимодействия» (28). Методологические аспекты междисциплинарных исследований затрагиваются учеными исключительно в рамках стоящих перед ними задач.

Следует учитывать, что междисциплинарные исследования являются объектом для изучения представителей ряда

«специальных отраслей», как их определяет С. Р. Микулинский, входящих в систему науковедения, — социологии науки, психологии науки, наукометрии и др., которые одними из первых приступили к работе в этом направлении. Их исследования в большинстве случаев ограничиваются изучением вопросов междисциплинарного сотрудничества на организационном уровне (формирование междисциплинарных групп, обеспечение их эффективной деятельности, количественное исследование структуры и динамики научных кадров, информационных массивов и т. д.). При этом важно обратить внимание на весьма существенное замечание С. Р. Микулинского: «однако науковедение не комплекс отдельных дисциплин и даже не синтез знаний о логико-познавательных, социальных, экономических, психологических, структурно-организационных аспектах развития науки, а наука, изучающая взаимодействие совокупности факторов, определяющих развитие науки как исторически изменяющейся социальной целостности» (29).

В-четвертых, изучение проблемы междисциплинарности характеризуется парадоксальной ситуацией, отмечаемой непосредственно науковедами, — «отчетливо видно усиление интенсивности исследований по мере их развития дает в результате почти исключительно экстенсивное освоение проблематики, ...каждое исследование выявляет какую-либо новую грань проблемы, соответствующую точке зрения автора публикации. Экспозиция, таким образом, постоянно расширяется, хотя глубина изучения и понимания проблематики почти не увеличивается» (30). Объяснение этому Э. М. Мирский видит в отсутствии некоторого общего предмета исследования, из-за чего каждый автор стремится охарактеризовать те или иные черты наблюдаемых явлений не путем их сравнения и сопоставления, а путем «...формирования новых точек зрения внутри отдельных сложившихся в изучении подходов» (31).

Подводя же итог анализу работ по междисциплинарным исследованиям (в основном, зарубежным), Э. М. Мирский заключает: «представленные в них точки зрения на основной объект исследования — междисциплинарность — базируются главным образом на интуиции автора или же сводятся к обобщению какого-либо единичного случая, ...подходы различных авторов связаны друг с другом скорее терминологически, нежели содержательно» (32).

Таким образом, охарактеризовав в общих чертах состоя-

ние проблемы междисциплинарности, мы можем отметить недостаточную разработанность ее методологической стороны и фактическое отсутствие целостного представления об элементах организованной структуры междисциплинарных исследований.

В итоге возникает вопрос: говоря о междисциплинарных исследованиях, сталкиваемся ли мы с отношениями * исключительно на уровне организационной структуры научно-исследовательской деятельности, которые нуждаются в систематизации и классификации, либо мы вправе вести речь о явлении, имеющем теоретическое знание и эпистемологическую ценность для развития науки?

Пытаясь ответить на поставленный вопрос, мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью получить представление о содержании понятия «научная дисциплина» и ее месте в структуре науки. Эта необходимость обусловлена не только практической невозможностью результативно и обоснованно рассматривать даже простой факт междисциплинарного взаимодействия, не определившись с этим понятием, но и с тем, что значительная часть исследователей в своих попытках выработать определение междисциплинарных исследований отталкиваются от оппозиции «дисциплина — междисциплинарность», где «междисциплинарность» определялась главным образом негативно, как явление, у которого отсутствует ряд признаков, характеризующих дисциплину» (33). Помимо этого, науковеды выделяют два ряда причин, обусловивших пристальный интерес именно к научной дисциплине: широкое распространение междисциплинарных исследований как формы существования и развития науки и поиск единицы анализа, «которая была бы, с одной стороны, достаточно обозримой и компактной, чтобы стало возможным ее эмпирическое изучение, а с другой стороны, достаточно репрезентативной, чтобы ее изучение позволяло устанавливать закономерности, относящиеся к науке в целом или к ее достаточно большим подразделениям» (34).

Итак, каковы же признаки научной дисциплины? Суммируя их перечни, содержащиеся в науковедческих, историко-научных и методологических работах, и отмечая в целом от-

* Мы предпочитаем не использовать в данной ситуации понятие «феномен», часто применяемое в отношении междисциплинарных исследований в науковедческой и методологической литературе, как отражающее состояние своего рода методического тупика, когда изучение проблемы по большинству линий не преодолевает рубеж эмпирического уровня.

сутствие противоречий в этом плане между различными авторами, Э. М. Мирский предлагает следующий список признаков дисциплины: специфика изучаемых объектов и средств их исследования, профессиональная специализация исследователей, набор обеспечивающих научную и преподавательскую работу учреждений, средства коммуникации в виде научных журналов, органы, координирующие деятельность внутри каждой отрасли и по науке в целом (35).

Подходя к изучению проблемы междисциплинарности посредством формирования представления о понятии «научная дисциплина», следует учитывать тенденцию к рассмотрению ее как формы организации научной деятельности. Этот момент важен для понимания логики движения по линии «научная дисциплина» — «междисциплинарное исследование», развиваемой в ряде науковедческих и историко-научных работ (36). Обобщая позиции различных авторов, Э. М. Мирский определяет дисциплинарную организацию науки как «некоторое динамичное образование, существование которого в целом и успешное функционирование всех его компонентов зависят от способности дисциплины к развитию своего предметного содержания путем ассимиляции новых результатов, получаемых в процессе исследовательской деятельности ученых на переднем крае науки. Парадоксальность ситуации заключается в том, — указывает он далее, — что для изучения или даже продуктивной формулировки, как правило, оказывается недостаточно исследовательских средств, выработанных данной дисциплиной. Поэтому развитие дисциплины ...в значительной части базируется на сотрудничестве представителей различных дисциплин, т. е. носит вынужденно междисциплинарный характер» (37). На наш взгляд это утверждение, проистекающее из нерасчлененности признаков научной дисциплины на группу содержательных и группу организационных, требует существенной оговорки: элементы исследований, в той или иной степени носящие междисциплинарный характер (например, использование фактологических баз или баз данных, понятийно-категориального аппарата, отдельных исследовательских приемов и методов других дисциплин), фактически присутствуют в исследовательской работе, осуществляемой в рамках конкретной дисциплины, и не могут рассматриваться как приемы междисциплинарности. Однако, важно не упустить из поля зрения два заключения, сделанных Э. М. Мирским. Во-первых, «...большинство характеристик, наблюдаемых на исследовательской деятельнос-

ти вообще, свойственны и междисциплинарным исследованиям... Во-вторых, ...при изучении определенных видов междисциплинарных исследований искать их специфику можно не в междисциплинарности самой по себе...», а в таких показателях, как «специальные усилия по созданию междисциплинарных коллективов, эксплицитные формы методологической работы по созданию нового исследовательского предмета для некоторой области и т. п. Иными словами, речь идет о тех случаях, когда междисциплинарное сотрудничество является не органической формой развития дисциплины, а либо приводит к созданию новых дисциплин, либо направлено на комплексное исследование некоторых внешних для каждой дисциплины проблем» (38). К сожалению, Э. М. Мирский не воспользовался преимуществами собственного вывода о разделении случаев, когда междисциплинарность является следствием развития дисциплины, требующим выработки новых подходов в исследовании, и когда междисциплинарное сотрудничество выступает как наиболее продуктивная форма осуществления изучения проблем комплексного характера. Именно поэтому его типологизация ограничивается рассмотрением форм междисциплинарного сотрудничества. Он выделяет следующие типы: 1) постоянное сотрудничество многих дисциплин в изучении целой отрасли комплексных проблем; 2) крупные национальные, региональные или международные исследовательские программы (от первого типа их отличает ограничение в сроках функционирования); 3) исследовательский проект — направлен на изучение конкретной комплексной проблемы и ограничен в сроках исполнения (39). Кроме перечисленных типов Э. М. Мирский называет еще один — «естественные» формы междисциплинарного сотрудничества «на переднем крае исследований», существенным отличием которого он считает базирование на традиционных институциональных образованиях без создания специальных организационных подразделений (40). В итоге Э. М. Мирский дает следующее определение междисциплинарных исследований: это «объединение знаний, методов, исследовательских средств и профессиональных навыков специалистов различных дисциплин в изучении некоторого общего объекта» (41). Вместе с тем, эта формулировка не уточняет — ограничивается ли такое «объединение» исследовательским взаимодействием на организационном уровне, или оно подразумевает интеграцию информационно-фактологических, понятийных и методоло-

гических элементов различных дисциплин в рамках концепций и подходов в изучении конкретной проблематики. Не дает ответа на поставленный вопрос и другая попытка типологизировать образцы междисциплинарного сотрудничества, предпринятая в процессе выявления «специфических черт междисциплинарного синтеза, который осуществляется в ситуациях взаимодействия общественных, естественных и технических наук» (42). Б. Г. Юдин выделяет такие формы сотрудничества представителей трех перечисленных групп: 1) консультирование или экспертиза. В этом случае задача, стоящая перед экспертами, «привлекаемыми из разных научных дисциплин и представляющих разные группы наук», сводится «к применению в ...конкретной ситуации уже имеющихся знаний из соответствующих дисциплинарных массивов»; 2) создание междисциплинарной исследовательской группы (исследовательского проекта), задачей которого становится получение нового знания, обеспечивающего решение проблемы: необходимость в создании такой группы (проекта) появляется тогда, когда «возникающая проблема не может быть решена, исходя из существующего уровня научных знаний. Здесь ...необходимо проведение исследования... междисциплинарного характера»; 3) взаимодействие общественных, естественных и технических наук в изучении таких проблем, «которые по своей природе не могут получить окончательного решения ...наука в таких ситуациях привлекается для решения задач рационализации и оптимизации деятельности в данной сфере» (43). Заметим, что данные образцы, или ситуации (Б. Юдин), междисциплинарного сотрудничества не ведут напрямую к синтезу научных результатов работы представителей различных дисциплин в единый исследовательский результат.

Завершая обзор подходов к изучению междисциплинарных исследований в науковедческой литературе, нам хотелось бы наметить основные, наиболее перспективные разработки. Во-первых, придерживаясь подхода к рассмотрению проблемы междисциплинарности через выработку представления о понятии «научная дисциплина», мы считаем целесообразным разделить список ее признаков на две группы — содержательных и организационных. К содержательным признакам следует отнести предмет изучения, характеризующийся четкой обозначенностью его границ в пределах конкретной дисциплины, наличие собственной информационно-фактологической базы, разработанного понятийного аппарата, исследо-

вательских признаков и методов. Группа организационных признаков, подразумевает существование развитой инфраструктуры, способной обеспечить осуществление научно-исследовательской деятельности в рамках предмета данной дисциплины, обмен результатами этой деятельности посредством функционирования специализированных периодических и непериодических изданий, а также посредством организации и проведения научных мероприятий, подготовку собственных научных кадров. Этот момент весьма важен для разграничения понятий «междисциплинарное исследование» и «междисциплинарный подход в исследовании».

Во-вторых, как мы уже упоминали, необходимо четко определить понятия «междисциплинарное исследование» и «междисциплинарный подход в исследовании». Итак, под междисциплинарным исследованием понимается форма организации научно-исследовательской деятельности, направленная на комплексное изучение единого объекта представителями различных дисциплин, научных специальностей и отраслей науки*, объединенных для осуществления стоящих перед ними задач, на основе создания постоянных либо временных структурных единиц (научно-исследовательских институтов и центров, программ и проектов, подразделений и групп). При этом крайне важно иметь в виду следующую особенность: междисциплинарное исследование, как мы его определили, не предполагает обязательной интеграции тех составляющих различных дисциплин, которые были отнесены нами к группе содержательных признаков. Однако, здесь не исключается возможность взаимопроникновения отдельных элементов этой группы в исследовательский арсенал представителей взаимодействующих таким образом дисциплин (в основном речь идет об элементах фактологической базы и понятийного аппарата, в целом же указанные исследователи продолжают работать в рамках предмета своей дисциплины, пользуясь при этом собственными исследовательскими приемами и методами). Важно отметить и другую деталь — междисциплинарное исследование далеко не всегда предполагает интеграцию и на уровне исследовательских результатов вза-

* Мы учитываем существующую тенденцию к разграничению понятий «научная дисциплина» и «научная специальность», основными отличительными чертами которой принято считать ориентацию на изучение какой-либо конкретной проблемы и временный характер существования организационных форм, обеспечивающих такую работу (44), а также к разделению понятий «научная дисциплина» и «отрасль (область) науки», «область научного изучения» (45).

взаимодействующих в его рамках дисциплин. Во многих случаях происходит расширение представления об исследуемом объекте за счет постоянного расширения представлений о различных его аспектах, не ведущее обязательно к синтетическому обобщению результатов отдельных исследований. В качестве примеров здесь можно привести деятельность уже упоминавшегося Гарримановского института (США) и Национального института стратегических исследований (г. Киев). Объектом изучения для НИСИ являются вопросы национальной безопасности Украины, при этом изучение данного объекта разбито на несколько направлений (общие вопросы национальной безопасности, экономический, военный и др. факторы нацбезопасности Украины и т. п.). Результаты исследований по каждому из направлений несомненно отражаются на степени изученности объекта, однако, по большей части и с большим основанием они могут рассматриваться как имеющие самостоятельное значение. Еще нагляднее иллюстрирует это наблюдение перечень направлений исследований Гарримановского института: изучение России, изучение Украины, Черноморского региона, Центральноазиатского региона, Восточной и Центральной Европы, переходных обществ и экономик, национализма, конфликтных ситуаций и путей их разрешения. В этом случае показательно то, что исследования по этим и другим вопросам организованы в форме отдельных программ, зачастую не сообщающихся между собой, и, тем не менее, они выполняют свою задачу — изучение различных аспектов одного объекта. Приведенные примеры не означают, что аналогичные случаи могут быть лишь условно отнесены к междисциплинарным исследованиям. К этой стороне проблемы междисциплинарности следует подойти с позиции рассмотрения задач, стоящих перед различными учреждениями и группами, проводящими эти исследования (при этом следует иметь в виду, что междисциплинарный характер изучения объекта довольно редко декларируется при заявлении программных установок исследовательской деятельности того или иного коллектива). Эта сторона рассматриваемой проблемы еще нуждается в детальном изучении, в том числе, с точки зрения выработки более четких критериев типологизации междисциплинарного взаимодействия исследователей с учетом степени интегрированности результатов работы представителей различных дисциплин по изучению общего объекта. Характеризуя междисциплинарные исследования,

стоит отметить, что формирование структурных единиц, ориентированных на междисциплинарное изучение конкретной проблематики, как правило, обусловлено или наличием социальной потребности в проведении тех или иных комплексных исследований, либо необходимостью решения конкретных проблем, требующих комплексного изучения. Особенно четко это проявляется в создании выделяемой рядом авторов (46) группы специализированных отраслевых, региональных, общегосударственных, а также международных и межгосударственных объединений, иногда опирающихся на университетские и академические организации, но отличающиеся от них по функциям. Это консультативные и проблемные советы, экспертные группы и комитеты, организованные по проблемному принципу и междисциплинарные по составу сотрудников и тематике исследований.

Переходя к рассмотрению понятия «междисциплинарный подход в исследовании», мы считаем необходимым определить еще одно понятие, в некоторых случаях либо отождествляемое с понятием «междисциплинарное исследование», либо используемое для обозначения одного из видов междисциплинарного взаимодействия ученых. Речь идет о понятии «полидисциплинарность», или «мультидисциплинарность» в терминологии некоторых авторов. На наш взгляд, любая из этих позиций является неправомерной, поскольку под полидисциплинарностью понимается объединение представителей различных дисциплин в рамках единой организации, но непосредственно не взаимодействующих между собой в процессе исследовательской деятельности. Существует еще одна позиция при определении понятия «мультидисциплинарность». Группа исследователей — Б. М. Кедров, Б. Г. Юдин, С. Г. Карамурза, П. В. Смирнов и др. — настаивая на необходимости разграничения этого понятия и понятия «междисциплинарность», предложила использовать понятие «мультидисциплинарность» для обозначения ситуации, когда решаемая проблема предстает как «набор» монодисциплинарных задач, ответы на которые интегрировались в единый результат после завершения частных исследований: «...принадлежащие к различным дисциплинам участники общей работы вели свои исследования, не выходя за рамки той познавательной, когнитивной структуры, которая сложилась в их дисциплине» (47). Основное отличие исследования, носящего мультидисциплинарный характер, от междисциплинарного исследования они усматривают в структуре изучаемой проблемы. С. Г. Кара-

Мураза, говоря о междисциплинарных исследованиях, указывает «это те исследования, в которых сама проблема может быть правильно понята и сформулирована в результате совместных усилий представителей различных дисциплин. Ядро такой проблемы не поддается членению на «дисциплинарные» части, и подходы к нему не могут быть сформулированы в рамках познавательной структуры ни одной из участвующих дисциплин» (48). Однако данная попытка разделить указанные понятия содержит весьма существенное упущение — отсутствует указание на отношение представителей различных дисциплин в одном и другом случаях к объекту, на изучение которого направлена их деятельность в каждом из случаев, а именно, таким образом, под сомнение правомерность такого основания для разграничения понятий «мультидисциплинарность» и «междисциплинарность». И тем не менее, они не тождественны.

Определимся более конкретно: под полидисциплинарным (мультидисциплинарным) объединением следует понимать такое объединение различных дисциплин, отраслей знания и научных специальностей в рамках единой организации, которое характеризуется отсутствием общих предмета изучения и проблематики, а также общих исследовательских задач, и нацелено на организационное обеспечение научно-исследовательской деятельности в целом и подготовку специалистов в различных областях науки и практики. Примерами полидисциплинарных объединений могут служить в первую очередь академии наук и университеты. Из числа неакадемических учреждений к ним можно отнести организации, подобные Американской ассоциации содействия развитию науки, которые, действуя в тех же целях, отличаются более гибкой организационной структурой, позволяющей оперативно переориентироваться на изучение новой (и разнообразной) проблематики, исходя из ее актуальности и значимости в научном и практическом смысле.

В отличие от междисциплинарного исследования, которое мы определили как форму организации научно-исследовательской деятельности, междисциплинарный подход предполагает прежде всего синтез результатов научной деятельности представителей различных дисциплин в процессе комплексного изучения конкретного объекта и связанного с ним круга проблем. Применение междисциплинарного подхода не означает обязательного создания структурных единиц для проведения исследований, а также непосредственного исследова-

тельского взаимодействия на междисциплинарной основе. При этом следует выделить два способа осуществления исследования на основе междисциплинарного подхода. Первый предполагает анализ и затем синтетическое обобщение готовых результатов исследований, сделанных в рамках конкретных дисциплин, одним или несколькими исследователями, ведущими комплексное изучение объекта. Вторым способом связан с двухуровневой организацией изучения объекта на основе междисциплинарного подхода, при которой уже оформившийся в том или ином виде исследовательский коллектив, во-первых, определяет интересующий его объект, во-вторых, выявляет требующий изучения круг проблем, в-третьих, разбивает их на отдельные направления, в-четвертых, в границах этих направлений формулирует задачи представителям различных дисциплин и научных специальностей, предметы исследований которых предполагают разработку выделенных проблем. Результаты, полученные в ходе разработки этих проблем в рамках различных дисциплин, не теряя самостоятельной научной ценности, по отношению к проводимому исследованию на основе междисциплинарного подхода будут носить промежуточный характер, завершая, таким образом, первую стадию изучения. Вторая стадия включает непосредственно работу указанного исследовательского коллектива по синтетическому обобщению полученных результатов с целью комплексного изображения изучаемого объекта. Примером здесь может служить работа междисциплинарного по составу авторского коллектива по подготовке и изданию комплексного исследования «Одесса: город — агломерация — портовопромышленный комплекс» (49).

Потребность в более детальной разработке междисциплинарного подхода в исследовании обусловлена динамикой развития структуры научного знания, ведущей, во-первых, к формированию «пограничных» областей в науке, в пределах которых исследовательские средства отдельных дисциплин являются недостаточно эффективными, во-вторых, тенденция ко все большему сужению и углублению специализации внутри научных дисциплин требует выработки методов систематизации и обобщения получаемых таким образом результатов исследовательской деятельности; в-третьих, еще предстоит оценить значение междисциплинарного подхода с точки зрения совершенствования методов исследования в отдельных дисциплинах. Последний момент важен и в плане выхода на определение ключевых этапов в созревании, если так можно

выразиться, «методологической необходимости» перехода представителя конкретной дисциплины к применению междисциплинарного подхода в исследовании. На данный момент подготовка любого специалиста, независимо от отрасли знания, не содержит его ориентации на междисциплинарный характер. Формирование исследователя, готового к работе с комплексной проблематикой на уровне синтеза знаний, составляемых различными дисциплинами, проходит определенные этапы и также нуждается в изучении. Следует заметить, что в литературе, посвященной проблеме междисциплинарности, рассматривались в основном лишь ценностные и социально-психологические установки, определяющие мотивы включения исследователя в междисциплинарное сотрудничество.

И, наконец, при изучении междисциплинарных исследований и в особенности междисциплинарного подхода следует учитывать специфику различных групп дисциплин. Это вызвано тем, что в историко-научных и науковедческих работах отчетливо просматривается тенденция к формулировке проблем в изучении междисциплинарности на основе обобщения по большей части образцов взаимодействия между представителями естественнонаучных дисциплин, дающих наиболее обильный материал в плане фактов междисциплинарного сотрудничества.

Данные замечания имеют дискуссионный характер и призваны сориентировать исследователей на углубленную оценку междисциплинарности для развития сотрудничества представителей дисциплин комплекса общественных наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Могильницкий Б. Г. Введение в методологию истории. — М. — 1989. — С. 9.

2. Кертман Л. Е. Историкографическая ситуация//Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. — Калинин. — 1980. — С. 25—26; Понятие историкографической «ситуации» и его методологическое значение//Вопросы методологии истории, историкографии и источниковедения. — Томск. — 1987. — С. 106—108.

3. См.: Internationales Jahrbuch für interdisziplinäre Forschung. — Berlin interdisziplinäre

4. В качестве примера приводим содержание отдельных номеров периодических изданий Гарримановского института: Шпорлюк Р. Размышления об Украине после 1994: Дилеммы национального строительства. Мотыль А. Вл. Жириновский: человек своего времени. Проффер Е. Пленный дух (М. Цветаева), Мейер Р. М. Цветаева. Тетраль Тарасенкова. См.: The Harriman Review. — March-May. — 1993. Vol. — 7 — №№ 7—9. — 28 р.; Мотыль А. Выживет ли Украина в 1994? Фон Хаген М. Дилеммы

украинской независимости и государственности, 1917—1921. (Доклады на конф. «Формирование государств в XX веке. Украина в сравнительной перспективе» Колумбийский ун-т. 10.XII.1993). См.: The Harriman Institute Forum. — January. — 1994. — Vol. 7. — № 5. — 5 p.

5. The Harriman Institute. Program Guide. — P. 1.
6. Мирский Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. — М. — 1980. — С. 12.
7. Там же. — С. 12.
8. Там же. — С. 15; См. также: Koppe F. Die historisch-hermeneutischen Disziplinen im System der Wissenschaften//Z. allg. Wissenschaftstheorie. — Wiesbaden. — 1976. — Bd. 7. — № 2. — S. 258—273; Schwarz R. Interdisziplinarität der Wissenschaft als Problem und Aufgabe heut//Internationales Jahrbuch... — 1974. — Bd. 1. — T. 1. — S. 1—31.
9. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 43.
10. Schwarz R. Op. cit. — S. 15—16.
11. Боулдинг К. Общая теория систем — скелет науки.//Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1976. — С. 109.
12. См.: Блауберг И. В., Юдин Б. Г. Становление и сущность системного подхода. — М. — 1973. — 270 с.
13. См.: Юдин Б. Г. Системные представления в функциональном подходе.//Системные исследования. Ежегодник. — 1973. — М. — 1973. — С. 122.
14. См.: McClelland Ch. A. Systems and History in International Relations. Some Perspective for Empirical Research and Theory.//General System. — Ann Arbor. — 1958. — Vol. 3. — P. 221—248.
15. См.: Malinowski B. Culture as a Determinant of Behavior.//Factors Determining Human Behavior. — Cambridge (Mass.), 1937. — P. 133—168.
16. König R. Interdisziplinäre Forschung.//Wörterbuch der Soziologie. 2 Aufl. — Stuttgart, 1968. — S. 487—489.
17. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 18.
18. Holzhey H. Interdisziplinarität./Intersziplinar. Intersziplinare Arbeit und Wissenschaftstheorie. — Basel; Stuttgart, 1974. — S. 108—109.
19. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 19.
20. Interdisciplinary Relationships in the Social Sciences. — Chicago: 1969. — 360 p.
21. Holzhey H. Op. cit. — S. 110.
22. См.: Акоф Р. Л. Системы, организация и междисциплинарные исследования.//Исследования по общей теории систем. — М. — 1969. — С. 134—164; Боулдинг К. Указ. соч.; Apostel L. Terminology and Concept.//Interdisciplinarity. Problems of Teaching and Research in Universities. — Paris, 1972. — P. 77—102; Berger G. Opinions and Facts. — Ibid. — P. 23—26.
23. Berger G. Op. cit. — P. 25—26.
24. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 23.
25. Микулинский С. Р. Науковедение.//Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. — М. — 1989. — С. 396.
26. Там же. — С. 396.
27. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 13.
28. Там же. — С. 13.
29. Микулинский С. Р. Указ. соч. — С. 396.
30. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 13—14.
31. Там же. — С. 24.
32. Там же. — С. 5.
33. Там же. — С. 6, 56.

34. Дисциплинарность и взаимодействие наук (Отв. ред.: Кедров Б. М., Юдин Б. Г.). — М. — 1986. — С. 68—70.
35. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 65.
36. Микулинский С. Р. О науковедении как общей теории развития науки//Управление, планирование и организация научных и технических исследований. В 5-й т. — Т. 2. Общие теоретические и социологические аспекты развития науки. — М. — 1971. — С. 25.
37. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 201—202.
38. Там же. — С. 204.
39. Там же. — С. 226—228.
40. Там же. — С. 228.
41. Там же. — С. 249.
42. Дисциплинарность... — С. 75.
43. Там же. — С. 75—77.
44. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 168. Также см.: Law J. The Development of Specialities in Science: the Case of X-ray protein crystallography.//Sci. Stud. — London. — 1973. — Vol. 3. — № 3. — P. 275—303; Mullins N. S. A Model for the Development of Scientific Speciality.//Mincerwa. — London. — 1972. — Vol. 10. — № 3. — P. 51—82; The Development of Specialities in Social Science.//Sci. Stud. — 1973. — Vol. (3) — № 3. — P. 254—273; Whitley R. Cognitive and Social Institutionalization of Scientific Specialities and Research Areas//Social Process of Scientific Development. — London. — 1974. — P. 69—65.
45. Колесник И. И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. — Днепропетровск. — 1993. — С. 17.
46. Мирский Э. М. Указ. соч. — С. 64—65; Микулинский С. Р. О науковедении... — С. 21—36; Гвишиани Д. М. Социальная роль науки и политика государств в области науки//Социологические проблемы науки. — М.: 1974. — С. 176—253.
47. Дисциплинарность... — С. 152.
48. Там же. — С. 152—153.
49. Одесса: город — агломерация — портово-промышленный комплекс (Под общ. ред. Топчиева А. Г.) — Одесса: 1994. — 360 с.

«РЕГІОНАЛЬНЕ» ЯК ЧИННИК ФОРМУВАННЯ УКРАЇНСЬКОЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІСТОРІОГРАФІЇ

В самих несподіваних соціально-психологічних та ідеологічних ситуаціях все частіше йдеться про перевагу регіонального в сучасній свідомості. Не є винятком з цього ряду і галузь історичної науки. Нинішня доба характеризується поновленням понятійного апарату, пошуком нових засобів та методів історичного пізнання. Повільно до сучасного дослідницького вжитку входить поняття «регіональна історіографія». Вживання цього поняття у різноманітному контексті сприятиме збагаченню його «змістовного поля». Отже, відповідно певному контексту «регіональна історіографія» постає як загальна, національна, локальна й подекуди набуває вузького краєзнавчого змісту.

Зрозуміло, що історія історичної науки в окремій країні є частиною загального історіографічного процесу. Локальне вивчення минулого історичної науки на прикладі певного історичного етосу (будь-то країна, регіон, край) дає уявлення про перебіг історичного пізнання, про соціокультурні та когнітивні чинники його генези та існування. Словом, категорія «регіональна історіографія» поєднує часткове та загальне, національне та тотальне в історії історичної науки. Це певний просторово-часовий вияв загального історіографічного процесу. Навіть етимологія слова «регіональна» історіографія наполягає на висвітленні самобутнього як складової загального, це засіб вивчення локального у контексті загальноісторичного, загальнокультурного.

Які обставини сприяли впровадженню цього поняття у науковий обіг? Категорія «регіональна історіографія» повністю відповідає сучасним складним соціально-економічним і політичним процесам в Україні, що спрямовані до розвитку локальних єдностей у контексті загальнолюдського процесу. Наша доба характеризується самоідентифікацією локальних єд-

ностей, які виникли на просторі колишнього Радянського Союзу. Духовна енергія сучасних локальних спільнот зосереджена здебільшого на усвідомленні власних можливостей подолання кризових явищ посттоталітарного суспільства, визначенні шляхів подальшого соціально-економічного та культурного росту.

До поширення категорії регіонального у різних сферах практичної та духовної діяльності сучасного суспільства спричинився процес розпаду радянської тоталітарної свідомості. Саме через це відчувається міцний потяг до визначення окремішнього, національного насамперед у галузях духовної праці — культури, літератури, мистецтва, науки.

В свою чергу руйнація тоталітарної моделі радянської історичної науки мала наслідком виникнення політико-ідеологічно орієнтованих національних загонів істориків. Метою цих національних наукових етосів стало поновлення місцевих наукових і культурних традицій, подолання дисконтинуїтету історіографічного процесу, повернення історико-наукової спадщини, славнозвісних, незатертих часом ймен та праць речників національної науки та культури. З'ясування взаємин національного та загальноісторичного, розбудова нової концепції історичного буття свого власного народу — це програма діяльності кожного поновленого історичного етосу. Отже, поняття регіонального в таких умовах виступає як засіб самовизначення локального, національного у всесвітньому процесі, подолання культурного провінціалізму та розумової ізоляваності.

Поширенню категорії регіонального у сучасній науковій свідомості сприятиме також стан локально-історичних досліджень. Безперечні успіхи локальної історії у північній та західній історіографії дають змогу рефлексії щодо нових явищ в історичному пізнанні кінця ХХ ст.

Локальна історія як галузь історичного дослідження має досить давню історіографічну традицію. Вона пройшла шлях від простого збирання старожитностей та опису місцевої історії у XVIII ст. до розвідок академічного рівня наприкінці XIX ст. Якщо у першій половині ХХ ст. локальні дослідження посідали другорядне місце в офіційній історіографії, то за останні три десятиліття їх статус докорінно змінився. Зараз локальна історія переживає «друге народження», що зумовлено ідейними впливами «нової історичної науки». Доробком цього напрямку стала зміна історіографічних пріоритетів, що означає звернення до антропологічно орієнтованої соціальної

історії, впровадження принципів віждисциплінарної методології, намагання реалізації в історіографічній практиці ідеалу «тотальної історії», запропонованого французькою школою «Анналів».

Пожвавлення локальних досліджень в останні десятиліття означало не просто відродження традицій, але рішучий зворот до вивчення громадянського життя людства в його реальних просторово-часових межах, що повністю відповідало «принциповим настановам антропологічно орієнтованої соціальної історії» (1). З боку суто практичних завдань тотальний обсяг різних сфер історичного минулого людства може бути впроваджений лише на достатньо обмеженому об'єкті, як-то село, прихід, невеличке містечко, або традиційна для певного краю одиниця адміністративного поділу. Словом, сенс локально-історичних досліджень посідає можливість реалізації ідеалу «тотальної історії», тобто всебічного, тотального вивчення будь-якого локального об'єкту. Намагання нового історичного синтезу передбачає зв'язок провідних структурних змін у суспільстві з їх усвідомленням певними соціально-історичними індивідами, взаємини між якими з'ясовуються їх належністю до малих груп та локальних єдностей (2).

Антропологічна спрямованість локальної історії полягає в тому, що на «п'ятачку» локальної історії допитливий дослідник має нагоду побачити обличчя звичайних людей, що витворюють історію та зафіксувати ті умови, в яких вони це роблять (3).

Про особливий статус локальних досліджень у структурах сучасної історичної науки свідчить існування цілих напрямів та шкіл. Широко відомі на цій ділянці здобутки британської історіографії із її лестерською школою локальної історії та 21-томним виданням серії монографій під характерною назвою «A Regional History of England» (L.; N. Y. 1986).

Метою даної розвідки є спроба інтерпретації локального регіонального на матеріалах історії історичної науки. Доречним здається з'ясування семантичного змісту регіональної історіографії, усвідомлення ієрархії загального, національного, локального в історико-науковому дослідженні.

У широкому розумінні слова «регіональна» історія науки, наприклад, в Україні, означає вивчення минулого науки як самостійного соціокультурного організму, окремішного від таких чужих структур як російська, польська, австрійська історична наука. У вузькому розумінні поняття «регіональна іс-

торія науки» можна використовувати щодо вивчення колишнього науки в певному регіоні, рідному краї.

Виникає питання: як співвідносяться поняття «регіональна» та «загальна» історіографія? Справа в тому, що у широкому соціокультурному значенні регіональна історіографія постає як загальна.

Проілюструємо цю тезу на прикладі з історії української історіографії. У своїх наукових формах українська історіографія виникає, як відомо, у XVIII ст. В Лівобережній Україні історіографія цієї доби взагалі існує як проблемна, тобто частина загальноросійської. Саме цей процес витвору української історіографії як окремої ділянки загальної російської історичної науки знаходить відбиток у свідомості українських культурно-громадських діячів, знавців рідної старовини, збирачів історичних пам'яток та родинних архівів, істориків-аматорів. Отже, Андріян Чапа у листі до Василя Полетики наголошує на необхідності написання «славнозвісної гілки російської історії — історії Малоросії» (4).

Ще один живий взірць співставлення понять «регіональна» та «загальна» історіографія як тотожних уявляє собою українська історіографія XIX ст. Розбудова української історіографії цього періоду йшла під знаком національного відродження в Україні. З боку взаємодії української історіографії з російською, польською, німецькою історичною наукою вона постає як регіональна у широкому розумінні слова. Якщо дивитися на процес розвою історичного пізнання в Україні якби «зсередини», то йдеться про загальну українську історіографію.

Таким чином українська історіографія складала частину, локальний вияв загального історіографічного процесу. Водночас вона мала і свою локальну специфіку, що з'ясовується характером впливу національного відродження на процес історичного студіювання і досліду.

Втім взаємозв'язок українського відродження та історіографії — це окрема методологічна проблема. У цілому розв'язання проблеми специфіки українського національного відродження, його періодизації, дає ключ до вивчення стану та розвитку української історіографії XIX — початку XX ст.

Що уявляє собою національне відродження в Україні? Більшість дослідників розуміють під відродженням національний рух (М. С. Грушевський, Д. І. Дорошенко) (5). Інші ототожнюють поняття відродження із націоналізмом, національною свідомістю (П. Магочий) (6). Найбільш слущ-

ним уявляється визначення національного відродження в працях відомого в англomовній літературі дослідника І. Лисяка-Рудницького. Відродження (націоналізм) постає як багатомірна структура: це водночас і національна свідомість, і ідея історичної державності, і національний рух (7).

Ще більш дискусійною в українській сучасній історіографії є проблема періодизації національного відродження в Україні. Досить поширеною схемою національних відроджень у так званих бездержавних (маргінальних) народів залишається схема чеського вченого М. Гроха. Він вилучає: 1) період наукових зацікавлень; 2) період патріотичного відродження, коли у цей процес залучаються народні маси; 3) період масового національного руху. Подальшою модернізацією схеми М. Гроха постають теоретичні побудування англomовних дослідників української історії Р. Шпорлюка та П. Магочія. Перший з них розрізняє три фази українського національного відродження: 1) наукову; 2) культурну; 3) політичну. П. Магочій виділяє: 1) добу збирання спадщини; 2) організаційну добу, коли закладаються культурні організації (театри, бібліотеки, школи, музеї, наукові товариства); 3) політичну стадію, коли виникають партії та інші установи, активні в політичному процесі (8).

І. Лисяк-Рудницький називає 1) шляхетську, 2) народницьку, 3) модерністичну стадії українського національного відродження (9). Вітчизняний історик В. Г. Сарбей зробив спробу поєднати запропоновану І. Лисяком-Рудницьким схему національного відродження із ленінською періодизацією визвольного руху. Перший період він визначає як «дворянсько-шляхетський», другий — «різничинський-народницький», третій — «загальнонародний» (10).

Ідеологічно принадливою постає культурологічна схема українського національного відродження М. Скрипника — О. Забужко. Як і більшість слов'янських відроджень українське національно-культурне відродження «розгорталось за романтичною моделлю», де саме мова, письменство «як головна етнодиференційна ознака» беруть на себе централізаторську функцію в «тілі» культури (11). Перший «поміщицький» період процесу національно-культурного відродження характеризується тим, що перетворена на провінцію Україна, «орієнтуючись на народну мову та етнокультуру, почала виробляти професійну культуру, поки ще локального, «обласного» значення». Другий період, пов'язаний із «громадівським» рухом 70-х рр. XIX ст. «з його потужною культуротвор-

ною спрямованістю», був репрезентований мислителями загальнослов'янського значення, як-от М. Драгоманов, В. Антонович, П. Житецький та ін. Третій період — «львівський», точніше «франківський» (за ім'ям провідної постаті цієї доби) став вирішальним «для усвідомлення нації, сходження її до себе самої в культурі й через культуру» (12). Якщо погодитися з зауваженням американського історика Г. Кона про ХІХ ст. як «вік націоналізму» (13), то період 80-х рр. ХІХ — початку ХХ ст. складав осердя цього віку. В цей період українська культура відчуває вплив не тільки російської, але більшою мірою інших всесвітніх культур, через засвоєння яких і відбувається усвідомлення власної самототожності, самототожності нації. Отже вершок процесу відродження (сутність націоналізму як головної ознаки ХІХ ст.) складає витвір нації. Головним же змістом львівського періоду, на думку О. С. Забужко, було «витворення в позадержавних умовах зрілої, адекватної капіталістичним темпам суспільного розвитку української політичної нації як окремишнього, свідомого й самосвідомого суб'єкта історії...» (14).

Певна річ, найбільш теоретично «заплутаним» є питання критеріїв періодизації процесу відродження у бездержавних народів. Одні автори використовують організаційний чинник, інші політичний або класовий, треті — культурологічний тощо. Як на нашу версію, варто взяти до уваги таку особливість українського національного відродження, як-от надмірна ідеологізація та політизація духовного життя України, що складала загальну прикмету країн тоталітарного типу із жорстким політичним режимом. На відміну від російських інтелектуалів, які концентрували свої зусилля у сфері теоретичних соціально-політичних утопій, релігійної філософії, духовна енергія українських інтелектуалів була спрямована до оборони права історичного існування свого народу, власної ідентифікації, самовизначення себе як окремої спільноти (15).

Згідно до цієї концепції, можна вилучити такі періоди процесу українського відродження: 1) реставраційна доба; 2) романтична; 3) народницько-громадівська; 4) національна, національно-політична (що за своєю сутністю збігається із «модерністичною стадією» чи «львівським» періодом).

Виходячи з посилки, що історіографія — природний чинник процесу відродження, доцільно признати, що етапи розвитку української історіографії співпадають із ходом національного відродження, критерієм періодизації виступає зміна політичної ідеології.

Перший період — це період критичної історії, якій відповідає реставраційній добі відродження із властивої їй ідеологією історичного легітимізму (тобто поновлення державної автономії України у межах російського імперського світу). Критична історія уявляє собою логічний підсумок процесів, охопивших російську історіографію, складовою якої на той час була саме українська історична думка. Зміст цих нових процесів у загальноросійській історіографії посідала злука (поєднання) історичного письменства та антикварної діяльності, що спричинилася до виникнення нового типу історичного дослідження — критичної історії. Критична історія — це такий тип дослідження, коли автор повної історії (повістя) поєднується у одній особі із критиком, збирачем історичних джерел. Тип критичної (наукової, у тогочасному розумінні слова) історії склали «История Малой России» Д. М. Бантиш-Каменського, повні історії Малоросії О. І. Мартоса та М. А. Маркевича, представника галицької історичної думки Д. І. Зубрицького.

Наступний період починається з другої чверті XIX ст. і характеризується виникненням романтичного напрямку в українській історіографії, що набуває вигляду етнографічних та історико-етнографічних студій. Цей період відрізняється жвавою збирацькою працею, продуктивною археографічною діяльністю щодо пам'яток народної творчості. Об'єктом ретельного дослідження стає здебільшого піснетворчість українського народу. У цей період з'являються перші етнографічні та історичні розвідки М. Цертелева, М. Максимовича, І. Срезневського, харківських романтиків А. Метлинського, М. Костомарова. На Галичині розгортає діяльність гурток львівських романтиків — відома «Руська трійця» — Я. Гловацький, М. Шашкевич, І. Вагилевич.

Третій період охоплює 60—70 рр. XIX ст., добу затвердження у національній свідомості та історіографії народницької ідеології. Увага дослідників зосереджувалася на народові як носію національного духу, характеру, єдиному представникові народності. Звідси інтерес до соціальної та побутової історії. Саме у цей час кристалізується ідея окремішності української історії. Народницькими ідеалами проймалася діяльність активістів українського руху, що гуртувалися довколо часопису «Основа» у Петербурзі на початку 1860-х рр., а протягом 1870-х рр. — у Києві навколо Південно-Західного відділу Руського географічного товариства. Провідні постаті цієї доби в українській історіографії —

М. Костомаров, П. Куліш, П. Чубинський, В. Антонович, Т. Рильський, М. Драгоманов, П. та О. Єфіменки, Ф. Вовк та інші.

Період з початку 1880-х рр. — перших десятиліть ХХ ст. — це період витвору української національної історіографії, який співпадає із кульмінаційною фазою націотворчого процесу в українських землях — виникненням української нації як самостійного суб'єкта історії. Саме на цей період припадає остаточне ідейно-концептуальне та організаційне оформлення української історіографії як доробку активної національної свідомості із властивими їй соціальними та демократичними уподобаннями та ідеалами. Діячі української історіографії цієї доби цілком усвідомлюють її самодостатність, відрубність від російської, польської, австрійської історичної науки. Не випадково саме у цей час з'являються перші загальні огляди з минулого української історіографії О. Пипіна, О. Лазаревського, М. Василенко, М. та Ол. Грушевських. Власна рефлексія української історіографії свідчить про її теоретико-концептуальну стиглість, інституціональне самовизначення.

Наукові товариства, історичні часописи, НТШ у Львові, що виконувало роль національної академії наук, університетські кафедри української історії, навіть студіювання українською мовою, популяризація української історії у Московському та Петербурзькому університетах, підготовка національних кадрів істориків все це характеризує існування історичної науки в Україні як окремішнього соціального інституту.

Розбудова національної концепції української історії велася у різних напрямках і мала певні рубежі. До ідейного та фактографічного обґрунтування цієї концепції спричинилися В. Б. Антонович та його київська школа документалістів, діячі та автори редакційного гуртка навколо «Киевской старины» на чолі з О. М. Лазаревським й врешті М. С. Грушевський з його львівською школою учнів та однодумців.

Поза всяких сумнівів, за допомогою поняття «регіональна історіографія» можна докладно вивчати локальні особливості стану історичних досліджень та наукової праці в різних регіонах України. З цього приводу певного методологічного сенсу набувають спостереження відомого дослідника І. Лисяка-Рудницького щодо регіональних різновидів національного відродження в різних українських землях. Отже він розрізняє так звані «основні» українські землі, мешкан-

ці яких активно спричинилися до націотворчого процесу, т. «побічні», або маргінальні, що лишалися пасивними до цього процесу. До «основних» земель належали в Росії — Слобожанщина, Лівобережна та Правобережна Україна, в Австро-Угорщині — Галичина та Буковина. До маргінальних українських земель причисляли Кубанщину на Північному Кавказі, Холмщину в Конгресовому Польському королівстві та Карпатську Україну в Угорщині (16).

Лівобережна Україна, що обіймала терен колишньої Гетьманщини постає як провідний центр українського відродження, Лівобережне дворянство, яке виникло з нащадків козацької старшини, було промотором ідей національного відродження на засадах історичного легітимізму, тобто поновлення автономного ладу у будь-яких формах. Втім, Лівобережне дворянство не мало досить сили й солідарності, щоб додержуватися курсу національного відродження, у другій половині XIX ст. воно остаточно втрачає свою керуючу роль в національній справі українства. В цілому, на відміну від Польщі та Угорщини історичному легітимізму (як ідеології автономізму), «не судилося залишитися платформою українського руху». Натомість ідеологічне та організаційне оформлення цього руху відбувалося не на ґрунті історичного легітимізму, а народництва. Географічне та культурне ядро Лівобережної України склали Полтавська та Чернігівська губернії. Жодна частина України, на думку І. Лисяка-Рудницького, не дала стільки провідників українства — інтелектуалів, культурно-громадських діячів — аніж ці землі (17).

Щодо витоків процесу українського відродження, то їх слід шукати далі на схід, на Слобожанщині. Першими мешканцями цих прикордонних земель Московського царства були втікачі з Подніпров'я, які й принесли з собою козацький склад життя та побут. Слобожанщина залишалася досить пасивною стосовно політичних змагань на Гетьманщині протягом XVII ст., але чим далі виступає промотором численних культурних ініціатив. Заснований на кошти харківських дворян та міщан університет був першим в підросійській Україні культурним вогнищем. Такий феномен духовного життя Слобідської України, як харківська школа романтиків І. Лисяк-Рудницький називає «тривалою складовою» української національної свідомості. Більш того, вплив цієї школи на стан українського письменства, історії, етнографії та фольклористики він ставить на один щабель із традиціями полі-

тичного автономізму, що плакалися у свідомості верхівки північної верстви Лівобережжя (18).

Специфіку Степової (Південної) України, що утворилася з колишніх земель Запорізької Січі, володінь кримських татар та Туреччини, дослідник бачить в тому, що протягом ще XIX ст. вона зберігала свій «українний характер». Ці землі були на перехресті різних культурних впливів та традицій, що принесли з собою переселенці — німці, росіяни, греки, болгарари та ін. Жодна частина України не мала стільки етнічних меншостей, як Південь, що й зумовило особливий дух та настрої, склавшийся тут людності, з притаманними їй відчуттям самовпевненості та підприємництва, почуттям індивідуальності та свободи. Не випадково саме на цьому ґрунті у період революційних змагань 1917—1920-х рр. зійшли паростки селянського анархізму, речником якого став Нестор Махно. Проте роль Південної України у національному русі, на думку І. Лисяка-Рудницького, була «відносно незначною», внесок Півдня у розвиток України був, насамперед, економічний (19).

Традиційно Лівобережна Україна була орієнтована до Росії, Правобережна — до Польщі. Згодом при засвоєнні південних земель чорноморського узбережжя торгівля правого та лівого берегів Дніпра була переорієнтована у південному напрямку. За словами І. Лисяка-Рудницького, це був вирішальний крок у процесі економічної та географічної інтеграції українських земель. Південь стає центром економічного тяжіння України. Розвій тяжкої промисловості та гірництва у Донецькому й Криворізькому басейнах давав підґрунтя (щоправда, не без перебільшення) називати цей економічний регіон «українською Америкою» (20).

В цілому спостереження американського дослідника щодо другорядної ролі південних земель в українському національному русі, наводить скоріше на протилежний висновок: в умовах економічного піднесення, свободи підприємництва на Півдні України відбувався процес остаточного загартовування українського національного характеру. Справа в тому, що генетичні риси українського характеру були «особливо сприятливими для формування системи вільного підприємництва на основі системи цінностей та поведінки, яка ґрунтується на пріоритетах співпраці та гармонізації колективних і особистих інтересів Це — і український індивідуалізм разом із традиціями добровільної співпраці в громаді, це — і працьовитість та відданість роботі, розвинуті приватновлас-

пицькі інстинкти, комунікабельність, толерантність до інших культур» (21).

Історичну індивідуальність Правобережної України утворювала перевага «польського елемента» в суспільному та культурному житті краю. Якщо шляхетський нобілітет — магнати — демонстрували лояльність щодо імперського режиму, то представники дрібної та середньої шляхти виступали поборниками ідеї відродження польської державності. Шукаючи підтримки, діячі польського руху в Правобережжя вживали українську мову в прокламаціях та відозвах до українського селянства, обіцяли автономний статус України в Русі в поновленій Польщі. Отже, протягом всього XIX ст. Правобережна Україна, за висловом І. Лисяка-Рудницького, залишалася «зоною напруги, де російські і польські сили змагалися за перевагу». Під впливом локального, так званого «територіального патріотизму» польські письменники, використовуючи місцеві мотиви, створили «українську школу» польській літературі, польсько-українські вчені зробили свій внесок у вивчення локальної історії та етнографії краю. Польські повіви, безперечно, мали і позитивні наслідки для українського національного руху. Невелика частина польської духовної еліти, не бажаючи бути чужою в рідному краї, приєдналася до української справи. Польська меншість Правобережній Україні дала таких видатних діячів українського національного руху, як Володимир Антонович, Вячеслав Липинський, митрополит Андрій Шептицький, які, за словами І. Лисяка-Рудницького, були людьми наскрізь західної культури, що відтягали українство від зв'язку з Росією (22). В цілому Правобережжя виконувало функцію рівноваги між польськими та російськими повівами щодо національного руху українства.

Характеристику південно-західних українських земель дослідник починає з Буковини. Локальною особливістю цих земель була чимала строкатість населення, тут жили українці, німці, румуни, цигани, євреї. В духовному житті панівним був німецький елемент, не випадково столицю Буковини Чернівці із місцевим університетом вважали за «культурний аванпост Відня». Втім буковинські українці здобули чимало більш прав на рівні місцевого самоврядування, аніж мешканці інших українських земель в Росії чи Австрії.

Найвразливішою ознакою національного руху в Галичині за визначенням американського дослідника, була унікальна роль Греко-Католицької церкви, яка ніколи не була державною.

ішо, але протягом всього свого існування залучалася на-окрім національною. Східний обряд відділяв греко-католиків від поляків, належавших до литинського обряду, і водночас «відлеглість Римові творила забороло проти російського впливу». Ці обставини зумовили провідну роль духівництва в національному русі Галичини. Світський прошарок галицького суспільства — інтелігенція — лише поступово перейняла провід в обороні українства. Варто взяти до уваги і чинник, що гальмували національний рух на Галичині — економічна відсталість та політична затурканість. Справа в тому, що адміністративне управління краєм віденський уряд передав польській верхівці, найбільш окультуреній частині суспільства. Представники польської панівної верстви поставили за мету будь-якою ціною перешкоджувати справі української спільноти, ідеологічного та політичного самовизначення. Проте боротьба галицького українства проти зусилля польського адміністративного елементу сприяла загартованості дисципліни та войовничості українського руху. Не останню роль в процесі національної інтеграції українців відіграла виборча реформа в Австрії 1907 р. Внаслідок всієї сукупності обставин українство в Галичині, на відміну від інших українських земель, вже напередодні першої світової війни уявляло собою «зовсім скрісталізовану спільноту» (23).

Цікаво, що І. Лисяк-Рудницький простежує не тільки регіональні особливості українських земель, але й шляхи їх інтеграції у ході націотворчого процесу. За його спостереженнями, між окремими, поодинокими регіонами постійно зростала співпраця. Першим актом такої інтеграції було виникнення політичної організації українства — Кирило-Мефодіївського товариства — внаслідок взаємодії «автономістичної традиції Лівобережжя та культурного відродження Слобожанщини» (24). В сфері економічної інтеграції українських земель провідне місце посідала Південна Україна як осередок модерної тяжкої промисловості. Саме на цих землях панував дух свободи, індивідуалізму, співпраці та підприємництва. Якщо наприкінці ХІХ ст. різниці між українськими землями в Російській імперії дещо зтерлися, то істотні розбіжності залишалися між Наддніпрянською Україною (як певною цілістю) та Галичиною щодо визначення шляхів і методів реалізації національної справи (25). Що стосується територіальної єдності українських земель, то остаточно програма територіальної інтеграції була вирішена після другої світової війни за часи існування підрадянської України.

Ці регіональні різновиди відбилися на стані історичних досліджень в різних українських землях. Як відомо, тривалий час осередком розумової діяльності, наукового та культурного життя українства, історичних та етнографічних студій вважалася Лівобережна Україна та Слобожанщина. Саме звідси діячі національного руху з інших українських земель запозичали наукові ідеї, політичні програми, відчували літературні та культурні повіви. В 80—90-х рр. XIX ст. внаслідок репресивної політики російського уряду щодо української мови, письменства і взагалі «лінгвоцентрично орієнтовано» культури (26) центр культурного, суспільно-політичного життя українства переміщується до Галичини, яка стає справжнім «українським П'ємонтом» (27), джерелом наукових і політичних ідей, осередком культурно-громадського та розумового руху.

На Півдні України протягом XIX ст. одним з провідних центрів культурного, громадського та наукового життя, осередком історичних досліджень була Одеса. Завдяки відомим навчальним закладом і науковим установам, як-от Ришельєвський лицей, Новоросійський університет, Вищі жіночі курси, Одеське товариство історії та старожитностей, історико-філологічне, юридичне товариство Одеса дала багатий тезаурус імені видатних науковців, істориків — А. О. Скальковський, І. О. Стемпковський, Ф. К. Брун, М. Н. Мурзакевич, В. І. Григорович, Ф. І. Успенський, О. І. Маркевич, І. А. Лінніченко, О. О. Кочубинський, С. Р. Штерн, П. М. Ардашев, Є. М. Щепкін та багато інших (28). Стан наукових та навчальних інституцій, характер дослідницької праці на різних ділянках історичного пізнання — археології, історії, українознавства, східнознавства, слов'янознавства, візантієзнавства, медієвістики — все це складає предмет регіональної історіографії.

Врешті термін «регіональна історіографія» при вивченні стану історичних досліджень в певному регіоні, місті, краї набуває часом краєзнавчого відтінку. І теж виступає засобом досконалого вивчення місцевої, локальної історії. Цікаво, що регіональні різновиди зумовили характер наукових інтересів та дослідницької праці відомих українських істориків. Д. І. Багалій був дослідником Слобідської України, О. М. Лазаревський — знавець історії Гетьманщини, Д. І. Зубрицький — історик Західної Червоної Русі, О. Я. Єфименко присвятила себе вивченню історії Правобережної України, Д. І. Яворницький — історії життя та побуту Запоріжжя у XVIII ст.

До речі, різниця між регіональним та краєзнавчим полягає в тому, що регіональне охоплює риси суцільного через вивчення локального об'єкту, а краєзнавче фіксує насамперед поодинокі, унікальні, неповторні на місцевому матеріалі.

Таким чином, категорія «регіональна історіографія» уявляє собою проєкцію поняття «локальна історія» на царину історії історичної науки. Це засіб усвідомлення загального історіографічного процесу через національне, локальне, що складає передумови до нового історико-наукового синтезу.

ПРИМІТКИ

1. Репина Л. П. Локальные исследования и национальная история: проблема синтеза//Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. — М. — 1989. — Вып. 1. — С. 150.
2. Там таки. — С. 151.
3. Там таки. — С. 153.
4. Лазаревский А. (М.). Прежние изыскатели малорусской старины// Киевская старина. — 1984. — № 12. — С. 356.
5. Див.: Украинский народ в его прошлом и настоящем. — Спб. — 1914. — Т. 1. — С. 313—360; Дорошенко Д. І. Нарис історії України. — К. — 1992. — Т. 2. — XIII—XV.
6. Магочий П. Українське національне відродження. Нова аналітична структура//УІЖ. — 1991. — № 3. — С. 98—101.
7. Лисяк-Рудницький І. Націоналізм//Нариси з історії нової України. — Львів. — 1991. — С. 57.
8. Див.: Магочий П. Вказ. твір. — С. 101.
9. Лисяк-Рудницький І. Роль України в новітній історії//Нариси з історії нової України. — С. 33.
10. Сарбей В. Г. Етапи формування української національної самосвідомості (кінець XVIII — початок XX ст.)//УІЖ. — 1993. — № 7—8. — С. 6—11.
11. Забужко О. С. Філософія української ідеї та європейський контекст. — К. — 1993. — С. 13.
12. Там таки. — С. 14.
13. Кобн Н. The Age of Nationarism: The First Era of Global History. — N. Y. — 1962.
14. Забужко О. С. Вказ. твір. — С. 16.
15. Див.: Лисяк-Рудницький І. Роля України в новітній історії. — С. 18—19.
16. Там таки. — С. 25.
17. Там таки. — С. 26.
18. Там таки.
19. Там таки. — С. 27.
20. Там таки. — С. 28.
21. Полунеев Ю., Загоруйко Ю. Культурний шок у посткомуністичних суспільствах у період ринкової трансформації (перспектива України)//Сучасність. — 1994. — № 11. — С. 151.
22. Лисяк-Рудницький І. Роля України в новітній історії. — С. 30.
23. Там таки. — С. 33.
24. Там таки. — С. 34.

25. Там таки.
26. Див.: Забужко О. С. Вказ. твір. — С. 14.
27. Грушевский М. С. Украинский Пьемонт//Освобождение России и украинский вопрос. — Спб. — 1907. — С. 115—120.
28. Чухрій П. І. Исторична наука і історики Півдня України дожовтневого часу//Питання історії народів СРСР. — Харків. — 1969. — Вип. 8. — С. 45—54.
-

Т. Н. ВЕСЕЛОВА, О. В. МЕЛЬНИК

**ИЗ ИСТОРИИ ВЫСШЕГО
ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОДЕССЕ
(Последняя треть XIX — начало XX в.в.)**

Высшая школа российской империи конца XIX — начала XX столетия включала в себя самобытную систему высших женских курсов.

В российской империи до конца 70-х г.г. XIX века высших женских учебных заведений не было; все попытки женщин получить высшее образование в университетах страны оказывались неудачными. Следствием того явился усиленный «отток» женщин в высшие учебные заведения Европы. Движение российских женщин в заграничные университеты приняло особенно широкий размах в 1871—1873 г.г. Так, если в 1868 году в Цюрихском университете обучались только 4 российские студентки, то уже к 1873 г. число учащихся возросло до 104 (1). Растущее число девушек из России в европейских университетах свидетельствовало об их неослабевающем стремлении к высшему образованию. Но под влиянием российской революционной эмиграции женская учащая молодежь быстро революционизировалась. Опасаясь дальнейшего развития этого процесса, царское правительство в мае 1873 г. отдало распоряжение о незамедлительном возвращении в Россию под угрозой преследования всех женщин, обучающихся за границей: «Правительство не может допустить мысли, чтобы 2—3 докторских диплома могли искупить зло, происходящее от нравственного растления молодого поколения, и потому признает необходимым положить конец этому ненормальному движению» (2).

Неблагоприятный общественный резонанс, который мог последовать и в России, и в Европе после указа о немедленном возвращении всех российских женщин, учившихся за границей, заставил царское правительство предпринять некоторые меры, способствовавшие развитию высшего женского об-

разования в России. Министр народного просвещения Д. А. Толстой отмечал, что «создавая и поддерживая учреждения удовлетворяющие существующую среди женщин потребности в высшем образовании, правительство дает желающим полную возможность приобрести научные знания в пределах отечества» (3). Высказавшись таким образом, власть уже не могла препятствовать развитию высших женских учебных заведений.

В 1872 году «в виде опыта» были открыты Московские высшие женские курсы проф. В. Н. Герье. Вслед за Москвой ВЖК появились и в других университетских городах Российской империи: Санкт-Петербурге (1876 г.), Казани (1876 г.), Киеве (1878 г.) (4).

Вместе с тем, сама процедура открытия курсов представляла собой долгий и сложный процесс: на имя попечителя учебного округа подавалось ходатайство об организации ВЖК в том или ином городе, далее прошение с отзывом попечителя отправлялось в Министерство народного просвещения, где, после совещания с участием начальника IV отделения, министра внутренних дел, начальника III отделения Канцелярии Его Императорского Величества и самого министра народного просвещения, выносился окончательный вердикт, относительно судьбы данного предприятия.

Вопрос об открытии высшего учебного заведения в Одессе возник одновременно с созданием ВЖК в столичных городах. Инициатором этого дела в Одессе явился профессор Новороссийского университета А. С. Трачевский. В 1878 году он представил ходатайство о разрешении открыть высшие женские курсы, вместе с проектом устава курсов попечителю Одесского учебного округа С. П. Голубцову. Его инициатива была поддержана общественностью, на средства которой в 1879 году была издана брошюра — «Высшие женские курсы в Одессе проф. А. С. Трачевского», в которой пропагандировалась и популяризировалась идея создания курсов. Брошюра содержала объяснительную записку и проект устройства курсов (5). Курсы должны были состоять из двух факультетов: историко-словесного и физико-математического, со сроком обучения 3 года. «Одесские курсы должны служить приютом... серьезного образования», — писал А. С. Трачевский, — «они посвящаются образованию не только чисто научному, но и практическому. Последнюю цель я считаю государственной обязанностью курсов». В объяснительной записке он подчеркивал необходимость подготовки на ВЖК

педагогов для средней школы, что удовлетворило бы потребности Одесского учебного округа. Характерно, что попечитель Одесского учебного округа С. П. Голубцов поддержал идею создания ВЖК и 5 февраля 1879 г. представил в Министерство народного просвещения вышеупомянутый проект устава курсов.

В то же время, в процессе этой организационной работы, А. С. Трачевский пришел к выводу о необходимости подготовительных курсов, которые восполняют пробелы в знаниях, получаемых в женской средней школе, статус которой не был рассчитан на какую-либо связь с высшей. Подготовительные курсы были открыты 17 января 1879 г.

Успех курсов превзошел все ожидания. Наплыв желающих составил более 250 человек. А. С. Трачевский предполагал, что подготовительным курсам суждено быть новым постоянным учреждением в системе женского образования (7). Однако данные курсы просуществовали лишь год, т. к. разрешение высших инстанций на открытие ВЖК в Одессе все-таки не последовало.

Несмотря на это, надежды, связанные с открытием в Одессе высшего учебного заведения для женщины, не ослабевали. В мае 1882 года Общество естествоиспытателей при Новороссийском университете возбудило ходатайство перед Министерством народного просвещения об организации публичных чтений по математике и естественным наукам для женщины, но оно было отклонено. После долгих проволочек разрешение было получено лишь в 1895 году и чтения продолжались до 1901 года (8). Но данные лекции не могли заменить собой систематического образования, вследствие чего борьба за создание ВЖК продолжалась.

В 1896 году группа профессоров и преподавателей Новороссийского университета так же ходатайствовала перед Министерством о разрешении открыть в Одессе высшие женские курсы по образцу Петербургских ВЖК. Надеясь на более успешный исход дела, в 1902 г. в это прошение были внесены некоторые изменения: курсы должны были иметь характер специально-педагогического учебного заведения. Министерство народного просвещения, рассмотрев ходатайство, предложило организовать из будущих преподавателей ВЖК комиссию для составления проекта «Положений» о курсах и подробные программы преподавания. Требуемый проект, разработанный комиссией во главе с профессором Новороссийского университета Н. Н. Ланге, был представлен в Минис-

терство и 12 июля 1903 г. было получено «высочайшее соизволение на учреждение курсов» (9).

Торжественное открытие педагогических курсов состоялось 4 октября 1903 г. в присутствии министра народного просвещения С. М. Лукьянова. Курсы были открыты в частной гимназии Е. С. Пашковской «в виде опыта» на 6 лет с трехгодичным сроком обучения. Поступить на них могли лица, имевшие аттестат или свидетельство об окончании женской гимназии. Основной же целью этого учебного заведения было — дать «высшее научное образование и педагогическую подготовку для преподавания в гимназиях» (10). Курсы состояли из 5 отделений: исторического, русского языка и словесности; французского и словесности; немецкого и словесности; математического. Директором был назначен ординарный профессор Новороссийского университета — Н. Н. Лаге, инспектрисой — Е. С. Пашковская, которой принадлежала 3-я женская гимназия. Вопросы, касающиеся организации учебной работы, решались Советом курсов в составе директора, инспектрисы и преподавателей. Устройство и заведование курсами в хозяйственном отношении возлагалось на попечительный комитет, который состоял из директора, трех членов Совета и инспектрисы. Средства на содержание курсов образовывались из оплаты за обучение (150 рублей в год) и частных пожертвований. Так, А. С. Трачевским была внесена сумма в 6059 руб. (11).

Что касается учащихся, то они подразделялись на слушательниц и вольнослушательниц. В слушательницы допускались лица, достигшие 17 лет и имевшие свидетельство об окончании гимназии. Вольнослушательницами, с разрешения попечителя, могли быть лица как имевшие, так и не получившие систематического образования, но занимающиеся педагогической деятельностью (12). Из лиц, подавших заявления (450), Совет курсов принял 300 лучших по оценкам аттестатов. К 1 января 1904 г. на курсах осталось 237 слушательниц и 59 вольнослушательниц (всего 296). Они распределялись по отделениям следующим образом: историческое отделение — 128, русского языка и словесности — 7, математическое — 50, французского языка и словесности — 32, немецкого — 15. По религиозному вероисповеданию: православного — 150, иудейского — 109; протестантского — 9; католического — 13; армяно-григорианского — 5, караимского — 2. По семейному положению: незамужних — 286, замужних — вдов — 2 (13).

16 августа 1904 г. министром народного просвещения были утверждены правила для слушательниц Одесских женских педагогических курсов с дополнениями к существовавшим временным правилам: в слушательницы допускались девицы в возрасте от 17 до 23 лет, количество вольнослушательниц не должно было превышать 2% от общего числа, а количество слушательниц иудейского вероисповедания — не выше 20% (14).

С осени 1904 г. курсы перешли в новое здание, которое находилось на улице Торговой в доме № 13, рядом с помещением гимназии Е. С. Пашковской. Построенное по специальному проекту и на собственные средства, оно состояло из 12 аудиторий, физического кабинета и библиотеки (15).

События 1905 года способствовали относительной демократизации высшего образования: правительство предоставило министру народного просвещения право самостоятельно решать проблемы, связанные с открытием частных высших женских учебных заведений. В период между 16 декабря 1906 и по 1 января 1913 г. министерство, воспользовавшись этим правом, выдало свыше 30 разрешений (16).

С осени 1906 г. по ходатайству Совета женских педагогических курсов вместо педагогических курсов были открыты Одесские высшие женские курсы в составе двух факультетов: историко-филологического с историческим и филологическим отделениями (декан — профессор А. П. Казанский) и физико-математического с математическим и естественным отделениями (декан — профессор П. Г. Меликов). Совет одесских ВЖК, образовавшийся из Совета педагогических курсов, на первом заседании, которое состоялось 26 августа 1906 г., объявил об открытии курсов. На этом же заседании директором был избран проф. Н. Н. Ланге. Открывшиеся курсы не испытывали недостатка в желающих получить высшее образование и к 1 января 1907 г. уже насчитывали 614 курсисток (17).

С осени 1908 г. директором стал Э. Р. фон-Штерн, который способствовал открытию в этом же году юридического факультета. В то же время на историко-филологическом факультете был разработан новый учебный план, в котором частично отразилась учебная реформа, проводившаяся на С.-Петербургских ВЖК: была введена система обязательных и необязательных предметов, практические занятия стали проводиться не только на III—IV курсах, но и на I—II. Но, в связи с незначительным количеством преподавателей на

историческом отделении еще не смогли ввести специализацию (18).

Вместе с тем, несмотря на трудности, ВЖК были очень популярны, и количество учащихся на курсах с каждым годом возрастало. К 1 января 1909 г. общее число слушательниц достигло 1206 человек, из них на историко-филологическом факультете — 586. В этом же году состоялся первый выпуск — 89 слушательниц, из них 55 историков (19). После продолжительного роста учащихся на Одесских ВЖК с 1910 г. наблюдается снижение числа слушательниц. К 1 января 1911 г. число курсисток сократилось до 915 (20). По мнению профессора В. Ф. Лазурского, — «главная причина уменьшения слушательниц заключается в отсутствии у Одесских ВЖК прав высших учебных заведений» (21). И только закон от 19 декабря 1911 года «Об испытании лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений», представил им право по предъявлению выпускного свидетельства сдавать экзамены на университетский диплом по всем предметам, входящим в университетский план. В 1912 году в комиссиях Новороссийского университета подверглись испытаниям и были удостоены диплома всего 4 слушательницы: Д. Г. Атлас, З. Бабайцева, С.-М. Гроссман, С. Клейнер (22).

О Доротее Генриховне Атлас, ученице проф. И. А. Линниченко, хочется сказать особо. Большинство ее научных трудов подготовлено в годы учебы на ВЖК. Это студенческие работы, помещенные в первом выпуске «Трудов слушательниц Одесских высших женских курсов» (1910) под редакцией И. А. Линниченко: «Джеймс Гаррис, его дипломатическая миссия и письма из России», «Дневник французского дипломата Мари-Даниэля де Корберона (последняя четверть XVIII ст.)». Впервые опубликованы — «Старая Одесса, ее друзья и недруги», «Старая Одесса и русский народ» (одна из немногочисленных работ, посвященная городскому фольклору), вышедшие в следующем году отдельной брошюрой. Д. Г. Атлас была действительным членом Одесского библиографического общества, преподавала историю и географию в женской гимназии А. Г. Кауфман. В 1915—1916 г.г. было издано ее пособие для средней школы — «Учебная книжка «Одесса» (23).

Весной состоялся очередной выпуск на Одесских ВЖК. 64 слушательницы получили выпускные свидетельства, из

них 35 выдержали испытания в университетских комиссиях (24). Совет курсов вновь подал прошение министру народного просвещения о признании свидетельства об окончании курсов равным университетским дипломам. Планы преподавания на всех факультетах были пересмотрены для большего согласования их с планами университета. С 1902 по 1915 г.г. постепенно на курсах вводилась предметная система, был определен минимум переводных экзаменов; согласно выработанной факультетом и утвержденной министерством программы, возросло количество практических занятий, особое внимание стало уделяться специализациям. С 1915 года расширяется программа преподавания, начинается чтение эстетических курсов. В это время на историческом факультете работали известные ученые: Е. Н. Щепкин (с 1914 по 1918 — декан историко-филологического факультета), И. А. Линниченко, А. В. Флоровский, Е. А. Загоровский, В. П. Трифилев, В. Э. Крусман, П. И. Бицилли и др., внесшие огромный вклад в преподавание истории на Одесских ВЖК (25). Таким образом, Одесские ВЖК становятся, по сути, вторым университетом Одессы.

В 1914 году Одессу посетил император Николай II. В составе встречавшей царя депутации присутствовал тогдашний директор курсов А. Я. Шпаков. Он был представлен царю, который поинтересовался ходом деятельности курсов. Император высказал одобрение по поводу развития высшего женского образования в Одессе. Это сказалось на увеличении пожертвований курсам, которые с 1910 года испытывали значительные материальные трудности. Ежегодными стали пожертвования Земского банка, который только в 1914 году ассигновал 3000 руб. Увеличение денежного фонда позволило Совету курсов начислять стипендии малоимущим студенткам (26).

Все положительные изменения, произошедшие за этот период, в значительной мере повлияли на рост числа курсисток. К 1 января 1915 года количество слушательниц на ВЖК составляло 660, к 1 января 1916 — 1503, а к 1917 г. — 2812 человек. Распределение по факультетам было следующим: на историко-филологическом — 539, физико-математическом — 777, юридическом — 337, и на химико-фармацевтическом отделении, открывшемся в 1916 г., числилась 941 курсистка (27).

Таким образом, высшее женское образование в Одессе поэтапно развивалось от подготовительных курсов к педаго-

гическим, а затем к высшим женским курсам, реформирование которых привело их, фактически, к университетскому статусу. Столь длительное развитие высшего женского образования было обусловлено не только правительственной политикой, направленной на недопущение женщин в университеты, но и низким уровнем преподавания в средних женских учебных заведениях, которые не были ориентированы на связь с высшей школой. И только пополнение средних женских учебных заведений выпускницами педагогических курсов способствовало реформе преподавания, что отразилось на качестве знаний поступающих и позволило привести в соответствие среднее и высшее женское образование.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Федосова Э. П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России. — М. — 1980. — С. 43.
2. Правительственный вестник. — 1873. — 21 мая. — № 120.
3. Теплов В. Пятидесятилетие высшего женского образования в России//Вестник воспитания. — 1910. — № 9. — С. 126.
4. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX веков. — Москва. — 1991. — С. 102—103.
5. Трачевский А. С. Высшие женские курсы в Одессе профессора А. С. Трачевского. — Вып. 1. — Одесса. — 1879. — С. 4.
6. Там же. — С. 15.
7. Там же. — С. 13.
8. Шохоль К. Р. К вопросу о развитии высшего женского образования//Журнал Министерства народного просвещения. — 1913. — № 3. — С. 24.
9. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Ч. 1. — Д. 7528. — Л. 2.
10. Там же. — Л. 2.
11. Там же. — Л. 1.
12. Федотова Т. Н. О высшем женском образовании в Одессе//Праці Одеського державного університету. — Т. 151. — Серія філологічні науки. — Вип. 11. — Одеса. — 1961. — С. 186.
13. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Ч. 1. — Д. 7528. — Лл. 3, 4, 5.
14. Там же. — Л. 6.
15. Там же. — Л. 5.
16. Там же. — Л. 6.
17. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Д. 7651. — Л. 2.
18. Федотова Т. Н. Указ. соч. — С. 187.

19. Одесские ВЖК в 1909 году.//Журнал Министерства народного просвещения. — 1910. — № 11. — С. 3.
 20. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Ч. III. — Д. 7529. — Л. 115.
 21. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Ч. I. — Д. 7528. — Л. 13.
 22. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Д. 7656. — Л. 8.
 23. Голубовский Е., Губарь О. Урок истории.//Атлас Д. Старая Одесса, ее друзья и недруги. — Одесса. — 1992. — С. 5, 6.
 24. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. — 3. — Д. 76567. — Л. 315.
 25. Справочник на 1915 г. об учебных заведениях Одесского учебного округа и служащих в них. — Одесса. — 1915. — С. 15.
 26. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Ч. I. — Д. 7528. — Л. 13.
 27. ГАОО. — Ф. 334. — Оп. 3. — Д. 76567. — Л. 315.
-

З. В. ПЕРШИНА, В. Г. САРБЕИ

ПЕРВЫЙ ОБОБЩАЮЩИЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Не утихают споры по дипломатическим каналам и на общественном уровне вокруг возникшей после распада СССР проблемы дележа Черноморского флота между Украиной и Россией. И как бы не решился этот вопрос, ничто не затмит двухсотлетней славы многочисленных флотских экипажей, формировавшихся и пополнявшихся людскими ресурсами, главным образом, за счет братских украинского и русского народов.

По истории Черноморского флота написаны сотни научных и научно-популярных книг. При этом самый первый капитальный труд по этой теме увидел свет в Одессе в 1858—1867 годах. Его появление связано с деятельностью Одесского общества истории и древностей, в «Записках» которого он был напечатан (1). Автором исследования являлся активный член Одесского общества истории и древностей Захарий Андреевич Аркас. Этот труд до сих пор не был еще предметом специального изучения историками.

Аркасы принадлежали к одному из старейших дворянских родов. Уже в X веке среди приближенных византийского императора Никифора Фоки был известен Иринарх Аркас (2). Из биографических сведений о З. А. Аркасе известно, что родился он в 1793 г. в городке Литохоро, расположенном в греческой провинции Фессалия у самого подножия знаменитой горы Олимп, где в древности происходили массовые спортивные соревнования, традиции которых продолжают во всемирном масштабе и в наше время. В детстве Захарий вместе с родителями покинул поработенную Османской империей родину и поселился в еще только строящемся городе Николаеве. Здесь из таких же, как семья Аркас, выходцев из Греции возникло греческое землячество.

Отец Аркаса занимался преподавательской деятельностью — преподавал античные языки и историю в новооткрытом Николаевском штурманском училище, готовившем офицерские кадры для Черноморского флота, утвердился в российском подданстве и дворянстве. Как блестящего знатока 12 иностранных языков Андрея Аркаса привлекли к работе в штабе Черноморского флота в качестве переводчика (3). А. Аркас активно занимался археологией, интересовался историей и эту любовь к исследовательской работе привил своему старшему сыну — Захарии. Специальное военно-морское образование Захарий получил в том же Николаевском штурманском училище, где работал его отец (4).

Вся сознательная жизнь З. Аркаса самыми тесными узами была связана с Черноморским флотом. Уже в 1816 г. после окончания Николаевского штурманского училища он был зачислен мичманом в один из флотских экипажей. Как морской офицер принимал участие в русско-турецкой войне 1828—1829 годов и отличился в сражениях с вражескими кораблями на море и при штурме крепостей на суше. «За неустранимость и усердие» получил первые свои награды: ордена святой Анны и святого Владимира.

Через десять лет после окончания войны З. Аркас был вынужден по нездоровью оставить морскую службу. Однако с Черноморским флотом не расстался. Он руководил строительными работами и учебными заведениями по морскому ведомству в Севастополе, стал основателем и первым директором знаменитой Севастопольской морской офицерской библиотеки (существует до сих пор), за время директорства собрал в ней огромную уникальную, особенно по морскому делу, литературу на многих языках, спас ее во время Крымской войны, перевезя на временное хранение в Николаев.

Как отмечал Н. Мурзакевич — автор некролога о З. Аркасе — «по разрушению Севастополя, к которому Аркас был сердцем привязан и которому посвятил лучшую часть своей жизни, скорбя о его настоящем положении, заметно стал дряхлеть» (5). Умер он в 1866 г. в чине генерал-лейтенанта и был похоронен в г. Николаеве (6).

Помимо своей военно-морской карьеры З. Аркас прославил себя как историограф. Уже в зрелом возрасте — с начала сороковых годов и до самой своей кончины, он усиленно занимался научно-исследовательской творческой работой, изучая историю греческих поселений на побережье Черного моря, археологию Крыма (7).

Его особое внимание привлекала история Черноморского флота. Он был одним из активных деятелей Одесского общества истории и древностей, которое ставило своей целью собиранне, описание, сохранение, изучение и публикацию исторических документов, организацию научных экспедиций и экскурсий для археологических поисков, издание историко-археологических исследований (8). Благодаря публикациям Обществом материалов и исследований по истории, археологии, этнографии, нумизматике, статистике, географии были впервые изучены, опубликованы и дошли до нас многие ценные сведения и научные разработки по истории Украины, преимущественно ее южного региона. Среди них и труд З. Аркаса о истории Черноморского флота, который, по характеристике Н. Мурзакевича — редактора «Записок Одесского общества истории и древностей», где этот труд был опубликован, — содержит в ряде случаев уникальные сведения из истории флота «со времени его рождения по день потопления» (9).

Автор трудился над его созданием свыше пяти лет. Им был собран по теме огромный документальный материал. Источниковую базу работы составляли судовые дневники, реляции о военных действиях, воспоминания очевидцев и участников событий, записанные самим автором. Многие из сведений, содержащихся в этих документах, никогда не дошли бы до нас без участия З. Аркаса.

Начало печатанию фундаментального труда З. Аркаса по истории Черноморского флота было положено очерком «Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1798 год», появившемся в 1858 г. в четвертом томе «Записок Одесского общества истории и древностей».

Со скрупулезнейшей точностью автор рассказал здесь о том, как фактически на совершенно необжитых местах Северного Причерноморья возводились верфи и портовые сооружения, строились военные и торговые суда, заселялись пришлым людом с Украины и России, добровольными переселенцами из-за рубежа новые города и селения.

Уже в 1778 г. в устье Днепра было найдено удобное место для устройства гавани и кораблестроительных эллингов. Строительство первого военного корабля завершили в 1783 г. Но адмиралтейство в новооснованном городе Херсоне начало действовать с 1788 г., когда сюда прибыла на постоянную дислокацию часть судов Азовской флотилии. Другая часть

се и часть Днепровской флотилии также пополнили вновь учреждаемый флот после завоевания в 1783 г. Россией Крыма. Здесь на месте татарской деревни Ахтияр с руинами древнегреческого города Херсонеса возник еще один адмиралтейский центр, названный впоследствии Севастополем.

Это было идеальное место для военно-морского порта. «Четыре бухты, закрытые горами от всех ветров, и пятая рейдовая, простирающаяся в длину на 7 и в ширину на 1 1/4 версты, при глубине 10 сажен, позволяли вместить большой флот и стоять в них покойно... Периодические ветры, способствующие флоту выходить из порта во все дни года, и достоинства рейда и гавани, которые никогда не замерзают, и где совершенно безопасно и близко к берегу могут стоять корабли, делают его одним из лучших портов в свете» (10), — так-как категорический вывод автора.

Далее описывалось посещение в 1787 г. Севастополя Екатериной II. Она уже тогда могла лицезреть здесь большую военно-морскую эскадру — из 40 судов. А в следующем году их насчитывалось уже 84 (автор перечисляет всех их по наименованиям и типам).

В 1789 г. «последовало устройство города Николаева» (в память взятия Очакова, в день Св. Николая, 6 декабря). «Глубина реки Ингул, при впадении ее в Буг, много способствовала к построению там верфи, для сооружения судов большого ранга» (11). Уже в 1790 г. на воду спустили 44-пушечный фрегат «Святой Николай». Постепенно и правление Черноморского флота было переведено из Херсона в Николаев, который с 1824 г. стал главным адмиралтейством на Черном море, с постоянным местопребыванием главного командира Черноморского флота и портов (Севастопольское же адмиралтейство оставили лишь для ремонта крупных и сооружения мелких судов).

Не обошел своим вниманием автор и Одессу — один «из богатейших городов по великолепным зданиям своим и обширной торговле» (12), строительство которого с одновременным сооружением военной гавани и купеческой пристани началось в 1794 г. на месте турецкой крепости Гаджибей. В работе подробно описано взятие Гаджибея, состав участников штурмов, роль казаков в этих операциях (13).

Что же касается Севастополя, то в его благоустройство в течение первых лет существования города значительный вклад сделал адмирал Ф. Ушаков. Как пишет З. Аркас, он лично занялся «построением хороших казарм и приведением

в лучшее состояние госпиталя. Заставил чиновников и нижних служителей строить хорошие дома для помещения семейств своих и этим улучшил хозяйство их и украсил Севастополь. Завел загородное гулянье в Ушаковой балке, исправил дороги, учредил рынки, рыл колодези и установил вольные перевозки на гребных судах. Одним словом, он сделал много полезного для служащих и города» (14).

Вместе с тем, в очерке нашли самое полное и подробное освещение военные (самостоятельные или в помощь сухопутным войскам) действия Черноморского флота во время войны с Турцией в 1787—1791 г.г. Перечислены названия и типы всех судов, участвовавших в том или ином сражении. Для офицеров — специалистов военно-морского дела важным подспорьем к тексту очерка явились прилагаемые к нему профессионально и доступно рисованные планы сражений на Черном море: 1) Очаковского 1788 г.; 2) при Еникальском проливе в 1790 г.; 3) между Гаджибеем и островом Тендрюк в 1790 г.; 4) у мыса Калиакрии в 1791 г.

Автор увековечил имена героев — моряков всех рангов (от адмиралов до мичманов), отличившихся своими воинскими подвигами. Красочно описан, например, подвиг тридцатипятилетнего капитана второго ранга Сакена, который летом 1788 г. отправился на небольшом суденышке — так называемой двойной шлюпке в район расположения войск генерала Суворова под Очаковым. Необходимо было договориться о совместных действиях армии и флота в предстоящей операции по взятию крепости Кинбурн.

Поручение командования Сакен успешно выполнил. Обсуждая же со «своими» возможность благополучного возвращения тем же путем, он твердо заявил: «Если турки атакуют меня двумя судами, я возьму их; с тремя буду сражаться, от четырех не побегу; но если нападут больше... мы более не увидимся!». В действительности же его преследовали 13 неприятельских судов. И тогда Сакен приказал экипажу из восьми матросов взять с собой флаг, пересечь на маленькую маневренную скоростную шлюпку и плыть к российской эскадре. Когда же турецкие галеры настигли двойную шлюпку Сакена и взяли ее на абордаж, он взорвал свое судно вместе с турецкими. «Самоотвержение Сакена, — комментирует свой рассказ автор, — изумило неприятеля и после этого события турки не имели духа сваливаться с нашими судами на абордаж, несмотря на то, что они всегда имели более

людей на своих кораблях, и суда их ходили лучше наших» (15).

Самым подробнейшим образом З. Аркасом освещен принесший мировую славу Черноморскому флоту поход под руководством Ф. Ушакова в Средиземное море для изгнания наполеоновских оккупационных полчищ с греческих островов, Мальты, из Албании, Италии. Этим событиям был посвящен следующий очерк автора — «Действия Черноморского флота с 1798 по 1806 года», опубликованный в пятом томе «Записок Одесского общества истории и древностей», вышедшем в свет в 1863 г., т. е. через пять лет после предыдущего.

И наконец, в вышедшем в свет в 1867 г. шестом томе под названием «Продолжение действий Черноморского флота с 1806 по 1856 год» была напечатана завершающая часть этого первого обобщающего труда по истории изученного З. Аркасом военно-морского формирования. В нем подробно описаны походы Черноморского флота под руководством адмирала Д. Н. Сеявина накануне Отечественной войны 1812 г. в Средиземное море для изгнания войск французского императора Наполеона I с острова Корфу и других островов греческого архипелага, из Черногории, Далмации, Рагузы и других территорий Балканского полуострова; блокада устья Дарданелльского пролива эскадрой российского адмирала А. С. Грейга в 1807 г. (интересная подробность: турки стреляли здесь мраморными ядрами, которые причиняли большие повреждения российским кораблям); совместные военные действия флота и армии в Восточной части Черного моря (занятие русскими войсками крепости Сухум-Кале, принадлежавшей Абхазии, и вступление морского батальона в крепость Анапу, где из 4000 жителей были захвачены только 31, прочие ушли в горы) (16).

Русско-турецкую войну 1828—1829 годов автор отметил как особую страницу истории Черноморского флота, когда он, «хотя и не имел случая сразиться с неприятельским флотом, но много содействовал к поражению неприятеля» посредством прямой поддержки операций сухопутных войск на Кавказе и Балканах, доставки продовольствия и боеприпасов сражающимся, десантным вылазкам матросов и т. п. (17).

Даже неожиданные повороты в международных отношениях российские дипломаты использовали в интересах дальнейшего развития и совершенствования Черноморского флота. Так случилось, когда флот по заключению «Тильзитского мира, лишенный сообщения с Россией, без надежды на по-

мощь, оставленный посреди неприятелей, счастливо избежал плена». Больше того, как отмечает автор, «правительство наше, за старые неспособные к службе корабли, которые в своих портах должны бы сгнить без пользы, получило через продажу их за границей сумму, на которую у нас можно построить новые корабли» (18).

А далее З. Аркас рассказывает о строительстве в Николаеве, Херсоне, Севастополе большого числа новых судов, тщательно перечисляя их типы и наименования. Особенно плодотворным по мнению автора, в этом отношении явилось семнадцатилетнее управление Черноморским флотом и портами адмиралом М. П. Лазаревым. Ко времени его кончины в 1851 г. флот на Черном море по качеству маневренности, хода и вооружению, а также по выучке матросов не уступал тогдашним флотам других наций. Вот только не было винтовых кораблей, которые уже начали вводить англичане и французы.

«Оставалось только желать ему успеха в действиях на все будущие времена, но к несчастью, война 1854 и 1855 годов заставила нас самих потопить весь свой флот в Севастопольском порту» (19), — сетует З. Аркас. Всего было потоплено 65 крупных кораблей, не считая множества мелких судов. «Таким образом, существование на Черном море знаменитого флота нашего, с 1783 по 1856 год, прекратилось. Мы сами потопили его, чтоб не перешел в руки неприятелей» (20), — подводит итог повествованию автор. Здесь же он указывает место написания своего исторического труда — Севастополь и год его окончания — 1863.

Увидеть опубликованным завершающий очерк своего произведения З. Аркасу не удалось. Он умер за год до выхода в свет содержащего его тома «Записок Одесского общества истории и древностей».

Кроме рассмотренного труда остались неизданными сочинения З. Аркасом материалы: «Журнал, веденный во время турецкой кампании 1828—1829 г.г. на кораблях «Императрица Мария» и «Иоанн Златоуст», «Первоначальное заведение российского флота на Азовском море, существовавшего с 1695—1778 г.г.», «Предположения кн. Потемкина относительно Черноморского флота, представленные Фалеевым графу Зубову», выписка из журнала, веденного на корабле «Рождество Христово» во время сражения между Хаджибеем и Тендрюю в 1790 г., копия рапорта контрадмирала Уша

кова князю Потемкину о сражении у мыса Калпакрии 5 августа 1791 г.

Историографические «гены», заложенные З. Аркасом, ярко проявились в последующем поколении этой семьи. Его племянник Н. Н. Аркас, который так же как и другие представители династии Аркасов связал свою карьеру со службой в Морском ведомстве, написал и издал первую на украинском языке популярную, доступную по изложению для самой широкой читательской массы книгу по истории Украины — «История Украины-Руси» (1908 г.). Этот труд также внес определенный вклад и в историографию Черноморского флота. В нем рассказано об участии запорожских казаков в отвоевании земель Северного Причерноморья у Оттоманской империи, о бесстрашных морских походах их к берегам Турции, о созданной ими своей отдельной флотилии на Черном море («баркасной команды»), которая охраняла от внезапных нападений турецких военно-морских кораблей побережье от Анапы до Сухуми во время русско-турецкой войны 1828—1829 г.г. Отмечено было в книге и конечное событие первого этапа истории Черноморского флота, полностью описанное в свое время З. Аркасом: подписание российскими дипломатами в 1856 г. международного договора, согласно которому Россия «принуждалась отказаться от права иметь свои боевые корабли и крепости на Черном море» (21).

Подводя итоги анализу труда З. Аркаса по истории Черноморского флота, следует подчеркнуть не только его уникальную историографическую ценность как первой попытки создать обобщающий труд по данной проблеме, но и особое значение как исторического источника для ее дальнейшего изучения. Хотелось бы надеяться, что придет время опубликования этой работы отдельной книгой, и она станет достоянием широкой научной общественности и любителей истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Аркас З. Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1789 год//Записки Одесского общества истории и древностей (далее — ЗООИД). — Т. IV. — Одесса. — 1858. — С. 261—309; его же. Действия Черноморского флота с 1798 по 1806 год//ЗООИД. — Т. V. — Одесса. — 1863. — С. 846—901; его же. Продолжение действий Черноморского флота с 1806 по 1856 год//ЗООИД. — Т. VI. — Одесса. — 1867. — С. 368-444.

2. Зеленко П. Микола Аркас (з нагоди 20-ї річниці смерті)//Літературно-науковий вістник. — Львів. — 1929. — № 5. — С. 465.

3. Там же. — С. 466.

4. Яковлев В. Аркас Захарий Андреевич//Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — Т. I. — СПб. — 1889. — С. 747.
5. Мурзакевич Н., Захарий Аркас//ЗООИД. — Т. VI. — Одесса. — 1867. — С. 494.
6. Аркас Захарий Андреевич//Русский биографический словарь. Т. II. — С. 290.
7. Аркас З. Описание Ираклийского полуострова и древностей его. Николаев, 1879; его же. Сравнительная таблица эллинических поселений на Евксинскому Понту//ЗООИД. — Т. III. — 1853. — С. 144—150.
8. Устав Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса. — 1839. — С. 1—2.
9. Мурзакевич Н. Захарий Аркас//ЗООИД. — Т. VI. — Одесса. — 1867. — С. 493.
10. Там же. — Т. IV. — С. 263, 264.
11. Там же. — С. 285.
12. Там же. — С. 289.
13. Там же. — С. 286—289.
14. Там же. — С. 306.
15. Там же. — С. 274.
16. Там же. — Т. VI. — С. 403.
17. Там же. — С. 429.
18. Там же. — С. 401.
19. Там же. — С. 440.
20. Там же. — С. 444.
21. Аркас Н. Н. Історія України-Русі. — К. — 1990. — С. 370.

А. О. СКАЛЬКОВСЬКИЙ ЯК ДОСЛІДНИК ГАЙДАМАЦЬКОГО РУХУ

Аполлон Олександрович Скальковський (1808—1898) широко відомий науковцям як піонер у дослідженні багатьох проблем в царині історії, статистики, економіки та ін. Він стояв також у витоків вивчення такого непересічного явища в історії України як гайдамацький рух і Коліївщина окрема. Праці А. О. Скальковського загальновідомі, проте його творча спадщина — формування історичних поглядів, історія написання творів, еволюція світогляду тощо — ще потребує на глибоке вивчення.

Гайдамацький рух на Україні належить до таких соціальних конфліктів, що мали значну історіографію як у до-революційний, так і у радянський період. У той же час необхідно звертатись до спадщини істориків минулого, оскільки сьогодні це дозволяє по-новому подивитись не лише на їх спадщину, але і на саму проблему гайдамаччини. Тим паче, що протягом двох останніх десятиліть, після виходу збірника документів «Гайдамацький рух на Україні у XVIII ст.» (К., 1970), збірки статей «Коліївщина. 1768. Матеріали наукової сесії, присвяченої 200-річчю повстання» (К., 1970) та праці П. Мірчука «Коліївщина. Гайдамацьке повстання 1768 р.» (Нью-Йорк, 1973) не з'явилося жодного значного твору з цієї проблематики.

Погляди А. О. Скальковського на гайдамацький рух в тій чи іншій мірі розглядалися багатьма істориками. Проте це були або загальні оцінки, або розгляди лише одного з його творів, присвячених гайдамаччині (1). А до цієї проблеми «Геродот Новоросійського краю» звертався в кількох творах, причому його погляди зазнали певної еволюції.

Вперше А. О. Скальковський торкнувся гайдамаччини у першому виданні «Истории Новой Сечи» (1841 р.). На час виходу цього твору він уже був відомим в Одесі краєзнав-

цем. З 1835 року А. О. Скальковський займався розшуком джерел і написанням творів з історії Південної України. 1839 р. в Катеринославі він знайшов Архів Коша Нової Запорізької Січі. На його основі він почав досліджувати історію Запоріжжя.

Коли «Историю Новой Сечи» було закінчено на чернетці (1 березня 1841 р.) із Катеринославу надійшли нові справи запорізького архіву. Це дало можливість А. О. Скальковському написати ще одну главу, що була присвячена депутації запорожців до комісії по складенню Нового Уложення 1767 р. та уманським подіям 1768 р. (2). Отже, можна чітко простежити час і обставини появи гайдамацької теми у його творчості.

До 1842 р. на російській мові майже нічого не було написано про гайдамаччину. Єдиний виняток — стаття Ф. Булгаріна «Гайдамаки» в «Северной пчеле» (1828, № 1) та деякі інші белетристичні праці. А. О. Скальковський міг довідатися про гайдамацький рух переважно з польської літератури, в якій у другій чверті ХІХ ст. з'являлось все більше творів на цю тему (3). В польській історіографії на той час також майже не було наукових праць на цю проблематику. Достеменно відомо, що він був знайомий із фольклорно-історичною збіркою І. І. Срезневського «Запорожская старина» (1833—1838 рр.) та фольклорною збіркою М. О. Максимовича «Украинские народные песни» (1834 р.) (5). Таким чином, можна передбачити, що А. О. Скальковський на 1841 р. практично не мав ані вірогідних джерел, ані запасу відомостей про гайдамацький рух окрім його січового архіву. Проте історіософія його була в цілому вже сформована в попередніх працях з історії Новоросійського краю та розвідках з історії Запорізької Січі (6). За його концепцією рушієм історії є вище начальство, яким керують мудрі монархи. Запорожці у нього — вірні охоронники південних кордонів імперії і царату. Якщо він натрапляв на відхилення від своєї концепції, то пояснював це або злочинними діями окремих козаків, або наклепом наведеним на запорожців їхніми ворогами. Перше видання «Истории Новой Сечи» складається з трьох частин. Перша присвячена внутрішньому устрою Запоріжжя, друга — безпосередній виклад історії Нової Січі, третя — «Додатки». Про гайдамаччину йшлося в другій частині в одній з десяти глав під назвою «Депутация запорожців в комісію для складання проекту Нового Уложення. Уманська різанина. Внутрішні заворушення. 1767—1769». Там їй була відве-

лено 12 сторінок (з 26). Відчувається деяка механістичність в підході до розташування матеріалу в цій главі. Саме тут історик протиставляє Запорізьку Січ гайдамакам, а своє завдання він бачив в тому, щоб очистити «славне лизове війсь-ко від плями, накинутої на нього кількома злочинними його членами» (7).

Згодом А. О. Скальковський присвятив гайдамаччині окреме дослідження. У 1842 р. його повідомили, що на території військових поселень Київської та Подільської губерній знаходяться польські фамільні архіви, власники яких були репресовані царатом за участь у повстанні 1830—1831 рр. Матеріали цих архівів могли стати джерелами для нових творів. У той же час він розпочинає листування з М. Грабовським з повістю якого «Коліївщина і степ» (1838 р.) вже був знайомий (8). Як відомо М. Грабовський належав до так званої «української школи» в польській літературі. Представники цієї школи цікавились фольклором, історією України, часто-густо ідеалізували польсько-українські взаємини. Вони засуджували гайдамацький рух, що шкодив цим взаєминам.

Знайомство з М. Грабовським сприяло пробудженню інтересу А. О. Скальковського до історії Правобережної України. Він здобув дозвіл на чергову археографічну подорож в цей регіон. До неї, перебуваючи у серпні 1842 р. у маєтку покійного батька в південній частині Київської губернії, він почав збирати українські пісні. Тоді він вперше познайомився з оповіданням одного із свідків уманських подій 1768 р. (9).

Все це сприяло тому, що наприкінці серпня А. О. Скальковський вирішив написати розвідку про гайдамаків. Тричі він її закінчував і до травня 1843 р. так і не закінчив, оскільки постійно отримував все нові матеріали: від М. Грабовського твір «Станиця Гуляйпольська» (1840—1841 рр.) та іншу польську літературу (зокрема видане в Познані 1840 р. оповідання В. Кребс), єврейські рукописи про події XVII ст., запорозькі пісні тощо. Тоді у нього вже було досить матеріалів для великої статті (10).

У травні 1843 року А. О. Скальковський здійснив заплановану експедицію по архівах Умані, Меджибожа, Ладжижана. Там він знайшов багато матеріалів з історії України XVI—XVIII ст. Проте, скористатись ними йому в повній мірі не вдалось, оскільки вивозити документи з собою йому не дозволили (11).

У той же час А. О. Скальковський зібрав багато відомостей (переважно усних) про гайдамаків. Спілкування з місцевими поляками і євреями, які досить упереджено ставилися до цих подій, зайвого разу переконували його зайнятися «змиттям плями» злюбимих ним запоріжців за участь їх у гайдамаччині.

А. О. Скальковський зібрав також відомості і про міста, що їх відвідував. Після повернення до Одеси він зазначив: «що склав цілу книгу «Історію гайдамак», особливо 1768 року, і в теперішню подорож доповнену багатьма цікавими документами» (12).

Проте цю книгу А. О. Скальковському не судилось закінчити в 1843 року. Нові матеріали із січового архіву, що надійшли з Катеринославу, були настільки цікавими, що з вересня він почав готувати друге видання «Истории Новой Сечи». Лише в жовтні він почав паралельно дописувати історію гайдамаків і закінчив її на початку 1844 р. Справа із виданням з різних причин затяглася і праця вийшла друком лише у лютому 1845 р. під назвою «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии. 1733—1768» (Одеса, 230 с.) (13).

Книга складається із вступу, п'ятох глав (без назв) та «Додатків», що займають більше третини її обсягу. Вступ присвячено теоретичним питанням: значення терміну «гайдамак»; причини гайдамаччини. Наприкінці Вступу А. О. Скальковський окреслив коло джерел на основі яких було написано твір. Серед них найвірогіднішими були документи січового архіву. Чотири оповідання сучасників, що дивились на Коліївщину очима постраждалих, були дуже небезпечним джерелом для історика неозброєного інструментарієм наукової критики, а три єврейські молитви і повісті та пісні й оповідання українського населення Київської та Подільської губерній взагалі не є суто історичними джерелами. Отже, А. О. Скальковський обмежився лише накопиченням джерел, не роблячи ніякого джерелознавчого аналізу.

У першій главі А. О. Скальковський описав ситуацію в Речі Посполитій напередодні Коліївщини і ще раз повернувся до проблеми виникнення гайдамаччини. Другу главу він окремо присвятив з'ясуванню прикордонних відносин поляків і запорожців. Центральне місце у творі посідає третя глава, присвячена Коліївщині. В четвертій главі А. О. Скальковський розповів про події після взяття Умані та придушення Коліївщини. Заключна глава праці була спеціальною

присвячена «реабілітації» Запорозької Січі. Основний висновок до цієї глави є лейтмотивом всієї книги і його формулює А. О. Скальковський так: «...Ніколи запорожці не вважали і не називали себе гайдамаками, ніколи не терпіли гайдамаків у своїх лавах, а навпаки жорстоко карали ватажків і злочинців «за їх характерництво», якщо вони потрапляли в руки військового правосуддя. Тим більше, ніколи саме військо... не могло взятись до такої дуже пагубної і богопротивної справи, як винищення цілих тисяч неповинного і беззбройного народу, з-за користі і помсти — не спонукуване ні національним, ні релігійним фанатизмом, котрий вже не існував» (14). Документи, що містились у «Додатках» мали проілюструвати вірність цього висновку.

Нова книга А. О. Скальковського не залишилась непоміченою. В «Русском инвалиде», з'явився схвальний відгук на неї. Там зокрема відзначалось, що вона «сама по собі добре написана і збагачена новими цікавими додатками та цитатами, є вельми приемним і цікавим явищем в російській літературі, особливо для освічених малоросіян» (15).

Один з таких «малоросіян» — відомий історик М. О. Максимович, кілька разів критикований на сторінках твору А. О. Скальковського, опублікував пишівну рецензію. Він також був дослідником Коліївщини і ще у 1839 р. написав для свого альманаху «Киевлянин» статтю під назвою «Сказание о Колиивщине». Проте через позитивне ставлення автора до цього повстання публікація не була дозволена цензурою і вперше надрукована вже після його смерті у 1875 р. (16).

М. О. Максимович вважав несприйнятним завдання А. О. Скальковського — виправдовувати запорожців за їх участь у гайдамаччині. Він писав, що «багато розбіжностей містять записки про гайдамаків; але є почуття істини, яке підказує історикові і керує ним під час вибору відомостей; є розуміння за допомогою якого відокремлюється істина від вигадок» (17). На його думку, саме відсутність такого розуміння, упередженість автора призвели до перекручувань як історії Запоріжжя, так і гайдамаччини, протиріч у викладі матеріалу, на які чітко вказав рецензент, і навіть до грубих помилок. Резюмуючи, М. О. Максимович дав таку («досить сурову», як вважав В. О. Біднов) (18) оцінку творам (в тому числі й «Истории Новой Сечи») А. О. Скальковського: «При його працелюбстві та любові до Запоріжжя, він може зробити справжню послугу історії козацтва, якщо знайде засоби скоріше видати в оригіналі якнайбільше актів з січового

архіву, що зберігається у нього, з якого він вже дістав стільки нового і цікавого для історії Запоріжжя і гайдамаччини. Поспішність в цьому разі була б краще тої, з якою він міркує про предмети, що їх ще не дуже засвоїла його думка. Мати перед очима своїми «тисячі запорозьких паперів» — не означає ще бачити ясно характер і долю Запоріжжя» (19).

Крім російської офіційної («Русский инвалид» — газети військового відомства) та української народницької ще з'явилась точка зору польського консервативно-клерикального крила — публікація І. Юрецького в «Tygodnik Petersburski». Скальковському закидалось що розбоям гайдамаків він надавав форму релігійної війни. Крім того, цілком справедливо зазначалось, що працю було написано без критики джерел і достатнього знання предмету дослідження і навіть її названо мізерною компіляцією (20).

У тому ж 1845 р. А. О. Скальковський здобув ще одну своєрідну оцінку свого твору, що певною мірою визначила пізніше оцінку всієї його творчості. Мова йде про вірш Т. Г. Шевченка «Холодний Яр». На думку П. Жура Т. Г. Шевченко міг довідатись про твір А. О. Скальковського від М. О. Максимовича, з яким він зустрічався у квітні — травні 1845 р. Настрій історика цілком передався поетові і через вісім місяців у грудні 1845 р. з'явився згаданий твір, в якому є рядки, що їх всі дослідники вважають присвяченими А. О. Скальковському:

«Гайдамаки не воины —
Разбойники, воры.
Пятно в нашей истории...»
Брешеш, людоморе!
За святую правду, волю
Разбойник не стане,
Не розкує закований
У ваші кайдани
Народ темний, не заріже
Лукавого сина.
Не розіб'є живе серце
За свою країну» (21).

Достеменно відомо, що А. О. Скальковський у 1845 р. знав лише про рецензію І. Юрецького (22).

Незабаром після виходу згаданої вище книги, у 1846 р. з'явилося друге видання «Истории Новой Сечи», значно збільшене і доповнене. Обсяг відведений для історії гайдамацтва

в порівнянні з попереднім виданням збільшився майже в п'ять разів (хоча сам твір — приблизно вдвічі). Перші дані про гайдамаків було вміщено в четвертій главі другої частини, де йшлося про історію Січі у 40-ві рр. XVIII ст. Основну частину матеріалу — про Коліївщину — було подано в окремій главі разом з описом заверушень на Січі у 1768 р., але тепер вже без розповіді про депутацію до Уложеної комісії.

В цілому у викладі матеріалу у цьому творі і оцінці гайдамаччини А. О. Скальковський, незважаючи на критику, мало що змінив. Завдання у нього було незмінне — «показати у всій ясності дії гайдамаків і взагалі виправдати запорожців» (23). У той же час, не можна не відзначити деяких виправлень. Було знято найгрубіші помилки, на які вказав М. О. Максимович (про псевдозапорозькі пісні, М. Значко-Яворського), що може свідчити про знайомство з його рецензією. А. О. Скальковський дещо змінив наголос і на деяких моментах у висвітленні гайдамаччини, хоча і не вийшов за межі офіційної оцінки гайдамаччини. Це відчувається і у висновках до всієї глави: «Так закінчилась ця жахлива трагедія, в якій на сором Запоріжжя взяло участь до 300 його козаків, хоча простих і грубих сіромах, які дуже сильно заплямували славу Низового війська, що досі і в Росії, і в Польщі впевнені, що вся уманська різанина була справою задуманою і виконаною через Запоріжжя» (24).

В середині 40-х років внаслідок різних чинників А. О. Скальковський відійшов від історичної проблематики в своїй творчості. На довгі роки цариною його інтересів стала статистика. Проте на межі 70—80 рр. він повернувся до історії. Значною мірою цьому сприяла його співпраця (з 1882 р.) з журналом «Киевская старина» (25).

На початку 80-х рр. А. О. Скальковський знов звернувся до історії гайдамаччини. На той час у вивченні цієї проблематики відбулись значні зрушення. Деякі дослідники, зокрема П. О. Куліш та Д. Л. Мордовцев, в цілому негативно оцінювали гайдамаччину (26). Причому останній з них багато в чому спирався на твори А. О. Скальковського. Інші дослідники, переважно народницького напрямку (В. Б. Антонович, І. М. Рева, М. І. Костомаров, О. Я. Єфименко), продовжуючи лінію М. О. Максимовича, попри всі страхіння гайдамаччини, виправдовували її (27). Точка зору цих істориків стала переважаючою на той час в українській історіографії.

В «Киевской старине» протягом перших років з'явилося кілька розвідок, що торкалися гайдамаччини. У 1885 р. і А. О. Скальковський надрукував там статтю під назвою «Несколько документов к истории гайдамаччины» (№ 10. — С. 277—318). Це археографічна публікація, що містить вісім документів. Говорячи про її завдання він зазначив, що «до-тримуючись колишньої нашої думки про гайдамак, ми, за давниною часу, ... вважаємо за необхідне нагадати її стисло тепер, умістивши при цьому знов підібрані документи» (28). У той же час історик висловив такі думки, що дають підстави твердити про певну еволюцію його поглядів на дану проблему. Він вже не заперечував, що гайдамаки були борці за віру і народність («не можна, очевидно, заперечити в гайдамацтві політичного елементу, тої релігійно-національної ворожнечі, що зародилась в українському народі багато раніше» (29). Водночас він наполягав на тому, що не можна виправдати проявів жорстокості («якщо в масі гайдамацький рух містить в собі вищі цілі, то на дії окремих дрібних загонів, особливо окремих осіб, не можна іноді дивитись як на прояв дикої порочної волі» (30). Отже, це є принципова зміна в його поглядах. Якщо раніше гайдамаччина для нього була цілком негативним явищем, то тепер він критикував лише її окремі зовнішні прояви, чому, власне, і було присвячено його публікацію.

Вперше еволюцію поглядів А. О. Скальковського відзначив одеський історик С. Я. Боровой (31). Після цього «реабілітації» Скальковського було присвячено кілька газетних статей (32). В історіографічному вступі до своєї останньої монографії про запорозьке козацтво віддав належне історикові і В. О. Голобуцький (33).

Незважаючи на зміну поглядів А. О. Скальковського, не слід її перебільшувати. У листі до редактора «Киевской старины» Ф. Г. Лебединцева від 10 жовтня 1885 р. стосовно згаданої публікації він писав: «Я маю визнати, що у мене до Вас велика претензія. Ви у багатьох місцях змінили і дуже поліпшили текст моєї розвідки. Це правда. Але в одному місці вставили такі думки, котрі я не тільки не надрукував би, але навіть і не думав таким чином. Я побоююсь відповідальності перед моїм міністром. Але про це я напишу ще раз й укажу на сторінку» (34). На жаль, досі залишається таємницею, що мав на увазі А. О. Скальковський.

Третє видання «Истории Новой Сечи» (1885—1886 рр.), останній твір А. О. Скальковського де йшлося про гайдама-

ків, також залишає суперечливе враження.

З одного боку, у передмові А. О. Скальковський чітко сказав про зміну своїх поглядів: «Я з особливим задоволенням виправляю судження свої про наїзди в Західній Україні, відомих під іменами Коліївщини та Уманської різанини в 1768 році. Незабутній Костомаров, а за його почином й інші письменники, гірко дорікали мені за численні помилки...». На своє виправдання історик зазначив, що його перші твори про гайдамак були написані ще у 40-ві роки, тобто за чотири десятиліття до появи праць В. Б. Антоновича. До того ж, крім вірогідних документів січового архіву, йому доводилось «користуватись відомостями «потерпілої» сторони, тобто поляків-очевидців». Це і стало, на його думку, причиною помилок, в тому числі і щодо М. Значко-Яворського «так безсоромно оббріханого панамі очевидцями» (35).

З другого боку, в тексті, де гайдамаччині було відведено одну главу частково і дві повністю, а обсяг матеріалу на відміну від попереднього видання збільшився вдвічі, ця еволюція відчувається не так виразно. Один з рецензентів цілком слушно вказав, що маючи тисячі сторінок справ січового архіву, автор чомусь віддав перевагу польським джерелам (36).

Отже, погляди А. О. Скальковського на історію гайдамаччини зазнали певної еволюції. Тому їх треба роздивлятися у комплексі: від початкових тверджень у 40-ві роки і до їх зміни у 80-ті.

Стосовно походження терміну «гайдамак» А. О. Скальковський зайняв специфічну позицію. Він не погодився з М. О. Максимовичем, що запорожці називали себе гайдамаками і заперечив І. І. Срезневському щодо тлумачення самого слова (у останнього — «гайдомак») — як лісовий мешканець. Не прийнявши ні польський варіант («гайда» — втікач), ані тюркський (вигук, що означає спонукування), історик нарешті зробив висновок: «що означає етимологічно й археологічно слово гайдамак, ми також не знаємо, як не знаємо, що таке слова козак, курган, Русь, тощо» (37) (не забуваймо, що написано це у 1845 р.).

Через рік А. О. Скальковський вирішив частково приєднатись до однієї з версій про тлумачення терміну: «можливо поляки, які знали слово «гайди», тобто негідники, волоцюги, називали таких витязів бездомних і жорстоких гайдамаками» (38). Проте, через сорок років він зупинився на тому, що значення слова залишається невідомим (39).

Стосовно часу існування гайдамацтва А. О. Скальковський також зробив кілька уточнень. Спочатку він вважав, що гайдамацтво було притаманне XVI—XVIII ст., причому «гайдамаки XVIII століття мало чим відрізнялись від звичайних грабіжників XVII століття» (40). До справжніх гайдамаків XVI—XVII ст. він зараховував С. Наливайка, Д. Нечая і М. Кривоноса. На межі XVII—XVIII ст., на його думку, цей рух ущуає і про нього нічого не чуто до 1732 р. Відновлюється він лише з переходом запорожців до Російської імперії (41). Пізніше історик всеж відніс це явище до XVIII століття, визначивши час його існування трохи більше ніж півстоліття. На його думку, перші відомості про справжніх гайдамаків — 1735 рік, коли київський губернатор просив кіш зібрати точні відомості про С. Чалого. Зникло воно з остаточним приєднанням Правобережної України до Росії (42).

Якщо хронологічно дії гайдамаків А. О. Скальковський в цілому звужив, то географію їх він поступово розширив. В перших його творах гайдамаччина захопила лише Правобережжя, зокрема в регіоні, визначеному як Західна Україна, а також частково на території Кримського ханства і Молдавії (43). Розуміння цього поняття (Західна Україна) історик дав через кілька десятиліть після написання перших творів. Для нього це південна частина тодішніх Київської та Подільської губерній, зокрема територія, що прилягала до річок Буг і Синюха. Тоді ж він додав, що районом дії гайдамаків була і Очаківська область і навіть Приазов'я. Тобто було визнано діяльність гайдамаків в Південній Україні і навіть напади їх на «російські землі» (тобто на Лівобережну Україну) (44).

Істотної еволюції зазнало розуміння А. О. Скальковським причин гайдамацького руху. Спочатку його появу він пояснював дуже просто. Виникнення гайдамацтва історик пов'язував з політичними чварами у Речі Посполитій, а головне — із слабкістю польського уряду, якою скористались кілька злочинців (45). В основному своєму творі про гайдамаків А. О. Скальковський підкреслював, що до XVIII ст. причина гайдамаччини була — захист козаками православ'я, і гайдамаки (читай — козаки) чинили зло полякам лише з національної і релігійної помсти. У XVIII ст., після остаточного приєднання Запоріжжя до Росії, об'єктивних причин, на думку історика, не могло бути. Гайдамаки для нього (крім ліричних назв — «сухопутні пірати», «бедуїни степів») це «цілі сотні волоцюг і втікачів всіх вірувань і націй», втікачі з

рівних слов'янських земель, що ховались від закону і не хотіли виконувати (на Запоріжжі) військової і прикордонної служби. Саме вони чи з користі, чи з інших особистих мотивів збирались у ватаги і під приводом ненависті до католиків та мусульман чинили на них напади (46).

Згодом Скальковський змінив свою точку зору на причини гайдамаччини. Він цілком справедливо порівнював її з подібними рухами у Франції, Італії, Північній Америці, Шотландії, Західній Україні (в сучасному розумінні), Буковині, Молдавії і твердив, що причинами їх виникнення були «незадовільний політичний і суспільний лад», який «завжди і скрізь викликав запеклий протест..., піднятий в ім'я вищих інтересів». Конкретизуючи причини, історик визначив їх досить еkleктично: безсилля центральної влади і отже відсутність відповідних органів адміністративної влади на місцях; політичні негаразди в Польщі; підтримка гайдамацтва нижчими прошарками суспільства; низький життєвий рівень народу (47). Отже він близько підійшов і до розуміння соціально-економічних причин, хоча сформулював їх не досить чітко і вони посідають у нього останнє місце. В останній праці про гайдамаччину було дещо змінено і звужено коло її причин: 1) утиски православного духівництва уніатським; 2) діяльність Барської конфедерації (48). Якщо відкинути другу причину, пов'язану з гайдамацьким рухом 1768 р., то для пояснення попередніх рухів залишається лише одна причина, яка доповнювала наведені вище. Сам історик не спромігся звести всі причини разом.

Гайдамацький рух до Коліївщини досліджений у А. О. Скальковського дуже слабо. Першу значну хвилю цього руху у 1734 р. він взагалі не помітив, хоча початок «наїздів гайдамак на Західну Україну» визначив 1733 роком. Безпосередньо лише він про початок гайдамацтва у зв'язку с С. Чалним, розповідаючи про історію Нової Січі у 40-ві роки XVIII століття. Піднесення гайдамацького руху у 1750 р. А. О. Скальковський вже відзначив і опублікував зокрема документ про заходи польської шляхти для боротьби з повстаннями (49). Якщо і згадувано про гайдамацтво в інші роки, то переважно для опису заходів Коша для його приборкання. О. Я. Єфименко справедливо вказувала, що А. О. Скальковський (а за ним і Д. Л. Мордовцев) невірно показував песь гайдамацький рух, що передував Коліївщині лише як незначний пролог до неї (50).

Коліївщина дійсно посідає основне місце в дослідженнях А. О. Скальковського. Незалежно від обсягу відведеного їй в його творах, сценарій розповіді про це повстання був один: початок — рух гайдамаків на територію Польщі; занепокоєння старшини цими подіями та вжиті ними заходи, щоб запобігти його розгортанню; поширення повстання, облога і штурм Умані (цей фрагмент, написаний на основі спогадів очевидців, містить багато фактичних неточностей); придушення повстання; виправдовування Коша щодо неучасті запорожців в Коліївщині. У той же час деякі моменти цього оповідання з часом зазнавали змін.

Зрозуміло, що А. О. Скальковський дав негативну оцінку М. Залізнякаві. Проте, він зазначив, що «поляки багато казок розповідають про Залізняка, але ми дотримувались позитивних відомостей, що ми здобули з документів» (51). У той же час таких документів було не досить і багато. Крім цього народні пісні, уривки з яких навів історик, давали позитивну оцінку гайдамацькому ватажкові. Це він пояснив тим, що М. Залізник прикривав свої «злочинні» вчинки демагогією про боротьбу на захист православ'я (52). Упередженість Скальковського помітив і М. О. Максимович, який відзначив, що він навмисне виключив з оповідання В. Кребс слова про те, що М. Залізник «був не простий гайдамак» (53). Все ж треба віддати належне А. О. Скальковському, який у всіх творах наводив народну оцінку, що містилась у піснях. У першому виданні «Истории Новой Сечи» він зауважив, що про Залізняка співають на Україні багато пісень, «як про витязя і мученика», а у третьому виданні також зазначено, що в «руському народі Західної України гайдамаки і досі вважаються героями степу» (54).

Також змінив А. О. Скальковський свою думку про М. Значко-Яворського, якого спочатку оголосив винуватцем багатьох невинних жертв. Згодом він висловив навіть слова каяття за оповідання «про Мотронинського архімандрита Мельхиседека Значко-Яворського цього заступника православ'я в Західній Україні» (55). Безумовно, це було зроблено під впливом праці Ф. Г. Лебединцева про цю постать (56). Слід зазначити, що А. О. Скальковський інколи робив висновки, внаслідок яких він дивився на гайдамаччину не лише з точки зору польських істориків, як твердили деякі автори (57). Зокрема засуджуючи гайдамаків за жорстокість, історик зазначав, що часто-густо її перевершувала сваволя магнатів і шляхти. Особливо А. О. Скальковський підкреслив

жорстокість поляків під час катувань гайдамаків. Говорячи про региментаря Української партії Стемпковського, він підкреслив, що «покарані гайдамаки із польських підданих так до нелюдському, що пам'ять про це залишилась і досі» (58). Більше того, у пізніших працях історик наважився на висновок, що для першої половини ХІХ століття були неприпустимі. Розповідаючи про придушення Коліївщини він вказував, що це було зроблено зненацька, а здійснено — негідною оманною. Кінець повстання було описано так: «Російські війська заповнили Україну, задушивши гайдамаків і привели народ до покори панам. Тих і других крім вимог незбагненної політики, зв'язували узи кріпацтва і погляд на народ, який для одних був «биллом», для других — «худобою» (59).

Для А. О. Скальковського, як і сам він зазначав, в історії гайдамацтва головним було питання про участь у ньому Запоріжжя. Ще в першому виданні «Істории Новой Сечи» він визнав, що запорожці були на чолі цього руху, хоча і додав, що це було всього «кілька злочинних членів» товариства (60). В «Наездах гайдамак на Западную Украину в XVIII ст.» і у другому виданні «Істории Новой Сечи» А. О. Скальковський також намагався довести «що хоча кілька негідних козаків із запорозького товариства взяло участь у гайдамацьких злочинствах, але ніколи дії шайки Залізняка і його сподвижників не були загоном низового війська...» (61). Для цього історик використав матеріали січового архіву, що «ніколи не чекали історичної відомості і критики» і тому «гідні великої довіри» (62). І це йому певною мірою вдалося. Запорозжці на його думку, не лише не називали себе гайдамаками, але й вважали за образу посити таку назву (це зразу ілюструвалось документом із січового архіву). У той же час, він вважав, що «гайдамаки, щоб додати собі слави, називали себе запорожцями і тим гнусні свої вчинки склали на військо» (63). Проте «вина», хоча і опосередкована, у Запоріжжя була. Воно, на його думку, «було шкідливе тим, що в його безмежних степах вічно водились ватажки, готові на грабунки і вбивство» (64). Трохи пізніше Скальковський сам спростував свою думку про кількох (або «жменьку») запорожців, що взяли участь у гайдамаччині: «Не можна не погодитись, що і запорожці в цих розбоях і грабунках, або просто гайдамацтві брали участь. оскільки в багатьох карних допитах і вироках знаходили ми, що «ватажками» наїзників завжди або майже завжди був запорожець» (65).

Дійсно, запорозькі матеріали були важливими джерелами для вивчення гайдамаччини. Проте слід мати на увазі зауваження М. О. Максимовича, який у своїй рецензії на твір А. О. Скальковського писав, що годі шукати в офіційних паперах Коша визнання його зв'язку з гайдамаками (63). Отже А. О. Скальковський знову ж, як і у випадку з повідомленнями поляків-очевидців, підходив до запорозьких джерел без належного джерелознавчого аналізу.

Ще в «Наездах гайдамаков на Западную Украину в XVIII ст.» А. О. Скальковський вказав точну кількість запорожців — учасників Коліївщини — 300. Незважаючи на критику М. О. Максимовича і появу інших творів історик так і не змінив цю помилкову цифру (67).

Зазнала зміни точка зору А. О. Скальковського стосовно позиції Коша щодо гайдамак. У перших творах він беззастережно намагався висвітлити заходи кошових отаманів і товариства по приборканню гайдамацтва. Він вважав, що основна проблема для Коша полягає в тому, щоб виправдатись (68). В статті «Несколько документов к истории гайдамаччины» історик значно змістив акценти. Для нього уже не підлягало сумніву, що саме в Запоріжжі був зародок гайдамацтва і що воно було його ядром. На його думку, це було спричинене тим, що, по-перше, Запорізька Січ завжди була центром всіх невдоволених, і, по-друге, вона була консолідуючою силою, що могла спрямувати це невдоволення (69). Основна проблема — у двоїстості позиції Коша і старшини. Вони, з одного боку, не могли не виконувати наказів вищої влади, щоб приборкати гайдамаків, з другого — співчували стражданню народу, потайки підтримували гайдамаків і, хоча карали багатьох з них, але не видавали чужим судам. Більше того, історик вважав, що ні заходи Коша, ані гетьманської, ані російської адміністрації не могли остаточно знищити «зло, що пустило глибокі коріння в народі і мало основу в суспільному ладі Польщі» (70).

Якщо раніше успіхи гайдамаків А. О. Скальковський пояснював халатністю польського уряду та ненадійністю польських шляхетських загонів, оскільки вони склались переважно з українців, то потім історик додав, що саме участь запорожців надавала повстанням силу і польські магнати чудово розуміли, що вся сила гайдамаків — на Запоріжжі (71).

В третьому виданні «Истории Новой Сечи» А. О. Скальковський ще раз звернувся до проблеми участі запорожців у гайдамаччині. Він знову намагався «виправдати» запорожців

«від постійних на них наклепів та парікань не лише від ворогів, але і від друзів Росії» (72). Остаточний вердикт історика був такий: «що запоріжці, як військо, що піякий полковник і його старшина в грабунках і наїздах не брали участі, а навпаки, що військо, тобто Кіш суворо їх переслідував, ми маємо цілі сотні документів» (73).

Отже, А. О. Скальковський стояв у витоків вивчення гайдамацького руху. Його дослідження базувались на певному колі історичних джерел, серед яких основними були матеріали архіву Коша Нової Запорозької Січі. А. О. Скальковський належав до тієї частини істориків Російської імперії першої половини ХІХ ст., яка висвітлювала вітчизняну історію з офіційних позицій. Тому гайдамаччину він однозначно засуджував. І робив він це не з точки зору польських істориків, як твердили деякі автори, а саме з офіційної точки зору. Крім цього, А. О. Скальковському шкодило те, що він не в достатній мірі володів прийомами наукової критики історичних джерел, зокрема польських і навіть запорозьких. Це привело до кількох дошкульних помилок в його творах.

Будучи істориком насамперед Нової Січі, А. О. Скальковський заперечував причетність запорожців до гайдамаччини. Це давало підстави для радянських істориків безпастанно його критикувати. Проте, слід підкреслити, що історик мав на увазі не окремих козаків, які могли бути навіть ватажками гайдамацьких загонів (на що він і сам вказував), а участь і керівництво повстаннями запорожців як війська в цілому. Цей висновок, на наш погляд, важливий сьогодні для розуміння гайдамацького руху.

Згодом, у другій половині ХІХ ст., погляди А. О. Скальковського на гайдамацький рух дещо змінились. Відбулося це в меншій мірі внаслідок подальшої розробки ним даної проблеми, пошуку і використанню нових джерел, а найбільше під впливом нових історичних досліджень (М. І. Костомаров, В. Б. Антонович тощо). Історик погодився з тим, що гайдамаччина мала соціальні і національно-релігійні причини. У той же час він засуджував прояви жорстокості і свавілля притаманні подібним соціальним рухам.

Фактичний матеріал, зібраний А. О. Скальковським з історії гайдамаччини, опубліковані ним джерела, а також деякі думки зберігають свою наукову вагу й актуальність до сьогодні.

ПРИМІТКИ:

1. Див.: Максимович М. А. Известия о гайдамаках//Москвитянин. — 1845. — Ч. III. — № 5—6. — С. 45—68/також — Собрание сочинений. — К. — 1876. — Т. I. — С. 572—594; О. П. (Рецензія на третє видання «Истории Новой Сечи»)//Одесский вестник. — 1886. — 23 апр.; Маркевич А. И. А. А. Скальковский//Записки Одесского общества истории и древностей. — Одесса, 1900. — Т. XXII. — IV. — Некрологи. — С. 23—42; Біднов В. Аполон Скальковский як історик Степової України//Науковий ювілейний збірник українського університету в Празі, присвячений панові президенту Чесько-Словенської республіки проф., доктору Т. Г. Масарикові для вшанування 75-літньої річниці його народження. — Прага. — 1925. — Ч. I. — С. 291—356; Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. — К. — 1957. — 462 с.; його ж. Запорізька Січ в останні роки свого існування: 1734—1775. — К. — 1961. — 415 с.; його ж. Запорозьке козацтво. — К. — 1994. — 539 с.; Марченко М. І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). — К. — 1959. — 257 с.; Боровой С. Я. А. А. Скальковский и его работы по истории Южной Украины//Записки Одесского археологического общества. — Одесса. — 1960. — Т. 1 (34). — С. 175—186; Сергієнко Г. Я. Історіографія Коліївщини//Коліївщина. 1768. Матеріали Ювілейної наукової сесії, присвяченої 200-річчю повстання. — К. — 1970. — С. 118—133; Хмарський В. М. А. О. Скальковский — археограф. — К. — 1994. — 32 с.

2. Архів Санкт-Петербурзької філії Інституту російської історії Російської академії наук (далі — СІПБ ФІРІ РАН). — Ф. 200. — Оп. 1. — Спр. 29. — Т. XI. — Арк. 17 зв.; 22 зв.; 49; 59—61 зв.; 64 зв.

3. Див.: Шурат В. Коліївщина в польській літературі до 1841 р.//Записки Наукового товариства імені Шевченка. — 1910. — Т. 97. — С. 86—104.

4. Див.: Бібліографія/Гайдамацький рух на Україні у XVIII ст. — К. — 1970. — С. 567—574.

5. Архів СІПБ ФІРІ РАН, ф. 200, оп. 1, спр. 29, т. IV, арк. 83; т. XI, арк. 38. Див. також: Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. — Одесса. — 1841 (далі: История Новой Сечи-1). — С. 290—291.

6. Найточнішу, на наш погляд, хоча і стислу оцінку історіософії А. О. Скальковского дала Н. Д. Полонська-Василенко у таких працях: З історії останніх часів Запоріжжя//Записки історико-філологічного факультету Львівського університету. — Львів. — 1940. — Т. 1 (також в кн.: Запоріжжя XVIII ст. та його спадщина. — Мюнхен. — 1965. — Т. 1. — С. 45—106); Заселення Південної України в середині XVIII ст. (1734—1775 рр.)//Чорноморський збірник. — Варшава. — 1944 (також в кн.: Запоріжжя XVIII ст. та його спадщина. — Мюнхен. — 1967. — Т. II. — С. 1—27); До історії повстання на Запоріжжі 1768 р.//Науковий збірник УВАН. — Нью-Йорк.—1952.—Ч. 1 (також в кн.: Запоріжжя XVIII ст. та його спадщина. — Мюнхен. — 1965. — Т. I. — С. 107—126).

7. История Новой Сечи-1. — С. 281.

8. Архів СІПБ. ФІРІ РАН, ф. 200, оп. 1, спр. 29, т. XII, арк. 72—72 зв.

9. Там само, арк. 74 зв.; 81 зв. — 83; 103 зв.

10. Там само, арк. 89 зв.; 92 зв.—93; 103—103 зв.; 104 зв.; 107 зв.; 112; 113; 114 зв.; 115 зв.—116; 119 зв.; 121; т. XIII, ч. 1, арк. 6; 13; 34 зв.

11. Хмарський В. М. А. О. Скальковський — археограф. — С. 8—9; Див.: А. О. Скальковський (1808—1898). Археографічна діяльність//Авторферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата історич-них наук. — К. — 1994. — С. 12—13.
12. Архів СІБ. ФІРІ РАН, ф. 200, оп. 1, спр. 29, т. XIII, ч. 1, арк. 75.
13. Там само, арк. 107; ч. 2, арк. 13 зв.; т. XIV, арк. 15.
14. Скальковский А. Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII вѣтн. 1733—1768 (далі — «Наезды...»). — Одесса. — 1845. — С. 143.
15. (Бібліографічне повідомлення)//Русский инвалид. — 1845. — 10 лютого.
16. Максимович М. О. Киев явился градом великим... Вибрані українські твори. — К. — 1994. — С. 434.
17. Максимович М. А. Собрание сочинений. — К. — 1876. — Т. 1. — С. 572; 573.
18. Біднов В. Вказана праця. — С. 338.
19. Максимович М. А. Собрание сочинений. — К. — 1876. — Т. 1. — С. 591—592.
20. Див.: Tygodnik Petersburski. — 1845. — 15/27 червня; Щурат В. Польські голоси про Шевченка (1842—1844 рр.)//Щурат В. Вибрані праці. — К. — 1963. — С. 226—227.
21. Шевченко Т. Г. Холодний яр.//Повне зібрання творів. — К. — 1960. — Т. I. — С. 257.
22. Архів СІБ. ФІРІ РАН, ф. 200, оп. 1, спр. 29, т. XIV, арк. 66.
23. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Закарпатского. — Одесса. — 1846. — Изд. 2-е (далі — История Новой Сечи). — С. 336.
24. Там само. — С. 362.
25. Див.: Хмарський В. М. А. О. Скальковський і журнал «Киевская старина»//Історико-літературний журнал (Одеса). — 1995. — № 1.
26. Див.: Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. — СПб. — 1856—1857. — Т. I—II; Мордовцев Д. Гайдамачина или Колывищина. Разбойничьи общины (1730—1768). — СПб. — 1870.
27. Див.: Антонович В. Б. Исследования о гайдамачестве по актам 1760—1768 гг. — К. — 1875. — 128 с.; Уманская резня. Записки В. Кребс. Перевод с предисловием И. М. Ревы. — К., 1879; Костомаров Н. И. Материалы к истории Колывищины или резни 1768 г.//Киевская старина. — 1882. — № 8. — С. 297—321; Ефименко А. Я. Из истории борьбы малорусского народа с поляками//Ефименко А. Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. — СПб. — 1905. — Т. II. — С. 12—125.
28. Скальковский А. Несколько документов к истории гайдамачины//Киевская старина. — 1885. — № 10 (далі — Несколько документов...). — С. 277.
29. Там само. — С. 278.
30. Там само.
31. Див.: Боровой С. Я. Вказана праця. — С. 183—184.
32. Див.: Зінчук С. Доля Івана Гонти//Літературна Україна. — 1991. — 1 червня; Хмарський В. «Непомічене» прозріння історика, або Правда про нашого земляка А. О. Скальковського//Чорноморські новини. — 1992. — 1 вересня*; Зленко Г. Покаяние Скальковского//Вечерняя Одесса. — 1992. — 7 марта.
33. Див.: Голобуцький В. Запорозьке козацтво. — К. — 1994. — С. 51.
34. Інститут рукопису Центральної наукової бібліотеки ім. В. І. Вернадського Національної академії наук. — Ф. III, спр. 6961, арк. 2.

35. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша рожского. — Одесса. — 1885 (далі — История Новой Сечи-III). — Ч. С. X—XI.
36. Одесский вестник. — 1885. — 23 июня.
37. Наезды... — С. 9, 11, 13.
38. История Новой Сечи-II. — С. 122.
39. История Новой Сечи-III. — С. 306.
40. Наезды... — С. 14—15.
41. История Новой Сечи-II. — С. 336.
42. Наезды... — С. 37; Несколько документов... — С. 279; История Новой Сечи-III. — С. 307.
43. Наезды... — С. 14—15.
44. История Новой Сечи-III. — С. 307, 308—310.
45. История Новой Сечи-Г. — С. 281.
- 45* Статтю було написано на основі виступу автора на 47-й науковій конференції професорсько-викладацького складу і наукових співробітників Одеського держуніверситету 7 квітня 1992 р. на тему: «А. О. Скальковський: еволюція поглядів на гайдамацький рух на Україні».
46. Наезды... — С. 14—15, 31, 33, 35—36.
47. Несколько документов... — С. 278—279.
48. История Новой Сечи-III. — С. 334—335.
49. Див.: Наезды... — С. 56—58, 171—174.
50. Ефименко А. Вказана праця. — С. 13.
51. Наезды... — С. 121.
52. Там само. — С. 122; История Новой Сечи-II. — С. 360.
53. Максимович М. А. Вказана праця. — С. 580.
54. История Новой Сечи-I. — С. 290—291; Наезды... — С. 141; История Новой Сечи-III. — С. 327.
55. Наезды... — С. 123; История Новой Сечи-III. — С. X—XI.
56. Див.: Лебединцев Ф. Архимандрит Мельхиседек Значко-Яворский К. — 1861.
57. Маркевич А. Вказана праця. — С. 34; Боровой С. Я. Вказана праця. — С. 183.
58. История Новой Сечи-II. — С. 361; История Новой Сечи-III. — С. 323.
59. Несколько документов... — С. 312, 314—315.
60. История Новой Сечи-I. — С. 281.
61. Наезды... — С. 127.
62. Там само. — С. 128.
63. История Новой Сечи-II. — С. 333, 335, 353—354.
64. Наезды... — С. 143.
65. История Новой Сечи-II. — С. 122.
66. Максимович М. А. Вказана праця. — С. 584.
67. Наезды... — С. 127; История Новой Сечи-II. — С. 362; История Новой Сечи-III. — С. 354; Максимович М. А. Вказана праця. — С. 587.
68. История Новой Сечи-I. — С. 287, 291; Наезды... — С. 129—130; История Новой Сечи-II. — С. 353—354.
69. Несколько документов... — С. 279.
70. Там само. — С. 280.
71. Наезды... — С. 141; Несколько документов... — С. 307.
72. История Новой Сечи-III. — С. 305.
73. Там само. — С. 323.

А. Л. БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД: ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Знает ли побережье Черного моря, что трудом Александра Львовича создано его экономическое благополучие, что крупным и талантливым инженером, выстроены порты Севастополя, Одессы, Феодосии, Ялты и Ростова?» — так писал в некрологе о Бертъе-Делагарде профессор Новороссийского университета Иван Андреевич Линниченко (1).

А. Л. Бертъе-Делагард происходил из семьи французских эмигрантов. Его дед — Александр Иван Генрих Бертъе де ла Гард летом 1795 г. оказался в России, а в 1796 г. поступил на русскую службу, секунд-майором в артиллерию. В 1834 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. С 1809 г. Бертъе де ла Гард служил в Севастополе, здесь же жила его семья. Три сына: Александр, Лев или Людвиг и Константин были офицерами. 26 октября 1842 г. у Людвига родился сын Александр. Первоначальное образование он получил дома, затем по примеру деда и отца посвятил себя военной карьере. В 1853 г. был определен в сухопутный кадетский корпус в Брест-Литовске, потом перевелся в Константиновское военное училище в Петербурге (2). В 1860 г. окончил училище в числе отличников и был выпущен в Волынский полк (3). Затем два года службы в Одессе и инженерная академия. С июня 1864 г. служба военного инженера на юге России. В 1874 г. переведен на службу в Севастополь. После войны с Турцией Александр Львович по своим проектам строил первый водопровод, планировал город; по его же проектам устраивались военный и большой городской бульвары, так же он принимал участие в строении судостроительного адмиралтейства. После выхода в отставку заведовал строительством большей части Одесского порта, Ялтинского, Феодосийского и Ростовского-на-Дону портов (4).

За свои заслуги А. Л. Бертье-Делагард был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени (1867 г.), орденом Св. Анны 3-й степени (1870 г.), орденом Св. Станислава 2-й степени (1874 г.), орденом Св. Анны 2-й степени (1877 г.), орденом Св. равноапостольного Князя Владимира 4-й степени (1886 г.), таким же орденом 3-й степени (1886 г.), орденом Св. Станислава 1-й степени (1902 г.), медалью общества Красного Креста в память участия в деятельности Общества во время русско-японской войны (1908 г.) (5).

Проживая на юге России, Бертье-Делагард интересовался историей этого края. Тавриду он называл своей «малой Родиной». Его увлечение историей и археологией началось с знакомства с Николаем Никифоровичем Мурзакевичем, вице-президентом Одесского общества истории и древностей. В 1880 г. Бертье-Делагард сам стал членом этого общества, впоследствии и его вице-президентом.

Большую часть средств, полученных на государственной службе Александр Львович тратил на собирание предметов древности. По поручению общества Александр Львович покупал античные монеты и керамику, ювелирные украшения. Многие редкие экземпляры, купленные им на свои личные средства, были подарены музею Одесского общества. Среди подаренных им монет особо выделяются: два статера Александра Македонского, один из них — редкого типа с царским титулом; уникальная для своего времени драхма Тир; золотые монеты Римской империи и Византии. Большой вклад внес Бертье-Делагард в пополнение русской коллекции монет (6). Его личная коллекция, размещенная во флигеле во дворе Ялтинского дома, состояла из трех крупных разделов: нумизматического, предметов крымско-татарской старины и ювелирных украшений и предметов торевтики сарматов до византийцев (7). К сожалению, большая часть личных коллекций была продана в конце 1919 г. Что же побудило Александра Львовича продать свои коллекции, которые ранее он собирался завещать Историческому музею в Москве и Одесскому обществу истории и древностей. Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить, что творилось в Крыму в то время и что происходило с самим Бертье-Делагардом. В том нам помогут письма Александра Львовича, адресованные его друзьям — Алексею Васильевичу Орешникову в Москву, Ивану Андреевичу Линниченко в Одессу, Никодиму Павловичу Кондакову в Петроград.

В начале первой мировой войны Александр Львович был в Германии на лечении, откуда с большим трудом выбрался, о чем сообщил Кондакову: «Был за границей, лечился очень хорошо; выбираясь оттуда, попал в жестокую переделку; получил сердечные припадки, все учащающиеся и по истине трудно выносимые»* (16 октября 1914 г.) (8).

Александр Львович тяжело переживал поражения русской армии. Его беспокоила судьба России, которую, с его точки зрения, втравили в войну Англия и Франция (И. А. Линниченко — 23 февраля 1919 г.) (9). Еще в сентябре 1916 г. Бертье-Делагард писал: «Тяжко жить, почти непереносимо. Дела все более и более ухудшаются. Был маленький просвет в румынском нейтралитете, но теперь и этот вексель мы подписали, раздвинув свой фронт на несколько сот верст, став в тягчайшие условия. Да поможет сам Господь, а людям тут делать нечего» (И. А. Линниченко — 4 сентября 1916 г.) (10). В декабрьском письме — продолжение этой же темы: «Неужели мы не достигли еще дна той бездны, в которую вогнал нас Рок. Разум подсказывает еще горшее, но крохи остающейся надежды подговаривают, что волна подымается, только как знать когда это случится; остановимся на времени Петра I или до Ивана IV доберемся» (И. А. Линниченко — 12 декабря 1916 г.) (11).

Мрачные предположения Бертье-Делагарда во многом оправдались. Александр Львович болезненно реагировал на события Февральской революции и последующего времени: «Кучки буйных сумасбродов оказалось достаточным, чтобы разрушить то жалкое ничтожество, которое мы звали пыльным именем своей родины» (12). В письмах Бертье-Делагарда это не единственный резкий эпитет, но было бы несправедливо видеть за этим равнодушие или просто гнев. Александр Львович был искренним патриотом, и боль России была его глубоко личной болью.

Судя по письмам Бертье-Делагарда (а для нас это единственный источник для характеристики его политических взглядов), он был умеренным монархистом. В некоторых своих письмах Александр Львович довольно резко отзывается и о русском царе, но это связано с тем, что, по его мнению, именно бездарная политика Николая II ведет Российскую империю к гибели. «Москва веками собирала Русь: в припадке безумия швырнула ее на шарап и в клочья рвет ее

* Орфография дана в соответствии с источником.

всякий предатель, вся стая сволочи, отмщая истинные и еще более мнимые обиды. Москва молчит, даже помогает и рукоплещет. Забыт весь юг, выброшен и самый Крым, а мы, здесь бывшие русские, покинутые всеми, опозоренные, не смеющие признать родиной Русь, проданы Немцу, Татарам и Мазеповщине. Но я не могу забыть звона тех колоколов, под которыми прошла моя юность и когда погибло все, чем жив был человек, во мне начинает возникать надежда, что когда-нибудь опомнится Москва; — не скоро, конечно, — пройдут поколения, а позор предательства, трусости и подлости во веки веков не снимется, но шевелиться начнут и силой инстинкта, а вовсе не честолюбием завоевательной политики, как думают современные сумасброды; вновь потянет Москву к свету, солнцу, югу» (13) (А. В. Орешникову — 11 августа 1917 г.).

После Февральской революции 1917 г. различные слои русского общества пришли в движение. Особое внимание Бертье-Делагард уделял позиции интеллигенции, считая, что именно эта часть общества является носителем и выразителем таких понятий как Родина, Честь, Законность. «У Вас теперь собираются спасать неизвестно что; будут писать 1001 воззвание и бесчетно говорить речи. Как и вообще безумцы, наши разрушители умеют делать это единственное им знакомое дело в настоящем месте. Первым делом жалкое войско, всюду битое, но все же сковывавшее державу, обратили в шайку беглых и трусливых разбойников; несчастному народу обязательно преподали гражданский грабеж, обставили все нелепыми, но звучными словами, в действительности же все обратили в исконный русский идеал — Пугачевщину. В былое время четверть державы Пугачевцев была подавлена остальными тремя четвертями; ныне грабеж и разбой — всеобщий идеал. В Пугачевщине может быть только самоистребление, но не спасение. Державу погубила интеллигенция, она и сгниет в первую голову, затем перервет себе глотки и половина остальных, а там где были надежды и мечты Руси заведет порядок немец. Спасти можно было бы многое, там где уцелели основные киты цивилизации, о которых у нас не только нет понятия, но даже и слов: *Patria*, *Нопог*, *Justitia*. Когда отчаянные усилия нескольких поколений создадут слова в богатом, яко бы, русском языке, соответствующие этим понятиям, настанет и заря спасения несчастного, жалкого народа; для державы же его не может быть никог-

да, ибо бывшее и Господь уничтожить не может» (А. В. Орешникову — 11 августа 1917 г.) (14).

Столь резкие эпитеты в письмах Бертъе-Делагарда не от желания оскорбить и унижить, а от чувства горечи и боли за свою родину: «Искренне жалею убежденных и погибающих борцов; в далеком будущем это, быть может, будут светила возрождения, а пока это объекты приложения к ним поллой гнусности, окрашенной в цвета всех свобод» (И. А. Линниченко — 5 сентября 1917 г.) (15).

В сентябре 1917 г. Бертъе-Делагардам (с Александром Львовичем жила его сестра Софья Львовна) пришлось переехать во флигель, где ранее размещались коллекции. Бертъе-Делагард боялся, что «разграбят и мою татарщину, которую очень хотел бы довести до Москвы» (И. А. Линниченко — 10 октября 1917 г.) (16).

По воспоминаниям Арсения Ивановича Маркевича (председатель Таврической Ученой Архивной комиссии), близкого друга Александра Львовича, коллекция татарской старины должна была быть завещанной Историческому Музею.

Октябрьская революция в России была еще одним тяжелым ударом для большого сердца. «Сегодня столь ужасные телеграммы из Москвы особенно, что перед ними блекнет всякая Пугачевщина; там была надежда на возможность спасения, теперь никакой» (И. А. Линниченко — 7 ноября 1917 г.) (17).

И еще одно письмо, написанное в декабре 1917 г., насмешливо датированное самим Бертъе-Делагардом «22-го Фримера, 1 года республики, Родной и многоделимой»: «Кто не ждал этого крушения? Сознаюсь, что по старой романтической привычке, в воображении рисовалось многое, но все же грозное, а получилось жалкое ничтожество, столь опереточно-комичное, что более оскорбительного не придумать и в Дантовом аду» (И. А. Линниченко — декабрь 1917 г.) (18).

Тяжелым было положение самого Бертъе-Делагарда и его семьи, т. к. Советская власть лишила его пенсии. В его автобиографии есть такие строки: «Имущество Александра Львовича домовое и земельное, без исключения отнято, собрания подлежат расхищению, он сам остается, буквально, без куска хлеба. Нечто роковое. За гостеприимство деду и его спасение пришлось платить всей трудовой жизнью, всем состоянием, платить и гибнуть внуку. У деда при крушении оставалась надежда молодости — новая жизнь, у внука лишь моление старости — о скором конце: Да ниспошлет его

Господь!» (19) (Автобиографическая справка написана рукой Софьи Львовны Белявской — сестры Александра Львовича, сам же он сделал некоторые исправления).

В феврале 1918 г. Таврическая Ученая Архивная комиссия обратилась в Российскую Академию Наук (IV-заседание РАН, 13 марта) 28 февраля (1918 г.): «ТУАК считает своим долгом обратить внимание АН на бедственное положение почетного члена Александра Львовича Бертье-Делагарда, лишившегося всего своего достояния, и опасность, угрожающую его собраниям величайшей ценности... Часть собраний Александра Львовича, именно его нумизматическая и археологическая (золото) коллекции находятся на хранении в настоящее время в 1-м Симферопольском Обществе Взаимного Кредита. Реквизиция ценностей, хранящихся в банках, уже здесь началась. Необходимо спешить... Старания АН о сохранении за ним пожизненно его дачи и спасении его собраний будут поистине большим подвигом и продлят дни Александра Львовича, сделавшего так много для России и русской науки» (20). РАН возбудила ходатайства перед Народным Комиссаром по Просвещению и Комиссариатом Финансов.

В апреле 1918 г. германские войска, нарушив Брестский мир, заняли Крым. В ноябре 1918 г. — полуостров оккупировали войска Антанты. На Украине весной 1918 г. к власти пришла Центральная Рада.

Бертье-Делагард тяжело переживал испытания, выпавшие на долю Его Отечества. Причины гибели России он видел прежде всего в союзе с Англией и Францией, которым он не мог простить Крымской войны: «Мое детство и юность воспитаны на близком знакомстве с поражением России и гибелью родного города в Крымскую кампанию, чего я не могу простить, ни забыть никогда» (Н. П. Кондакову — 29 января 1904 г.) (21).

Бертье-Делагард воспринимал исторические события, происходящие в России как политическую драму. В его письмах дана достаточно резкая характеристика как различных слоев общества, так и различных политических партий и течений: «...я ясно осознал, что каждый день будет вколачивать гвозди в гроб России. В ней культурные люди, так называемая интеллигенция, главные виновники ее развала, сумели дойти только до вопля: Революция- Углубить ее!!! ...Получилась не революция, а только выявилась всеобщая Пугачевщина, простой разбой и грабеж... Торчащие впереди толпы выкрикива-

ют чужие, по громкие фразы и даже красивые и разнообразные; сама же толпа, получившая свободу грабежа, разбоя и безделья, ни о чем ином знать не хочет и не может. Вот упрощенные основы русской истории и последней ее трагедии — «Гибель России» (22). Возможно, что все происходящее в России чем-то напоминало Бертье-Делагарду события периода Французской революции, от которой вынужден был бежать его дед. Драма, разыгравшаяся в России, состояла из нескольких действий, первое из которых «уничтожение буржуа», вначале было поставлено грязно и кроваво, но малоуспешно; теперь оно идет правильно и неуклонно: у буржуа, с помощью умышленно безграничного печатания бумажек и беспредельного, также умышленного взвинчивания базарных цен, выпускают всю кровь, с чем конец бывшего буржуа близок и неизбежен. Необъятность числа грабителей и совершенное ничтожество имущих в нищей стране неизбежно должны были повести к усовершенствованию грабежа и стало быть к образованию бесчисленных разбойничьих шаек: отсюда и второе действие: «Разбой и грабеж». Ленин с Троцким, Болдырев с Колчаком, Петлюра и Махно, Деникин и Краснов, Англичане и Французы и проч., проч. В этом хаосе быстроменяющихся шаек и имен существо одно и то же, таков же и их конец... В конце этого действия с помощью союзников наступит третье: «Власть большевиков». Вот тогда то и появятся спасители немцы с кнутьями. В Ялте... налаживание разбойничьих шаек из сплошного большевистского населения, также идет успешно; (Татарствующие кадеты усердно стараются по-прежнему, видимо ничему не научившись, и болтая во всю и везде... Давно готовился ко всему подобному, но все же обуян ужасом безграничным, ибо — нет России!!!) — (И. А. Линниченко — 23 февраля 1919 г.) (23). Самым страшным для Александра Львовича была даже не постоянная смена политических режимов, а развал России, гибель Российской империи.

Александр Львович понимал, что жить ему оставалось недолго. В сложившейся ситуации он не видел другого выхода, кроме продажи своих коллекций. Если бы их не экспроприировала Советская власть, с политикой которой он успел познакомиться, то вполне могли отобрать и разграбить деникинцы (в конце 1919 г. часть их под командованием генерала Слащова закрепилась в Крыму, а вообще войска Деникина захватили Крым еще в июне 1919 г.).

Все это вынудило Бертье-Делагарда согласиться на продажу коллекций, но подробности нам не известны. Часть его коллекций после продажи оказалась за границей в Женеве и в Британском музее (24).

Единственное, что осталось у членов семьи Александра Львовича после его смерти (13 февраля 1920 г.) это его награды, но и они были конфискованы Советской властью в 20-е годы.

Искренний патриот России, Александр Львович не мог пережить крушения своих идеалов и гибели русской культуры «которую не могло перенести его старое, больное, но до конца бившееся глубокой и горячей любовью ко всему своему родному — русское сердце» (25). В своих суждениях, особенно политических, Бертье-Делагард был довольно резок, но необходимо учитывать два фактора. Во-первых, Александр Львович не был ни политическим деятелем, ни публицистом; во-вторых, это частная переписка отнюдь не предназначенная для публикации. Его политические симпатии и антипатии отражали взгляды той среды, где он родился и воспитывался. Верность девизу дворянского рода Бертье-Делагардов «*Dieu et mon devoir*» — «Бог и мой долг» — Александр Львович доказал всей своей жизнью.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Линниченко И. А. Некролог А. Л. Бертье-Делагарда. Центральный Государственный архив Крыма. — Ф. 538. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 26.
2. Симферопольский краеведческий музей. — Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 64. — Л. 1—3.
3. Архив ВИМАИВ и ВС. — Ф. 52. — Оп. 110/30. — Д. 469. — Л. 31об.
4. Симферопольский краеведческий музей. — Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 64. — Д. 21. — Л. 4.
5. Симферопольский краеведческий музей. — Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 65. — Д. 21. — Л. 3—26.
6. Столярик Е. С. Александр Львович Бертье-Делагард (150 лет Одесскому Обществу Истории и Древностей)//Тезисы докладов юбилейной конференции. — Одесса. — 1989. — С. 21—24.
7. Маркевич А. И. К судьбам коллекций древности и старины А. Л. Бертье-Делагарда//Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. — 1928. — № 59. — С. 144.
8. ПФА РАН. — Ф. 115. — Оп. 4. — Д. 45. — Л. 113.
9. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 11об.
10. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 49об.
11. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 47об.
12. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Д. № 9.
13. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Д. № 9.
14. ОПИ ГИМ. — Ф. 136. — Д. № 9.
15. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 67.

16. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 86.
17. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 58.
18. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — Л. 79.
19. Симферопольский краеведческий музей. Фонд Бертье-Делагарда. — Оп. 5. — № 64. — Л. 5.
20. Протоколы заседаний общего собрания Российской Академии Наук. 1918 г. (на правах рукописи). ПФА РАН. — Ф. 1. — Оп. 1-а. — 1918. — № 165. — ЛЛ. 376—377.
21. ПФА РАН. — Ф. 115. — Оп. 4. — Д. 45. — Л. 20.
22. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — ЛЛ. 100об--104об.
23. ГАОО. — Ф. 153. — Оп. 1. — Д. 461. — ЛЛ. 100об--104об.
24. Маркевич А. И. К судьбам коллекций древности и старины А. Я. Бертье-Делагарда//Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. — 1928. — № 59. — ЛЛ. 142—146.
25. Линниченко И. А. Патриарх Крымоведения//Центральный Государственный архив Крыма. — Ф. 538. — Оп. 1. — Д. 55. — Л. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

Архив ВИМАИВ и ВС — Архив Военно-Исторического Музея Артиллерии, Инженерных Войск и Вооруженных Сил.

ГАОО — Государственный Архив Одесской области.

ОПИ ГИМ — Отдел Письменных Источников Государственного Исторического Музея.

ПФА РАН — Петербургский Филиал Архива Российской Академии Наук.

ЕВГЕНИЙ ЩЕПКИН О ЛЕОПОЛЬДЕ РАНКЕ:
опыт биоисториографического исследования

Создание «истории в лицах» (изучение персоналий) имеет давнюю традицию в культуре разных народов и является неотъемлемым компонентом историографического анализа в современной исторической науке. Историческая персоналистика позволяет глубже проникнуть в суть исторических концепций ученых прошлого; помогает оценить их место и роль в истории науки; выявляет степень их воздействия на становление, формирование и эволюцию тех направлений, к которым они принадлежат; воссоздает целостную картину общего процесса развития исторической науки (1).

На протяжении развития исторической науки изменялась форма «историописания». В начале XIX века Т. Н. Грановский отмечал: «Биографическая форма дает возможность объяснить книгу жизнью и жизнь — книгою» (2). В этот период в персоналогических исследованиях выработались новые исходные методологические позиции в формулировании концепции образов. «Новый» персоналогический подход характеризовался акцентом на индивидуальную психологию, творческий темперамент, трудоспособность, круг интересов, степень восприимчивости к окружающему, умение «вживаться» в прошлое и т. д. В XIX веке «портретный жанр» был наиболее популярен в историографических исследованиях (3). Для воссоздания облика ученого, его мировоззрения, использовались источники личного происхождения: автобиографии, личные дневники, образцы эпистолярной прозы, мемуары и др. Одним из первых ученых-историков, попытавшихся сформировать образ на основании личной переписки, был профессор Московского университета Т. Н. Грановский, посвятивший свой биографический очерк известному немецкому

ученому Б. Нибуру (4). Этому, ставшему традиционным, жанру отдал свой долг и Е. Н. Щепкин.

«Щепкин Е. Н. не принадлежал к числу особо плодотворных писателей, но вышедшее из-под его пера полноценно и существенно важно» (5), — отмечал проф. А. В. Флоровский. В разные годы научные исследования Е. Н. Щепкина высоко оценили известные ученые П. М. Бинялли, П. Г. Виноградов, К. П. Добролюбский, Ф. Ф. Зигель, Н. И. Кареев, М. Г. Попруженко, Е. П. Трифилев и многие другие.

Евгений Николаевич Щепкин (1860—1920), после окончания историко-филологического факультета Московского университета в 1883 г. и успешной сдачи магистерских экзаменов в 1891 г., был «принят» в июне 1892 г. на должность приват-доцента на кафедру всеобщей истории Московского университета. За это время молодой ученый сумел определиться не только в выборе предмета своих исследований, но и тех научных принципов и методов, на которых построил, в дальнейшем, всю «систему истолкования исторической жизни».

Формированию научных подходов или «постулатов», как их называл Е. Н. Щепкин, способствовали многие моменты в жизни ученого: традиции семьи, связанной «неразрывными нитями общих духовных идеалов со всеми выдающимися талантами XIX века» (6); влияние «уважаемых учителей-профессоров» В. И. Герье и П. Г. Виноградова, создавших научную школу в области изучения новой истории в Московском университете (7); самостоятельное знакомство с трудами западноевропейских исследователей. В своих лекциях и печатных работах Е. Н. Щепкин «примкнул» к «историографическим школам» (8), которые представляли в Германии — Леопольд Ранке, во Франции — Альбер Сорель и другие историки французской революции. Переняв «внешние» приемы исследования в разработке источников по «истории международных взаимодействий», молодой ученый взял за основание ту «цельную систему истолкования исторической жизни», которая была представлена «школой психологов и притом психологов с оттенком волюнтаризма»: Георгом Зиммелем, Христофом Зигвартом, Вильгельмом Вундтом (9). Е. Н. Щепкин считал, что историческая наука исследует «идеи, т. е. воли и действия исторических людей и человечества», а изучение «воли, как она проявляется в деятельности исторического лица, ведет к изучению характера и мотивов, тех внутренних и внешних побуждений, для которых этот характер восприимчив в силу его индивидуальных особенностей (10).

Первым опытом научного исследования для ученого-историка стала работа в 1893 году над статьей биографического характера, которая была опубликована в трех номерах ежемесячного литературно-политического журнала «Русская мысль» (11). В этом и других либеральных изданиях, таких, как «Вестник Европы», «Русское богатство», публиковали исследования по проблемам отечественной и всеобщей истории, исторические обзоры, рецензии на книги русских и зарубежных историков и другие материалы (12).

Пятьдесят три страницы печатного текста были посвящены жизни и творчеству крупнейшего немецкого консервативного историка Леопольда Ранке (1795—1886) (13). «Родоначальником критической историографии, — писал Е. Н. Щепкин, — признается нами Л. Ранке, в особенности в вопросах междугосударственных отношений и архивных изысканий. Перед началом моих занятий по архивам я отдал должное этому нашему общему учителю в статьях, посвященных его научной биографии» (14).

В качестве основного материала для вышедшей на страницах «Русской мысли» статьи «Автобиография Леопольда Ранке», Е. Н. Щепкин взял автобиографию, продиктованную самим немецким историком уже в зрелом возрасте (в 1863, 1875, 1885 г.г.) своему сыну Отто, которая «шаг за шагом описывает рост умственных сил и научных знаний Л. Ранке» (15). Источниками послужили письма ученого к родным (братьям, жене, внучке), воспоминания его учеников, а также лекции, прочитанные королем Максимилиану II (16).

Л. Ранке и его школа — крупное, «подавляющее» явление в культурной истории XIX века, тесно связанное с объединением Германии, писал Е. Н. Щепкин. Его личная, единичная жизнь тянется почти через все столетие и переплетается с грандиозными событиями новейшей истории. «В течение долгого пути от Наполеона до Бисмарка немецкий историк никогда не чуждался ни людей, ни жизни. Он бывал близок и с австрийскими государственными людьми эпохи Меттерниха, и с консервативными королями Пруссии и Баварии, и с теми новыми историками, которые, как Тьерри, содействовали торжеству либеральных идей во Франции. Живое знание настоящего Л. Ранке считал даже неизбежным для понимания прошедшего» (17).

В какой среде зародилась эта «колоссальная научная сила», как разрослась она в целую школу, в какие связи вступила с другими «историческими силами» — политическими и

научными, Е. Н. Щепкин ответил, опираясь на структуру своего исследования. Написанная им работа состоит из введения и шести основных частей: детство и отрочество; университетские годы; педагогическая деятельность; братья — кафедра — годы странствий; политика и история — столицы, историки и государи Европы; ученики и государи — семейное счастье — старость — венец дела. Важные события в жизни немецкого ученого Е. Н. Щепкин использовал для характеристики индивидуальной психологии, творческих целей историка, его отношения к окружающей действительности. Он отмечал, что Л. Ранке вел уединенный образ жизни, сосредоточив все помыслы на своих занятиях и предъявляя не только к себе, но и к другим «строгие требования историка». «Истолковывая жизнь исторически», он пытался выяснить происхождение борющихся начал, указать смысл каждой политической стихии, каждому лагерю наметить место по силам — и тем самым распутать узлы жизни, разрешить ее противоречия. «Истолкование» своего времени превратилось для него в изучение всемирно-исторического процесса.

Свое детство Л. Ранке провел в строго религиозной и консервативной обстановке. На него, с самой ранней юности, сосредоточились все надежды и вся гордость семьи, в особенности отца. По воспоминаниям брата Генриха, «историк принадлежал к числу тех редких мальчиков, у которых рано появляется точное различие справедливого и доброго и непоколебимое решение — не уклоняться с их пути» (18). Идеальное классическое образование он получил в монастырской школе (в Пфорте), окруженной со всех сторон высокой стеной. «При таких условиях древние классики и Библия становились не столько временным орудием для пробуждения умственных операций, сколько основным фоном сознания на всю будущую жизнь, — делает вывод Е. Н. Щепкин. — Для Ранке все великое было в прошлом. Вынеся из школы религиозный строй души и высокую мерку для стиля, мысли и чувства, Ранке и за ее стенами был глух к пошлости и равнодушен ко всему посредственному» (19). Он заставлял ум переживать те же ступени развития, по которым шло и все человечество. И этот прием не притупил его чувствительности к новым идеям, не помешал ему впоследствии понять И. Канта, И. Фихте, французскую революцию; он только приобрел как бы внемировую точку зрения на явления своего времени и избавился от узости человека, живущего минутой, для которого настоящее всегда выше всего, потому

что «он не знает будущего и позабыл прошлое». Но интерес к прошлому «проснулся» отнюдь не под влиянием лекций школьных и университетских преподавателей. «Римская история» Бартольда Нибура — это было первое немецкое сочинение по истории, оставившее в его душе отпечаток.

После окончания Лейпцигского университета Л. Ранке переселился во Франкфурт-на-Одере, где более семи лет занимал должность учителя истории и древних языков в гимназии.

«Переселение во Франкфурт в 1818 году образует в жизни Ранке грань, важную и для самого историка и для его биографа, — пишет Е. Н. Щепкин. — С этих пор Ранке сосредотачивает свои занятия на всеобщей истории, и с этого же времени начинается коллекция его писем из 329 нумеров». Как именно сам Л. Ранке уже в зрелые годы понимал общий ход своего развития, это ясно из его воспоминаний, продиктованных сыну. Но письма, рассеянные на протяжении 66 лет, написанные всегда под впечатлением минуты, «сохранили все переливы личных чувств и кроме мелочей дня дают самосознание историка для каждой ступени его жизни» (20).

Предчувствие какой-то громадной задачи, тяготеющей над всей жизнью — вот настроение, господствующее в письмах Л. Ранке. При некоторой склонности к мистицизму это осознание цели в жизни приняло для него значение какого-то личного избрания в ветхозаветном смысле слова. «Верно только, что я родился для науки и в мире больше ни на что не гожусь, не так уж безусловно верно, что я родился для изучения истории, но я избрал ее, живу в ней и моя душа находит в этом блаженство, она удовлетворена и довольна: итак, я буду держаться за историю» (21).

В своей работе Л. Ранке все чаще обращается к проблеме исторического источника. Использование архивного материала привело его к необходимости «перекрестного допроса источников». «Его метод не был, конечно, каким-нибудь откровением, — считает Е. Н. Щепкин, — все выдающиеся историки в лучших частях своих трудов всегда доходили до него путем здравого смысла, но Ранке отвлек его от бессознательного физического применения и обобщил в логическую формулу, которую можно было отныне школьным путем передавать целому поколению второстепенных историков» (22). Этот метод был изложен ученым в историческом сочинении «История романских и германских народностей 1494—1514», во второй его части — «К критике новых источников» (*Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber*). Сформулированный науч-

критический метод — это, не что иное, как последний шаг высшей критики источников, по которому определяются объективность показаний, полнота и точность сведений, иначе — «правильность фактов», — уточняет Л. С. Клейн²³.

В 1825 году Л. Ранке был приглашен в Берлинский университет, где основал исторический семинарий, ставший «зародышем всей немецкой исторической школы» (24). В нем работали «будущие светила» немецкой исторической науки — Г. Вайц, В. Ваттейбах, Ф. В. Гизебрехт, Х. Дельбрюк, Г. Зибель и др.

Общение с королем Максимилианом Баварским помогло Л. Ранке создать в Мюнхене «Историческую комиссию при академии наук». Там, под его руководством трудиться над коллективными изданиями по немецкой истории выходящие историки Германии. «Ранке умел ценить эту высшую жертву со стороны ученых, — жертву своей индивидуальностью» (25). Он отдавал должное и тем крупным научным силам, которые выросли в Германии независимо от его семинария и мюнхенской исторической комиссии. «Для исторической науки, без сомнения, большое приобретение, — говорил берлинский профессор, — если не все приходят к ней одним и тем же путем, потому что содержание истории крайне разнообразно, и потому вполне справедливо, чтобы ей посвящали себя разнообразные таланты, выработавшиеся в различных школах» (26).

Даже наверху своей славы, возведенный в звание «государственного историографа» и дворянское достоинство, окруженный учениками, превратившимися в профессоров, детьми, ставшими родителями, издавая полное собрание сочинений в 34 томах, Леопольд Ранке все еще не считал оконченной свою научную миссию». Напротив, только теперь принялся за труд, который всегда составлял главную цель его жизни, — за «Всемирную историю человечества». Во Всемирной истории нашли применение все знания, накопленные историком за 3/4 века. «Германия взглянула на последний труд Ранке как на нравственный подвиг девяностолетнего старика и приветствовала его с восторгом» (27). Критика не могла не отметить слабость некоторых отделов этого труда, но, конечно, никто не поставил ему в вину «неровности» его Всемирной истории.

Эпохи «Всеобщих историй» уже прошли, — писал Е. П. Щепкин, — всеобщий историк стал мифом или, лучше сказать, «коллективным лицом», сложным организмом, «где

индивидуальный ученый», доводя до совершенства отделку своей специальной области, — только «клеточка», которой едва хватает умственных сил и жизненной энергии, чтобы следить за «общим обновлением всего тела, чтобы не оторваться от него, не потерять с ним связь». Если в конце XIX века кто-нибудь и имел еще нравственное право сделать попытку охватить в связном рассказе судьбы всего человечества, не становясь на точку зрения философа и не преклоняя «научного знамени» к ногам толпы, то этим последним всеобщим историком мог быть только Л. Ранке. Все наследие Л. Ранке открыло перед нами «сразу весь лик человечества», написанный историком, — писал в заключение Е. Н. Щепкин. И оно должно укрепить за ученым имя, которого он только и добивался. — имя историка «не частных, а всеобщего в истории» (28).

«Автобиография Л. Ранке» была первым опытом приближения к историографическим исследованиям, которые составляли органическую часть в научном творчестве Е. Н. Щепкина. В дальнейшем, он не раз возвращался к научному наследию немецкого ученого, излагая частности критического метода в своих специальных историографических и методологических курсах (29).

Опубликованное Е. Н. Щепкиным биоисториографическое исследование является важным историографическим источником, отражающим состояние исторической науки в важнейших ее компонентах и фиксирующим тем самым определенный этап в ее развитии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Киреева Р. А. Проблемы отечественной историографии дореволюционной России в трудах советских историков//Общественно-политические проблемы истории СССР в 80-е годы. Итоги и задачи. Сборник статей. — М. — 1989. — С. 35.
2. Грановский Т. Н. Бартольд Георг Нибур//Сочинения Т. Н. Грановского. — М. — 1866. — Ч. II. — С. 8.
3. См.: Колесник И. И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. — Днепрпетровск. — 1993. — С. 200.
4. См.: Грановский Т. Н. Указ. соч.
5. Флоровский А. В. Памяти Е. Н. Щепкина//Народное просвещение. — 1922. — № 6—10. — С. 68.
6. Щепкин Е. Н. Из последних в первые (Памяти артиста М. С. Щепкина)//Государственный архив Одесской области (далее: ГАОО). — Ф. 151 (личный фонд Е. Н. Щепкина). — Оп. 1. — Д. 44.
7. См.: 30-летие ученой деятельности проф. В. И. Герье//Историческое обозрение. — СПб. — 1892. — Т. 4. — С. 297; Бутенко В. А. Наука по

- ной истории России (Историографический обзор)//Анналы. — 1922. — № 2. — С. 130.
8. Термин «историография» в XIX в. традиционно употреблялся как синоним исторической науки.
9. Речь Щепкина Е. Н. перед защитой магистерской диссертации//Записки Новороссийского университета. — 1903. — Т. 94. — С. 75.
10. См.: Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. — СПб. — 1902. — Предисловие. — С. 1—IX; Щепкин Е. Н. Курс новой истории Западной Европы. — Одесса. — 1903. — С. 1—5; Щепкин Е. Н. Вопросы методологии истории. — Одесса. — 1905. — 43 с.
11. Щепкин Е. Н. Автобиография Л. Ранке//Русская мысль. — 1893. — № 8. — С. 149—169; 1894. — № 1. — С. 63—85; 1894. — № 2. — С. 41—52.
12. См.: Могильницкий Б. Г. История нового времени в России в пореформенный период//Историография истории нового времени стран Европы и Америки. — М. — 1990. — С. 290.
13. См.: Бузескул В. П. Из истории критического метода. Ранке и Штенцель//Известия АН СССР. — 1926. — Т. 20. — № 12. — С. 1121—1138; Форстен Г. Ранке//Энциклопедический словарь. (Под ред. И. А. Андреевского — Издатели: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон) — Сиб. — 1899. — Т. 51. — С. 265—269; Вайнштейн О. Л. Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX—XX вв. — Л. — 1979. — 270 с.; Смоленский Н. И. Леопольд фон Ранке. Методология и методика исторического исследования//Труды Томск. ун-та. — 1966. — Т. 187. — Вып. 4. — С. 270—311; Патрушев А. И. Германская историография: от Просвещения к романтизму. Немецкий идеалистический историзм//Историография истории нового времени стран Европы и Америки. — М. — 1990. — С. 140—142.
14. Речь Щепкина Е. Н... — С. 74.
15. Щепкин Е. Н. Автобиография Л. Ранке//Русская мысль. — 1893. — № 8. — С. 152.
16. Ранке Л. Об эпохах новой истории. Лекции, читанные Баварскому королю Максимилиану II в 1854 г. (предисловие проф. П. Г. Виноградова). — М. — 1898. — 192 с.
17. Щепкин Е. Н. Автобиография... — С. 149.
18. Там же. — С. 153.
19. Там же. — С. 158.
20. Там же. — С. 162.
21. Там же. — С. 168.
22. Там же. — С. 166.
23. Клейн Л. С. Археологические источники. Учебное пособие. — Л. — 1978. — С. 14.
24. Щепкин Е. Н. Указ. соч.//Русская мысль. — 1894. — № 2. — С. 42.
25. Там же. — С. 47.
26. Там же. — С. 48.
27. Там же. — С. 50.
28. Там же. — С. 51.
29. См.: Щепкин Е. Н. Вопросы методологии истории. — Одесса. — 1905. — 43 с.; Курс лекций по методологии. — Б. м., б. г. — 83 с. и др.

1939 ГОД: НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Степень ответственности советского руководства за начало самой кровопролитной войны в истории человечества стала предметом острых дискуссий в научной литературе последних лет. К началу 90-х гг. в историографии — как в российской, украинской, так и в западной — определились две противостоящие друг другу концепции относительно политики СССР в 1939 г. Согласно точке зрения одной группы историков (1) Советский Союз руководствовался почти исключительно интересами собственной безопасности. По мнению же другой группы ученых (2), советское правительство настолько заботилось о безопасности страны, сколько преследовало определенные экспансионистские цели.

Понимание причастности (в той или иной степени) СССР к началу второй мировой войны, те неисчислимы бедствия, которые эта война принесла, заставляют историков изучать возможные пути выхода из предвоенного политического кризиса. Задача данных заметок заключается в том, чтобы попытаться проанализировать предлагаемые варианты развития событий с точки зрения их вероятности и конечного результата.

Все авторы, серьезно рассматривавшие проблему альтернативы, в первую очередь, указывают на вариант достижения соглашения с западными державами на основе компромисса. Если С. В. Волков и Ю. В. Емельянов считают, что это привело бы к войне между СССР и Германией и «разгрому ряда советских армий в сражениях на территории Польши, Белоруссии или Украины...» при слабой и ненадежной помощи Запада (3), то Н. В. Загладин делает вывод о том, что Германия отказалась бы от нападения на Польшу и попыталась бы достичь с ней соглашения на основе привлечения к «оси» Берлин — Рим и обещания территориальных компенсаций за счет СССР. Польша же, как были уве-

рены в Москве, благосклонно встретила бы такую попытку (4). М. И. Семиряга ограничивается констатацией возможности англо-франко-советского соглашения на основе взаимных уступок (5). Впрочем, отсутствие для Германии благожелательной позиции СССР неизбежно означало бы для первой самую убийственную войну на два фронта, на которую немцы вряд ли бы пошли (6). Особняком стоит вариант В. Суворова: независимо от позиции Англии, Франции или Польши и руководствуясь интересами собственной безопасности, СССР объявляет, что будет защищать границы Польши как свои собственные — так было в случае с Монголией, а Красная Армия подождет просьбы о помощи со стороны терпящих поражение поляков (7).

Итак, компромисс достигнут, политический договор и военная конвенция подписаны. В этом случае Гитлер, скорее всего, вообще не начал бы войну с Польшей. Но даже если бы нападение произошло, трудно утверждать, что это привело бы к «разгрому ряда советских армий». Красная Армия в полной боевой готовности (в отличие от 1941 г.) встретила бы врага или на территории Польши, куда ее в конце концов пригласили бы поляки, или вдоль старой госграницы, опираясь на систему УРов. Да и соотношение сил было бы не в пользу агрессора. Как известно, начальник Генштаба командарм 1-го ранга Б. М. Шапошников говорил на военных переговорах в Москве о готовности СССР выставить на европейский фронт 120 стрелковых и 16 кавдивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, до 10 тыс. танков и до 5,5 тыс. боевых самолетов (8). Советский вариант военной конвенции предусматривал четкие обязательства сторон по количеству соединений и боевой техники, выставляемых против общего врага, срокам начала активных боевых действий и даже направлениям главных ударов (9). Это значит, что западные союзники не смогли бы взвалить на СССР основную тяжесть военных действий без явного нарушения принятых на себя обязательств. Шансы Германии оказались бы равными нулю. Отказ же от нападения на Польшу не означал бы отказ от агрессии вообще. «Динамизм» третьего рейха рано или поздно нашел бы себе выход. Поэтому, учитывая традиционный антисоветизм польского руководства, наиболее вероятным выглядит вариант, предложенный Н. В. Загладиным. В самом деле, совместно с Германией, Польша приняла участие в разделе Чехословакии. Благодаря агентурной разведке в Кремле знали о надеждах поляков в будущем не остаться в

стороне и, наравне с Германией, принять участие в разделе Советского Союза (10). О претензиях на Советскую Украину и на выход к Черному морю совершенно открыто говорил министр иностранных дел Польши Ю. Бек во время переговоров с Риббентропом в конце января 1939 г. (11). Польша могла стать младшим партнером Германии в походе на Восток. Что касается предположения В. Суворова, то параллель между Монголией и Польшей неправомерна, т. к. с первой был подписан протокол о взаимной помощи. Более того, в случае бескорыстной защиты польских границ западные страны не несли бы никаких обязательств в отношении СССР.

Еще одна вероятная возможность для страны: не заключать соглашения ни с Германией, ни с Англией и Францией. Это, по мнению С. В. Волкова и Ю. В. Емельянова, дало бы определенную отсрочку вступления Советского Союза в войну, но неизбежная агрессия Германии началась бы с рубежей по советско-польской границе 1939 г., что повлекло бы за собой еще более катастрофический разгром соединений РККА, чем тот, который был в 1941 г. (12). Эта же возможность, по М. И. Семиряге, означала, что СССР сохранял бы подлинный нейтральный статус, выигрывая максимально возможное время для лучшей подготовки к будущей неизбежной войне. Время работало на Советский Союз, а не на Германию (13).

Если бы советское руководство поступило так, как предполагают С. В. Волков, Ю. В. Емельянов и М. И. Семиряга, то Берлин, вероятно, поверил бы в нейтралитет СССР и напал бы на Польшу. Причем за этот нейтралитет немцам не пришлось бы платить, как произошло в действительности. А затем повторилась бы ситуация сентября 1939 г. — июня 1940 г. с той лишь разницей, что сопротивление поляков длилось бы несколько дольше, а Германия испытывала бы лишения от морской блокады. Нельзя, однако, рассчитывать, что блокада в конце концов сломала бы немцев, т. к. они захватили в оккупированных странах огромные запасы стратегического сырья: металлов, горючего, резины и т. д. (14). Следовательно, подготовка к нападению на СССР проходила бы так же, как это и было на самом деле. Поэтому, Советский Союз получил бы времени не больше, чем его оказалось в реальной истории при сохранении западных границ на рубежах 1939 г. Не углубляясь далее в область вероятного, можно сделать вывод, что более верным выглядит ва-

риант развития событий, предложенный С. В. Волковым и Ю. В. Емельяновым.

И, наконец, третья возможность: СССР подписывает договор о ненападении с Германией, но включает в него статью, дающую право аннулировать документ в случае нападения одной из договаривающихся сторон на третью страну. Одновременно, Москва настойчиво пытается добиться соглашения с западными державами (15). Даже само по себе продолжение московских переговоров могло бы оказать сдерживающее воздействие на Берлин (16). С таким тезисом не согласны Ф. Ковалев и О. Ржешевский, считая, что это не остановило бы Гитлера (17). В данном случае Советский Союз пошел бы на договор, аналогичный тем, которые были заключены ранее с другими странами. Казалось бы, немцев не устраивал такой документ, но можно полагать, что они нашли бы способ обойти ключевую статью, формально не нарушив ее. На первый взгляд, действительно, продолжение московских переговоров создало бы для Германии обстановку тревожной неопределенности, чреватой опасными последствиями и Гитлер, возможно, не решился бы воевать. Однако, существуют документальные свидетельства, которые опровергают эту точку зрения. Согласно им, фюрер, напротив, стремился использовать имеющиеся противоречия на московских переговорах и, если советско-германские контакты окончатся ничем, попытаться рискнуть разделаться с Польшей до того, как в Москве смогут о чем-нибудь договориться (18). Как бы там ни было, но ни один из указанных в рамках «третьей возможности» вариантов нельзя признать удовлетворительным в смысле сохранения европейского мира.

На основе анализа альтернативных вариантов развития событий напрашивается вывод, что единственным возможным способом предотвратить войну в той обстановке было достижение компромисса между участниками московских переговоров, на который, однако, не были готовы пойти ни советская, ни английская и польская стороны. СССР, как и другие державы, преследовал собственные цели. Поэтому реальные события, которые привели к войне, были вызваны не трагическим стечением обстоятельств, а стали результатом целенаправленной и расчетливой политики.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ежов В. Антигитлеровская коалиция до войны. Возможности и реальности // Литературная газета. — 1989. — 26 апреля. — С. 14; Ко-

- валь В. С. Радянсько-німецький пакт 1939 р. — К. — 1989. — С. 23; Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. — Париж — Нью-Йорк — Львів. — 1993. — С. 85; Ржешевский О. А. Война//История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. — М. — 1991. — С. 219; Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939. — М. — 1991. — С. 292, 349, 352—353, 357; Якушевский А. С. Советско-германский договор о непадении: взгляд через годы//Страницы истории советского общества. — М. — 1989. — С. 263—264 и др.
2. Дашичев В. И. Из истории сталинистской дипломатии//История и сталинизм. — М. — 1991. — С. 236; Семиряга М. И. Сговор двух диктаторов//История и сталинизм. — М. — 1991. — С. 212; и др.
3. Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. — М. — 1990. — С. 124—125.
4. Загладин Н. В. История успехов и неудач советской дипломатии. — М. — 1990. — С. 110.
5. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. — М. — 1992. — С. 57.
6. Там же. — С. 55.
7. Суворов Виктор. День М. — М. — 1994. — С. 58.
8. Год кризиса. 1938—1939. Документы и материалы. — Т. 2. — М. — 1990. — С. 221.
9. Там же. — С. 168—174, 221—224.
10. Год кризиса. 1938—1939. — Т. 1. — М. — 1990. — С. 105, 162.
11. Там же. — С. 195.
12. Волков С. В., Емельянов Ю. В. Указ. соч. — С. 125.
13. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. — С. 57.
14. Керль Г. Военная экономика и военная промышленность//Итоги второй мировой войны. — М. — 1957. — С. 368.
15. Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. — С. 57.
16. Суворов В. Указ. соч. — С. 58.
17. Ковалев Ф., Ржевский О. Так начиналась война//Правда. — 1988. — 1 сентября.
18. Год кризиса. 1938—1939. — Т. 2. — С. 178.
-

Специальные исторические дисциплины

А. М. ШАБАНОВА

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ПРОМЫСЛОВЫХ ЗАНЯТИЙ И ТОРГОВЛИ КРЕСТЬЯН ЮЖНОГО ОБОНЕЖЬЯ В XVII ВЕКЕ

Исследователи, занимающиеся изучением крестьянского ремесла и мелкотоварного производства на Северо-Западе России, располагают ограниченным кругом источников. Отсутствуют массовые документы о деревенских промыслах и ремеслах, так как такого рода учет в стране не производился. В этой связи представляют ценность писцовые, дозорные, переписные, платежные книги, содержащие некоторые сведения о промысловых занятиях и торговле крестьян. Писцовые материалы содержат поземельные описания и учет тяглого населения, но в них можно встретить данные и о промысловых, ремесленных занятиях населения. фиксируются поселения и рядки, жители которых занимались торгово-промысловой деятельностью, дается перечень рыбных ловель, соляных амбаров и т. д. Однако эти сведения отрывочны и на их основе нельзя представить целостной картины промыслово-ремесленной и торговой деятельности жителей края. Материалы писцовых описаний приобретают полноту при их изучении в комплексе с другими источниками — таможенными, приходо-расходными книгами и актовыми документами из архивных фондов монастырей. Приходо-расходные книги Александро-Свирского и Тихвинского монастырей, прекрасно сохранившиеся за целое столетие, дают широкую картину промысловых и торговых занятий крестьян региона. Таможенные же записи Тихвинской и Троицкой ярмарок (последняя собиралась около Александро-Свирского монастыря) раскрывают не только объем торговых операций крестьян, но и роль торгового капитала в промысловых крестьянских хозяйствах, что значительно дополняет сведения писцовых и переписных книг. Многочисленные акты из фондов Тихвинского и Александро-Свирского монастырей дают возможность конкретизировать сведения хозяйственных книг и проследить наглядно процесс

интенсивной предпринимательской деятельности населения Северо-Западного края России в XVII в.

Писцовые материалы XVII века фиксируют широкое распространение железоделательных промыслов. Крестьянская металлургия Северо-Запада России тщательно изучена К. Н. Сербиной, но проблема далеко не исчерпана (1). Платежные книги 1628/29 г.г. отмечают в Присвирье-Водлозерском и Оштинском станах 38 домниц и 28 кузниц (2). При этом наибольшая концентрация промысла наблюдается в Лоянской волости Важенского погоста. По писцовым книгам 1628/29 г.г. здесь на 75 дворов волости приходилось 6 домниц и 3 кузницы (3). Писцы в ходе описания деревень приводят точные данные о наличии домниц и кузниц в той или иной деревне. Из платежной книги и писцового описания 1628/29 г.г. мы узнаем, что государство взымало с домниц и кузниц регулярные денежные сборы. Уже эти сведения являются основанием для утверждения, что металлургия в Присвирье к началу XVII в. достигла достаточно высокого развития и приносила постоянный доход крестьянским хозяйствам, занимавшимся этим промыслом.

В течение XVII в. в железоделательных промыслах Обонежья сложилась порайонная специализация. На территории Южного Обонежья в Оштинском погосте производили преимущественно крицы и прутковое железо, в Важенском, Остречинском и Мегорском — прутковое железо и уклад. Особенно славилось «важенское» и «лоянское» прутковое железо. Районом широкого производства уклада и пруткового железа в течение XVII ст. был Север Обонежья — Заонежские и Лопские погосты. На торгах это железо именовалось «олонецким» и «лопским». К концу XVII в. в результате отделения добывающих промыслов от обрабатывающих в Тихвинском районе кузницы Тихвинского посада перешли на выработку уклада и изделий из него, а добыча и выплавка руды, приготовление криц стали делом сельских ремесленников. «Тихвинский» уклад вывозился на многие рынки страны, включая Сибирь, что отмечено таможенными книгами Тобольска (4).

В конце XVII в. в нескольких погостах Южного Прионежья-Важенском (д. Усланка, Лаптевщина, деревни Лоянской волости), Мегорском (волостях Ундозерской, Лухтозерской, Куштозерской), Оштинском (Ладвинской волости) начало вырабатываться «шелеховое» железо. Отчетливо прослеживается районирование в обрабатывающих промыслах. Значи-

тельная часть кузнецов Тихвинского посада. Пижинского, Важенского погостов производила сельскохозяйственные орудия. Сохи из Посвирья поступали на рынки Обонежья наряду с «Олонецкими» сохами главным образом из Обжанской волости и сохами из Устюжского края. Тихвинские кузнецы, кроме того, славились изготовлением ножей. «Тихвинские» ножи, подобно «кижским», выделявшимся в Кижском погосте, пользовались большим спросом как в Обонежье, так и за его пределами. Пищали изготовляли в Остречинском, Оштинском, Вытегорском, Мегорском, Олонецком погостах. В Остречинах также ковали ножи и ножицы, а в Куштозерской волости Мегорского погоста, как и в Святозерской волости Олонецкого погоста — топоры. Таким образом, Южное Обонежье являлось важной составной частью железоделательного комплекса Обонежья. Набор изделий крестьянской металлургии будет далеко неполным, если не назвать производившиеся повсеместно в большом количестве разнообразные предметы для повседневных хозяйственных нужд: от сковород, клещей, молотков, лопат, гвоздей, коровьих колокольчиков до рыболовных крючков и иголок. Во второй половине XVII в. можно насчитать десятки специальностей крестьян-металлургов, что не могло не сказываться на рыночных связях и высокой степени товарности продукции.

Занятие промыслом было наследственным. Таможенные и вотчинные хозяйственные книги XVII в., сопоставленные с писцовыми описаниями XVI—XVII в.в., позволяют проследить родословные некоторых крестьянских семей-металлургов со второй половины XVI в. и до конца XVII ст. Так в Лоянской волости д. Михайловской по писцовой книге 1582 г. в трех дворах жили братья Хара, Арист и Фаля Тимофеевы. Писец называет Фалю Тимофеева кузнецом (5). По описанию 1628/29 г.г. в деревне была домница и кузница, стояло 6 дворов. В 4-х дворах жили дети и внуки Тимофеевых: Федька Харитонов с сыновьями Кириллом и Герасимом, Гришка Харитонов, Якушка Фалелеев с сыновьями Аристом и Гаврилой и двумя племянниками, Федька Данилов с сыном. В д. Малафеевской на Наволоке обосновался Данила Харитонов (отец Федьки Данилова) с двумя другими сыновьями — Мишкой и Самушкой. Кузнецом писец назвал и Данилу Харитонова (6). Не вызывает сомнения, что все родственники занимались железоделательным промыслом, тем более, что в д. Михайловской стояли домница и кузница. Они добывали

руды, выплавляли ее и перерабатывали. В 1681 г. в д. Малафеевской шесть из девяти дворов населяли прямые потомки Тимофеевых: Ивашка и Петрушка Аристовы, Июдка Кириллов, Ефрем Герасимов, Елка Михайлов, Васька Григорьев, которые торговали на рынках Обонежья полуфабрикатом, готовыми изделиями своего производства, а также скупленными у окрестных крестьян (7). Родословная крупного торговца железом 30—70-х г.г. XVII в. из Лояниц скупщика Терентия Никитина просматривается с середины XVI в. В 1563 г. в д. на Ингиж-Наволоке стоял двор Мартынки Никитина (8). В 1628 г. писец И. Долгорукий отметил в одном из дворов деревни Терешку Никитина. Записал за деревней домницу и кузницу, рыбную ловлю в Лоянском озере. Кроме тяглой пашни, крестьянин пахал из оброка в своей деревне в пустоши Другое Гижино (9). К середине XVII в. Терентий Никитин — состоятельный и преуспевающий промысловник. Он регулярно торгует на Троицкой и Тихвинской ярмарках, привозя на продажу по 3—4 воза железа весом до 100 пудов и выручая от 24 до 27 руб. (10). На оборотные деньги Терентий Никитин не только скупал железо и другие товары, но и ссужал деньги в долг. В 1656 г. вместе с крестьянином д. Мандроги Никитой Евтихиевым одолжили старцу Александру-Свирского монастыря 100 руб. (11). В 80—90-е г.г. его сыновья и внуки продолжали заниматься скупкой и продажей железа, кузнечным промыслом (12). В 80-х г.г. XVII в. в д. Нюховской 5 дворов были населены родственниками — кузнецами и торговцами железом. Основателем их династии был Яким Сергеев, поселившийся в Лояницах на Нюхове стороне в начале 60-х г.г. XVI в. где поставил починок (13). В 1612 г. в д. Семеновской за озером было 2 двора, в которых жили четверо его сыновей: Арефанка и Мошанка Якимовы, Найденка и Карпик Якимовы с детьми (14). В описании 1628/29 г.г. отмечено, что четырехдворная деревня целиком состояла из детей и внуков Якима Сергеева. Восемь взрослых членов семей обрабатывали тяглую и оброчную пашню. Имевшиеся в деревне домница и кузница позволяют говорить о занятии и железодельным промыслом (15). В 80-х г.г. XVII в. в деревне обитало четвертое поколение, сохранявшее занятия промыслом (16). Подобный анализ можно было бы продолжить. Подсчеты показали, что количество дворов крестьян-металлургов в Лоянской волости в 80-х г.г. составляло около 67% общего числа дворов. Из них

и 33% дворов родословная занятий уходит в XVI в. Династии крестьян-металлургов четко прослеживаются и в Центральном Тихвинском районе, тщательно изученном К. Н. Сербиной (17).

Железодельный промысел в Обонежье приобрел товарный характер уже в XVI в. В XVII в. полуфабрикат и изделия из железа в большом количестве поступали на ярмарки края — на юге Обонежья на Александро-Свирскую (Троицкую) ярмарку, в Тихвин, Новгород. Приходо-расходные книги Александро-Свирского монастыря первой половины XVII в. показывают, что монастырь в основном удовлетворял потребности монастырской кузницы в металле систематическими закупками у окрестных крестьян полуфабрикатов-криц, уклада, пругового железа. У местных крестьян закупались и многие готовые изделия. Обращает внимание факт приобретения товара небольшими партиями, что говорит о том, что продавали полуфабрикат и готовые изделия непосредственные производители присвирских деревень. В то же время в начале XVII в. в Присвирье активно действовали скупщики. По данным таможенных книг Тихвинской ярмарки 30-х гг. XVII в., которые сохранились за три года, 13 крестьян из Важенского и Пиркинского погостов регулярно привозили железо в Тихвин. Пятеро были из Лоянской волости Важенского погоста, трое из Пиркиниц. Среди них Семен Романов из д. Салмоселга Лоянской волости. Он поставлял большие партии пругового железа обозами до 10 возов на сумму от 6 до 18 руб. (18). Два других крестьянина той же деревни — Леонтий Родионов и Мирон Минин привозили железо на нескольких возах стоимостью до 9 руб. (19). Скупщики торговали не только железом-сырцом, но и готовыми изделиями, другими товарами — рыбой, кожами, солью, пушниной, тканями, серебром и т. д. Бобыль из Кондуш Яков Максимов «являл» на Тихвине обозы с пруговым железом, сохами, рыбой на суммы от 10 до 40 руб., Кондрат Иванов из д. Мандроги, кроме железа, — ткани, кожи, пушнину (20). К концу XVII в. на рынках Обонежья железо и готовые изделия реализовали главным образом скупщики.

Значительное распространение в отрасли имел наем. Во второй половине XVII в. в деревнях Присвирья и вокруг Тихвина достаточное количество крестьян-металлургов систематически нанимались к состоятельным кузнецам и домникам, в монастырские кузницы. Лишь весной 1686 г. Александро-

Свирский монастырь выплатил наемные деньги за молотничество 20-ти своим вотчинным крестьянам (21). Поток наймитов устремлялся в монастырь из ближних районов железоделательных промыслов — Тихвина, Олонца, но были и дальние отходники — из-под Холмогор, Подмосковья, Переяславль-Залесского (22). Наемные кузнецы работали часто круглый год и в летнее время. Это позволяет говорить о том, что ремесленный труд становился для них главным источником доходов. Иногда кузнецы-отходники приходили наниматься в монастырь со своими наймитами-молотниками или сразу несколько членов одной семьи трудились в монастырской кузнице. Так при Якове Андрееве — кузнеце из-под Олонца, ковавшего в монастыре топоры, клещи, косы — молотником был его брат Федор (23). А Семен Трофимов — олончанин держал в молотниках стороннего наймита, тоже олончанина. Весной 1684 г. они сделали в монастырской кузнице 100 и «надели» 40 топоров. Кузнец Семен Тимофеев взял себе «по договору» 26 алт 4 д., а «молотнику своему... взял 6 алт 4 д» (24). В апреле 1686 г. за ковку топоров и другие поделки монастырь выдал кузнецу 3 руб. 15 алт, «а молотнику его за 7 дней — 3 алт» (25). Документы архива Тихвинского монастыря изобилуют записями о «наймах» к тихвинским кузнецам и владельцам разных промыслов. В списках тихвинских кузнецов 1678 г. перечисляются имена и наемных работников — «молотчиков». Ими были крестьяне «пашенные люди» и обедневшие жители посада, нанимавшиеся поденно или понедельно. Во второй половине XVII в. в деревнях вокруг Тихвина было много людей, кормившихся «черной работой». Не всегда им удавалось найти приложение своим рукам на месте, поэтому приходилось отправляться в другие районы Обонежья в том числе и в Присвирье или в дальний отход, например, в Устюжку (26).

Крестьянские железоделательные промыслы играли важную роль в экономическом развитии края в XVII в., составляли основу для разнообразных ремесленных занятий населения.

Документы свидетельствуют, что вдоль реки Сясь и ее притока Воложбы на базе местного сырья сложилось производство извести. Еще в начале XVII в., а может быть и раньше, местные крестьяне занимались ломкой известняка и жжением извести. Приходно-расходные книги Александрово-Свирского монастыря первых десятилетий XVII в. отмечают поезд-

ми старцев на Сясь «для печи известь обжигать» (27). Источники показывают, что в течение XVII в. в условиях восстановления хозяйства края, а потом и его подъема, при массовой застройке деревень и феодальных усадеб промысел получил быстрое развитие. Выросли масштабы производства. Оно сосредоточилось в руках подрядчиков из крестьян государственных и владельческих, помещиков, использовавших труд наемных работников. Месторождение снабжало готовой известью весь юг Обоножья, а к перевозке готовой продукции привлекались сотни наймитов. В последние десятилетия XVII в. в числе подрядчиков по производству извести. по данным прихода-расходных книг Александро-Свирского монастыря, были помещики Парфен и Данила Фадеевы, дети Есиповы, владевшие двумя печами, в поместьях которых находились залежи сырья; Василий Неплюев с женой, также владевшие двумя печами, Яков Агапитов и др. В 90-е г.г. XVII в. дело ведут их дети Карп Парфенов и Григорий Данилов Есиповы, трое Неплюевых — Богдан, Иван, Никита, два брата Апрельевы — Богдан и Андрей, и др. Среди подрядчиков 80—90-х г.г. были крестьяне — Дементий Яковлев из митрополичьей вотчины, Федька Ильин из вотчины Иванского монастыря, Ивашка Афанасьев из вотчины Никольского Вяжицкого монастыря, что в Рождественском Пашском погосте, бобыль Федр Сидоров из Рождественского Сяського погоста вотчины Стороженского монастыря, Архип Еремеев и Архип Михайлов — крестьяне Тихвинского монастыря с посада, Коземка Данилов и его сын Пантелейка, Мартын Филимонов, Федька Емельянов, Матвей Федоров, Ивашка и Сидор Васильевы Красиковы — крестьяне помещиков Трофима Скобельщина, Алексея Неплюева, Парфения Есипова, князя Григория Путятина и др. — таков далеко неполный перечень крестьян, занятых в известном промысле (28). Каждый владел одной или несколькими печами. Крестьянские печи были меньше помещичьих. Так у помещиков Парфения Есипова и Василия Неплюева разовое производство печи составляло более 300 возов, а трех печей крестьян Логина Сидорова, Сергея Ефимова «со товарищи» — 539 возов извести, печи Ивашки Васильева Красикова — 178 возов, Федьки Ильина — 173 воза (29). Подрядчики извести выходили из семей, в которых этим промыслом занимались уже в начале XVII в. Предприимчивые промысловики передавали доходное дело своим детям и внукам. В частности, с середины 90-х г.г. Ивашка Ло-

гинов продолжал дело отца — Логина Сидорова, которой вместе с Сергеем Ефимовым «со товарищи» жег известь в 80-е — начале 90-х г.г. К тому же Ивашка Логинов стал обладателем всех трех печей. Создавались и смешанные производства с долевым участием крестьян и помещиков. В 80-е годы помещик Данила Есипов жег известь «со крестьяны». В 90-е годы пайщиком Богдана Федорова Апрелева был Яким Сидоров — брат названного выше крестьянина — подрядчика Логина Сидорова, а компаньоном крепостного Мартынки Филимонова — помощник Никита Неплюев. Причем Мартынка Филимонов владел в печи восемью долями и лишь две доли принадлежали помещику. Кроме того, Мартынка «с товарищи» держал и вторую печь на 112 возов жженой извести (30). Условия заключавшихся подрядов зависели от состоятельности подрядчика. Одни брали на себя полное обеспечение процесса производства, другие оговаривали необходимость поставки заказчиками к печам дров, известковой плиты, а иногда того и другого вместе. В 1677 г. по условиям подряда Александро-Свирский монастырь нанимал работников на рубку дров к печам, а в 1682 г. — на рубку дров и ломку известковой плиты. Весной 1684 г. монастырь заплатил наймитам-крестьянам за вырубку и перевозку дров к печам 15 руб. 13 алт 2 д., за ломку плиты — 28 руб. 30 алт (31). Но с 1686 г. и на протяжении последующих лет XVII ст. подрядчики, которых нанимал монастырь для жжения извести, почти всегда брали на себя все расходы производства. Заготовленная на Сяси известь зимой вывозилась в Александро-Свирский монастырь наймитами — жителями разных погостов и волостей. В 80-е — начале 90-х г.г. почти половину всей извести власти монастыря вывозили силами вотчинных крестьян. С 1693 г. наблюдается преобладание среди наймитов сторонних крестьян. Крестьяне-извозчики объединялись в обозы по 3—10 подвод и совершали по несколько рейсов. Документы позволяют судить о характере найма. В книгах «известного извоза» и в расходных книгах со свойственной монахам скрупулезностью отмечены возки — «за деньги», «за долг», «за роспуск», за оброк и т. д. Перевозки с последующей выплатой денежных сумм, безусловно, отражали вольный наем. Подсчеты показали, что число вольных наймитов в начале 90-х г.г. достигло 90%. Монастырь практиковал доставку извести с Сяси и специально нанятыми подрядчиками. В 1686 г. им был крестьянин Новодевичья монастыря из Сер-

максы, подрядчик и скупщик. владелец карбаса Ивашка Федоров Ригачников. По «летней воде» он привез на Александро-Свирскую Пристань партию извести в 1445 пудов «жжения Василия Неилюева с женой» (32). Однако контракты на поставку извести по воде были редки, так как товар при этом приходил подмокшим, поэтому предпочтение отдавалось перевозкам по зимним дорогам. Не довольствуясь поступлением готовой извести от сяских подрядчиков, монастырь в начале 80-х г.г. организовал производство в монастыре. Контракт заключили с новгородцем Тимофеем Патрикеевым «с товарищи» (33). Сырье-известняк в монастырь привозили с Сяси подрядчики из числа своих и сторонних крестьян, а также неорганизованные наймиты. В 1682—1685 г.г. поставки на своем карбасе осуществил крупный скупщик и подрядчик — крестьянин вотчины Новодевичья монастыря с Сермаксы Яким Михайлов Стебельдяев. На свои деньги он нанимал работников для ломки известняка на Сяси, погрузки его в карбас и выгрузки на месте. Судно также обслуживали наймиты. В 1682 г. на карбасе, прибывшем с известковой плитой к монастырской Пристань, было трое «казаков» — толвуянин Иван Фомин «с товарищи» (34). На монастырской Пристань для выгрузки известняка Стебельдяев нанимал работников из числа местных крестьян. А для доставки известняка к печам наем осуществлял монастырь. Крестьяне-наймиты возили груз на своих лошадях, но на «монастырских хлебах», получая за 20-пудовый воз по 2 коп. Так, в апреле 1685 г. побережские крестьяне перевозили с Пристань к печам 11450 пудов плиты, получив «за весь извоз сполна» 11 руб. 15 алт (35). Для ломки известняка александро-свирские старцы обращались и к подрядчикам с Сяси, а перевозкой занимались крестьяне присвирских и присяських погостов, свои вотчинные крестьяне, нанятые монастырем (36). Жжение извести в пределах монастыря потребовало организации снабжения печей не только исходным сырьем, но и дровами. С 80-х г.г. монастырь стал нанимать своих крестьян на рубку дров не только для отопления келей, но и для печей, в которых жгли известь, обжигали кирпич (по расценкам 5 алт. от сажени дров) (37). Источники показывают, что один наемный работник в первой половине 80-х г.г. ежегодно в среднем доставлял в монастырь по 4 сажени «хлебных» и «келейных» по 6 сажени «известных» и «кирпичных» дров, то есть каждый наймит мог заработать около 1 руб. в

год. Анализ материалов о ремесленном найме показывает, что для «сторонних людей», не являвшихся крепостными Александро-Свирского монастыря, наем почти всегда носил вольный характер, был трудом «за деньги» и редко — отработкой долга. Широко практиковался монастырем вольный наем и своих крепостных. В то же время вотчинная администрация использовала массовую задолженность своих крестьян и зачитывала им выполнение разного рода работ в монастырском хозяйстве в счет уплаты многочисленных долговых сумм. Крестьянские кабалы, записные и расходные книги монастыря пестрят заметками о такого рода выплатах. В ремесленном найме во второй половине XVII в. в вольный наем — «за деньги» и отработка долгов, когда крепостной частью работы выполнял в счет уплаты долгов, тесно переплетались. Соотношение вольного и принудительного найма у вотчинных крестьян Александро-Свирского монастыря колебалось по годам и видам работ. Бесспорным является возрастание вольного найма в последние десятилетия XVII в. Что же касается найма монастырем «сторонних» крестьян, то здесь господствовал вольный наем. В крае рек и озер, богатых рыбой в том числе и ценных пород, рыболовство было традиционным видом промысла. Писцовые книги конца XV — первой половины XVII в. отмечают по берегам рек Свири, Волхова, Ояти, Паши, Сяси и др., Ладожского и Онежского озер деревни, населенные рыбаками, дают перечень большого количества рыбных тонь (38). Частью тонь владели монастыри и помещики, другая сохранялась за крестьянскими волостями. Практиковали крестьяне и аренду рыбных ловель. Промысел охватывал значительную массу жителей Юга Обонежья, особенно прибрежных деревень. Уже писцовые книги конца XV—XVI в.в. отмечали по берегам Свири, Ояти, Волхова, Паши, Сяси, вдоль побережья Ладожского и Онежского озер поселения и рядки с непашенными людьми-рыболовами (39). В XVII в. Южное Приладожье, Вороновский и Рождественский Пашский погосты были крупными районами промыслового рыболовства. К концу XVII в. здесь насчитывалось несколько десятков поселков рыбаков, некоторые (Исад, Немятово, Глетково, Берег, Усть Сясь и др.) существовали с конца XV в. Промысел носил товарный характер уже в XVI в., а в XVII ст. превратился в крупную товарную отрасль. С наибольшей полнотой источники раскрывают состояние рыболовства и торговли рыбой в Вороновском и Рождественском Пашском погостах, располагавшихся по рекам Вороной, низовьям Па-

ши и прилежавших к Ладожскому озеру. Здесь почти в каждом дворе прибрежных поселений занимались ловлей рыбы не только «про свой обиход», но и на продажу. Цисцовые описания первой половины XVII в. отмечают деревни, населенные рыбными ловцами: на Вороновском Устье — дер. Гюнево в 2 двора, дер. Усть-Воронега в 13 дворов, однодворные деревни Щуряска и Елохва, дер. Побережье на реке Паше в 5 дворов (40). Во второй половине XVII в. масштабы промыслов и торговли выросли. Жители рыболовецких поселений были прочно связаны с рынком, а в деревнях, население которых занималось хлебопашеством, также развивалось промысловое рыболовство. Хозяйственные книги Александровского и Тихвинского монастырей, таможенные книги XVII в. раскрывают формы сбыта продукции. Одни крестьяне сами везли добытую рыбу на рынок, продавая на близлежащих торгах — главным образом на Паше, где на Рождественском погосте торговля велась круглый год, а на Рождество собиралась ярмарка. Другие — для реализации товара объединялись «с товарищи» или поручали товар доверенным людям. Последние отправлялись на более далекие рынки Ладоги, Сяси, волховских рядков, Тихвина. В то же время уже в первой половине XVII в. в торговле рыбной продукцией отчетливо прослеживается преобладание скупщиков. Скупщики выходили из среды промысловников-рыболовов, которые постепенно от торговли рыбой своего улова переходили к посреднической продаже, а затем и скупке продукции и прибыльной перепродаже ее на дальних рынках. Показателем роли и места скупщиков в торговле рыбой на Юге Обонежья могут служить данные тихвинской таможни о количестве торговцев рыбой из Вороновского и Рождественского Пашского погостов на рынке Тихвина. Нужно иметь в виду, что для рядовых ловцов, живших в деревнях этих погостов, рынок Тихвина был далек, поэтому туда редко приезжали непосредственные производители, а главным образом перекупщики, приобретающие товар у местных рыбаков и на рыбных ловлях Ладожского уезда (41). В 30-х г.г. XVII в. за 4 года на Тихвинском посаде побывало с рыбой 54 крестьянина из Вороновского и Рождественского Пашского погостов, то есть по 14—13 человек в год. В таможне ими было сделано 84 явки в среднем по 21 явке в год. Некоторые дважды в год приезжали с товаром на тихвинский торг (42). Во второй половине XVII в. по данным таможенных книг, со-

поставленных с переписными книгами 1646 и 1678 г.г. — 40% крестьянских дворов названных погостов выезжали с рыбой в Тихвину. Если в 30-е годы крестьяне этих погостов регистрировали в таможене в течение года в среднем 21 явку, то в конце 80-х — начале 90-х г.г. — до 100. Приведенные сведения позволяют говорить о широких масштабах крестьянских промыслов края, об их высокой товарности, также о том, что во второй половине XVII в. в районе сложился слой крестьян-торговцев, главным стремлением которых была скупка и перепродажа рыбы. Четко прослеживается процесс выделения из массы «рыбных ловцов» скупщиков, наследственность в занятиях предпринимательством. Сведения таможенных книг, рассмотренные в комплексе с писцовыми и переписными книгами XVII в., позволяют проследить торговую деятельность крестьянских семей на протяжении столетия. Один пример: по переписной книге 1678 г. в дер. Елохове Вороновского погоста жили 4 брата — Хара, Василий, Юшка, Софронка Семеновы — рыболовы, занимавшиеся скупкой и продажей рыбы. В 60—90-е г.г. они систематически закупали рыбу не только у крестьян Вороновского погоста, но и на рыбных ловлях реки Паши, Ладожского уезда, а перепродавали в Тихвине (43). Источники показывают, что уже в 30-х гг. в Тихвине торговал рыбой их отец Семен Савин Елохов. В таможенных книгах 1636 и 1638 г.г. отмечено его пребывание на горе с несколькими возами рыбы (44). В Вороновском погосте второй половины XVII в. по крайней мере 16 активных скупщиков, а в Рождественском Пашском — более 20 унаследовали дело от отцов, занимавшихся в первые десятилетия XVII в. предпринимательством. Причем уже тогда они, наряду с рыбой, скупали для перепродажи кожи, соль, пушнину. Важным моментом, характеризующим деятельность скупщиков, было участие в торговле семейных кланов. Их родословия в ряде случаев прослеживаются на протяжении всего столетия. Среди них были торговцы разной состоятельности, но в каждом выделялись наиболее предприимчивые и «прожиточные». Источники ярко и убедительно рисуют этих представителей торгового капитала. Масштабы операций одних были скромными, другие располагали большими оборотными средствами. Максимальные суммы, которыми располагали скупщики Вороновского и Рождественского Пашского погостов при заключении торговых сделок, составляли 100—130 руб. Но такие исчислялись единицами. Больше было тех, кто торговал на суммы до 40—60 руб., а основная масса —

в пределах 10—25 руб. и менее. В Вороновском погосте примечательными фигурами среди скупщиков были Подеицевы, Корнышовы, Мокеевы и Александровы. Подеицевых находим уже в Таможенных книгах Тихвина 1630 г. В 30—50-х г.г. на торг Тихвинского посада товары привозили братья Михаил и Яким Степановы Подеицевы. Они продавали не только рыбу, но кожи, пушнину, вырученные суммы достигали 70 руб. (45). К 50-м г. XVII в. относится начало предпринимательства Дениса Якимов Подеицева, осуществлявшего торговые операции до конца столетия. Его деятельность нашла отражение во многих документах: книгах тихвинской таможни, выписях из таможенных книг иашской и ладожской таможен. Этот энергичный человек вступал в сотрудничество с другими скупщиками не менее крупного ранга — Иваном Кузьминим Корнышовым, Климентием Мокеевым, Харитоном Семеновым Елюховым — крестьянами Колмова и Вяжицкого монастырей из Вороновского погоста, Феофаном Афанасьевым Руднопальцевым — из вотчины Колмова монастыря Пашского Рождественского погоста (46). Подобно отцу, Денис Якимов Подеицев скупал рыбу, сырые кожи и пушнину, а также сало и бекна. Однако главным товаром была рыба разных сортов. Закупки производил на рыбных ловлях Вороновского погоста, где он жил в дер. Заостровье. К слову заметим, что эта деревня в 3 двора была заселена родственниками Дениса Подеицева — тоже скупщиками. В конце XVII в. деревню даже стали именовать дер. Подеицева. Сфера предпринимательской деятельности Дениса Подеицева распространялась и на дальние районы — реки Паши, Ладожского уезда, где на рыбных ловлях «Паши рыбной», на волховских тонях, ладожском берегу, он скупал улов рыбаков. Продавал же товар в основном в Тихвине. Материалы позволяют проанализировать более детально его деятельность. Так, в октябре—декабре 1659 г. он закупил товар в Пашском Рождественском погосте. В октябре вместе с Климентием Мокеевым купил рыбы и ворвань сала на 23 руб. 50 коп.; в ноябре сам Денис купил сырые кожи, пушнину, сало ворвань и говяжье на 23 руб. 70 коп., а в декабре вместе с Томилой Корнышовым — говяжьих кожи и сало на 20 руб. В декабре того же года он продал скупленный товар на тихвинском рынке, получив значительную прибыль (47). Активную торговую деятельность в 80—90-х г.г. XVII в. вели крестьяне Вороновского погоста братья Андрей Дмитриев, Томила, Иван, Михаил Кузьмины Корнышовы. Сфера их торговых операций была также раз-

нообразна. Подобно Подеицевым, они занимались скупкой и перепродажей рыбы, кож, пушнины, кроме того — мяса и скота. Закупочные суммы в 1662/1663 г. составляли 100—130 руб. Томила Кузьмин отдавал предпочтение торговле кожами, пушниной; рыба хотя и не играла первенствующую роль, но всегда присутствовала в ассортименте (48). Андрей Дмитриев Корнышев скупал в основном скот — «животины» и мясо, а также кожи, сало, хмель, кумач, рыбу. Таможенные книги показывают, что в июле 1671 г. и 1680 г. он продавал скот и мясо. В партии товаров июля 1671 г. было: 23 «животины» и 11 стягов мяса. В этом же году Емельян Бутырев доставил в Тихвин товар Андрея Корнышова: 10 бочек «лежек» лососины и продал их за 40 руб.; в октябре и декабре того же года сам Андрей Корнышов продавал «животины», сало, кожи, хмель, а в 1679 г. — кумачевые ткани (49). Два других брата — Михаил и Иван Кузьмины Корнышovy занимались преимущественно скупкой и продажей рыбы ценных сортов — сига, лососей, осетрины, стерляди. В 1658 г. Иван Корнышов продал в Тихвине рыбы на 80 руб. (10 бочек сига свирских, бочку сига шальских, 300 сига шальских вялых, 86 лососей вялых, 400 палей просольных, 100 лохов просольных, 2 бочки икры сиговой, 2 кожи, 2 выростка) (50). Таковы размеры предпринимательства семейного клана Корнышовых. В своей торговой деятельности они пользовались и наемным трудом. Емельян Бутырев, доставивший в 1671 г. на рынок Тихвина товар Андрея Корнышова, несомненно, был работником, наймитом, ибо его имя ни разу не фигурирует в источниках в качестве торговца-компаньона. Что касается Андрея Корнышова, то уже в 70-е г.г. у него был дом в Тихвине, а затем он совсем переселился на посад. В книге тихвинской таможи за 1689 г. он фигурирует в качестве ларечного при таможенном голове, а при продаже товаров записывается как житель Тихвинского посада (51). Представляют интерес скупщики Александровы — Панкрат, Кондрат и Андрей из д. Волово Вороновского погоста. Обладая достаточными денежными средствами, они и их дети в 50—90-х г.г. развешивали операции по скупке и перепродаже соли и кож, рыбы. Суммы торговых сделок колебались в пределах 20—60 руб. Любопытно — скупщики Корнышovy и Александровы жили в одной деревне, однако, в деловые контакты друг с другом не вступали.

По берегам нижнего течения р. Паши и вдоль побережья Ладожского озера располагались деревни Пашского Рождес-

твенского погоста — Загубье, Побережье, Родниковщина, Усово, Шутово и др., жители которых сплошь занимались рыболовством и торговлей рыбой, а дь Побережье была заселена исключительно одними рыбными ловцами. Торговля рыбой являлась важной стороной хозяйственной деятельности населения, в нее были вовлечены не только крестьяне, но и помещики, служители погостской и выставочных церквей (попы, дьячки, пономари) и даже сторож губного стана (52). Основная масса крестьян, выходявших на тихвинский торг, имела средний достаток. В составе товаров, кроме рыбы, была соль, кожи, ткани, а суммы торговых операций не превышали 25 рублей. В их числе семьи Тимофеевых-Коршаковых из Загубья Колмова монастыря, Прокофьевых и Перфильевых из д. Усово имения А. И. Колычева, а в последствии князя Г. М. Мышецкого, Логиновых из д. Побережье помещика Д. Н. Ишкарина, Власовых из д. Курицыно поместья Г. В. Поскочина, Киприяновых из д. Шутово поместья Ф. И. Резанова и многих других, деятельность которых хорошо прослеживается по источникам на протяжении всего XVII ст. (53). Через все XVII ст. проходит предпринимательство большого семейства Тимофеевых. В 1636—1638 г.г. братья Тимофей и Ульян Тимофеевы-Коршаковы привозили в Тихвин рыбу. В последующие годы к ним присоединились, а затем и сменили их сыновья Тимофея — Иван, Василий, Мокий, торговавшие уже не только рыбой, но солью и тканями (54). «Торговым человеком» именуется в выписи пашской таможни 1668 г. крестьянин д. Усово Анцыфорка Прокофьев. Сам Анцыфорка, его сын Михей, а затем и внук Илларион до конца XVII в. занимались скупкой и перепродажей рыбы и кож (55). Как в Вороновском, так и в Пашском Рождественском погосте из массы мелких и средних торговцев выделялась небольшая группа более высокого ранга. К ней в первую очередь следует отнести Руднопальцевых — Афанасия Кузьмина и его детей — Феофана, Ивана и Захара Афанасьевых — крестьян Колмова монастыря из Тайболы. В Тихвине они торговали закупавшимися на р. Паше лососями, а также сигаами «шалескими», рыбой «осташковской» и «онежской». Подобный ассортимент позволяет утверждать, что Руднопальцевы и их компаньоны — «товарищи» Корнышовы из Вороновского погоста, о которых шла речь выше, в предпринимательской деятельности не ограничивались только ближними районами Северо-Запада. Суммы, заключавшихся ими сделок, достигали 100 руб. и более, но распространенными были в 30—40 руб.

Помимо рыбы, среди товаров были кожи, пушнина, ткани (56). В числе крестьян-скупщиков Пашского Рождественского погоста второй половины XVII в. с солидными суммами торговых оборотов, достигавшими 60—90 руб., были Ждан Василий и его сын Томила Жданов с Тайболы, крестьяне Колмова монастыря, братья Устиевы — Милентий, Павел, Иван из поместья П. Ф. Резанова, братья Логин и Василий Автаноновы дети Гуляевы из д. Побережье поместья Л. Н. Ишкарина, Амвросий и Михаил Акиловы из д. Рыбежна поместья В. П. Колычева, Михаил и Филипп Мануйловы из д. Усово поместья П. М. Мышецкого и др. (57). Все крупные скупщики Рождественского Пашского погоста, подобно торговым крестьянам Вороновского погоста, расширяли объем торговых оборотов за счет увеличения поставок не только рыбы, но и других товаров — главным образом кож, соли и пушнины. Так, Мелентий Устиев в декабре 1670 г. привез в Тихвин 26 возов соли весом 550 пудов, в 1671 г. — 24 воза весом 528 пудов, в 1687 г. — 1000 пудов на суммы соответственно 65, 70 и 90 руб. (58). Томила Жданов в марте 1654 г., кроме рыбы (75 лососей, 4000 пашенки, 1000 окуней, 1 осетра), доставил 61 кожу, 4 копины, 17 опойков, шкуры 50 белок, 12 котов, волка — всего на сумму 67 руб. (59). Промысловое рыболовство являлось надежным источником пополнения бюджета крестьянских хозяйств. В добычу и торговлю рыбой были вовлечены значительные массы населения погостов Южного Обонежья, расположенных вдоль рек и озер. Однако, ведущую роль в реализации продукции уже в первой половине XVII в. начинали играть крестьяне-скупщики. Мы ограничились рассмотрением источников по нескольким видам промыслов крестьян южного Обонежья в XVII в.: железоделательному, производству извести, рыболовству. Изучение писцовых книг конца XV—XVII в.в. по Обонежью в комплексе с другими источниками позволяет детально проанализировать развитие этих отраслей в XVII в., сделать важные выводы: о массовости занятий промыслами и торговлей населения края, о товарном характере рассмотренных отраслей, о формировании рынка наемной рабочей силы, торгового капитала в лице предпринимателя-скупщика.

1. Сербина К. Н. Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. — М., 1971; ее же Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII в.в. — М.—Л., 1951.

2. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). — Ф. 137. — Д. 17 (по Новгороду).
3. Архив СПб. ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
4. Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. — М., 1967. — С. 126.
5. РГАДА. — Ф. 1209. — Кн. 963. — Л. 831 об.
6. СПб. ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
7. Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 115. — Оп. 2. — Д. 22, 160. — Л. 87; Ф. 132. — Оп. 2. — Д. 1339. — Л. 56 об.
8. ПКОП. — Л. 1930. — Л. 109.
9. СПб. ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
10. Там же. — Ф. 132. — Оп. 2. — Д. 1313. — Л. 29 об; Д. 1298. — Л. 44 об.
11. Там же. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 51.
12. Там же. — Оп. 2. — Д. 156. — Л. 151; Д. 166. — Л. 67; Д. 208. — Л. 101 об; Д. 175. — Л. 108; Д. 138. — Л. 16.
13. ПКОП. — Л. 111.
14. СПб ФИРИРАН. — Шведский архив. — № 312.
15. Там же. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 11.
16. Там же. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 115; Оп. 2. — Д. 148. — Л. 120, 159 об, 176; Д. 175. — Л. 75; Ф. 132. — Оп. 2. — Д. 1327. — Л. 15 об, 44. — Л. 15 об, 44.
17. Сербина К. Н. Указ. соч.
18. СПб ФИРИРАН. — Д. 132. — Оп. 2. — Д. 1275. — Л. 19 об; Д. 1294. — Л. 44.
19. Там же. — Д. 1297. — Л. 46, 51.
20. Там же. — Д. 1294. — Л. 275; Д. 1287. — Л. 36; Д. 1290. — Л. 18 об.
21. Там же. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 160.
22. Там же. — Д. 166. — Л. 29; Д. 168. — Л. 79 об., 84; Д. 155. — Л. 146 об; Д. 156. — Л. 46—54, 118, 119.
23. Там же. — Д. 160. — Л. 63; Д. 161. — Л. 123, 130.
24. Там же. — Д. 156. — Л. 141 об.
25. Там же. — Д. 160. — Л. 70 об.
26. Сербина К. Н. Указ. соч.
27. СПб ФИРИРАН. — Ф. 3. — Оп. 2. — Д. 6. — Л. 129 об.
28. Там же. — Д. 162—194.
29. Там же. — Д. 162, 176, 178.
30. Там же. — Д. 168, 193, 194.
31. Там же. — Д. 138, 155, 156.
32. Там же. — Д. 160.
33. Там же. — Д. 162.
34. Там же. — Д. 151, 156, 160.
35. Там же. — Д. 161.
36. Там же. — Д. 160.
37. Там же. — Д. 155.
38. РГАДА. — Ф. 1209. — Кн. 309, 963, 979.
39. Там же.
40. Там же. — Кн. 309.
41. СПб ФИРИРАН. — Ф. 132. — Оп. 1. — К. 9. — Д. 118, 141; — К. 10. — Д. 89.
42. Там же. — Оп. 2. — Д. 1275, 1287, 1290, 1294.
43. Там же. — Оп. 1. — К. 9. — Д. 127, 147; К. 10; Д. 6, 24, 180; Оп. 2. — Д. 1355, 1366, 1405.

44. Там же. — Оп. 2. — Д. 1209, 1294.
45. Там же. — Д. 1275, 1278, 1290, 1294, 1298.
46. Там же. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 214; К. 6. — Д. 93; К. 9. — Д. 141; — Оп. 2. — Д. 1320.
47. Там же. — Оп. 1. — К. 6. — Д. 26, 30, 40; Оп. 2. — Д. 1320
48. Там же. — Оп. 1. — К. 7. — Д. 142; К. 9. — Д. 99; Оп. 2. — Д. 1352.
49. Там же. — Оп. 2. — Д. 1362, 1404.
50. Там же. — Д. 1313, 1362.
51. Там же. — Д. 1449.
52. Там же. — Д. 1355, 1362, 1437, 1468.
53. Там же. — Д. 1290, 1294, 1298, 1309, 1313, 1320, 1355 и т. д.
54. Там же. — Д. 1290. — Л. 11; Д. 1294. — Л. 3 об.; Д. 1309. — Л. 6 об.; Д. 1355. — Л. 38.
55. Там же. — Оп. 1. — К. 10. — Д. 217; Оп. 2. — Д. 1366. — Л. 67 об.; Д. 1449. — Л. 39 об.; Д. 1464. — Л. 27.
56. Там же. — Оп. 1. — К. 4. — Д. 223; К. 6. — Д. 185; К. 8. — Д. 106, 141; Оп. 2. — Д. 1298, 1309 и др.
57. Там же. — Оп. 2. — Д. 1294. — Л. 44; Д. 1355. — Л. 1; Д. 1361. — Л. 2 об.; Л. 2 об.; Д. 1405. — Л. 37; Д. 1437. — Л. 5 об.
58. Там же. — Д. 1355. — Л. 1; Д. 1361. — Л. 2 об.; Д. 1437. — Л. 5 об.
59. Там же. — Д. 1298. — Л. 44.

Е. А. РАДЗИХОВСКАЯ

**НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВСКОЙ КОМПАНИИ
БУОНАККОРСИ: ПРОЦЕСС ПРОВАНСАЛЬСКОЙ
ДВОРЯНКИ СИБИЛЛЫ ДЕ КАБРИС
ПРОТИВ МАТТЕО ВИЛЛАНИ**

В 1992 г. в серии публикаций широко известного в кругах медиевистов научно-исследовательского учреждения «Французская школа в Риме» вышло собрание документов, представляющих несомненный интерес для историков, филологов-романистов, правоведов, этнографов. Документы транскрибированы и снабжены кратким резюме профессором марсельского университета Ноэлем Куле (1). Они происходят из архива старинной флорентийской судебной палаты «Мерканша» и дают нам любопытный образец судопроизводства середины XIV в. Собрание это включает в себя большой реестр, содержащий протокол допросов свидетелей по делу провансальской дворянки Сибиллы де Кабрис, вчинившей иск итальянскому банкиру Маттео Виллани, грамоты, исходящие из канцелярий короля Неаполитанского и администрации графства Прованс, а также разнообразные нотариальные акты.

Подобного рода источники были всегда мало доступны историкам из стран нынешнего СНГ. А между тем именно они и особенно частноправовые документы составляют основную массу письменных памятников по истории западноевропейского средневековья, начиная с XII в. Важность изучения частных актов подчеркивала в свое время выдающаяся советская исследовательница А. Д. Люблинская (2). Тем не менее памятники эти известны и используются у нас еще очень слабо. Почти полностью обойдены вниманием нотариальные акты как специфический тип источника даже в источниковедческих обзорах, предназначенных для подготовки медиевистов (3). Таким образом, можно говорить о своеобразной лакуне, вырисовавшейся достаточно наглядно в этой области историко-

ведения истории средних веков. Настоящая статья не может, однако, претендовать на то, чтобы эту лагуну заполнить. Источниковедческие изыскания по типологизации и анализу информативной ценности нотариальных актов требуют усилий многих ученых, в том числе специалистов по римскому праву. Мы постараемся лишь обозначить наиболее существенные характеристики публикации, выполненной Н. Куле.

Как уже отмечалось, документы коллекции отражают тяжбу между дворянкой из Верхнего Прованса, Сибиллой де Кабрис, и флорентийским купцом и банкиром Маттео Виллани, возглавлявшим с декабря 1341 г. неаполитанское отделение торгового дома Буонаккорси. Суть тяжбы состоит в следующем. Весной 1342 г. Сибилла де Кабрис, вдова Аннибала де Мустье, сеньера деревни Антревен и попечительница своего единственного сына, продает землю в Южной Италии. Она поручает своему доверенному лицу, Одиберу Раймбо, доставить вырученные деньги в Прованс. Не решаясь подвергать деньги риску собственноручной перевозки по суше или по морю. Одибер выбирает в Неаполе агенство торгового дома Буонаккорси, кажущегося ему надежным. Компания Буонаккорси должна обеспечить перевод денег из Неаполя в Прованс. Однако Буонаккорси терпят крах. Представители их дома в Авиньоне спасаются бегством, не оплатив счетов. Чтобы возвратить свои деньги, Сибилла обращается в судебную палату «Мерканция» во Флоренции. После ряда проволочек 13 января 1357 г. во Флоренции открывается длительный процесс, материалы которого дают нам редкую возможность проникнуть в круг проблем, с которыми сталкивалось приходящее в упадок мелкое дворянство Юга Франции в середине XIV в.

Острая нужда в деньгах заставляет Сибиллу, происходившую, как и ее покойный муж, из старинной провансальской аристократии (4), продать имение в Италии за 1591 флорин. Документы коллекции, а также данные из провансальских архивов, приведенные в комментарии Н. Куле, наглядно показывают экономические трудности, испытываемые Сибиллой де Кабрис. С другой стороны перед нами предстают противники Сибиллы, купцы из компании Буонаккорси, ловкие и беспринципные дельцы, чье процветание порою весьма мало зависит от их усилий (5). Свидетели, проходящие по делу Сибиллы, — дворяне, горожане, чиновники своими показаниями помогают воссоздать картину быта провансальской деревни с ее обычаями, миропониманием, социальными взаимоотно-

нениями. Весьма любопытна и сама процедура судопроизводства, обнаруживающая значительное влияние римского права.

Для решения своего вопроса Сибилла обращается в палату «Мерканциа». Это учреждение было создано во Флоренции в 1309 г. с тем, чтобы заниматься вопросами репрессалий, которые могли быть практикуемы против флорентийцев за пределами их государства (6). Палата «Мерканциа», разбиравшая, таким образом, тяжбы с иностранцами, возглавлялась иноземным чиновником. Этот человек должен был быть нотариусом, избравшимся консулами пяти старших цехов Флоренции. Жалоба иностранца могла подаваться в «Мерканцию» в виде письма, утвержденного публично-правовым учреждением, городом, бароном или сеньером. Вот почему Сибилла, выбирая себе прокурора для ведения дела в суде, обращается одновременно к сенешалю графства Прованс, маршалу временно пребывающей в Авиньоне курии, полномочному представителю епископа Риезского (к его диоцезу относится сеньерия Антревен). После этих инстанций жалобы Сибиллы направляются к флорентийским приорам цехов, гонфалоньеру справедливости, главе палаты «Мерканциа» и ее советникам (7).

Дело излагает суду сер Дзаноби ди Буонаюто Бенуччи, флорентийский нотариус и прокурор дамы Сибиллы де Кабрис. Отметим попутно, что ремесло нотариуса, секретаря канцелярии, секретаря суда приобреталось в соответствии с общими правилами, действовавшими во всей Западной Европе и имевшими первоисточником римское право. Правила эти сформировались, очевидно, впервые в Италии (8), а затем распространились в Германии, Франции, Англии. Такое правовое единообразие, а также латиноязычие служителей закона в значительной степени облегчало ведение дел, где в качестве тяжущихся сторон выступали люди из разных стран. Тем не менее судебные разбирательства не были свободны от изощренного крючкотворства, и дело Сибиллы де Кабрис вполне это подтверждает.

Противники Сибиллы прибегают к разнообразнейшим ухищрениям для того, чтобы затянуть дело до бесконечности. И хотя они не столь рельефно выступают из документов, как другие действующие лица этой истории, мы видим, что Сибилла столкнулась с людьми вполне юридически образованными, жесткими, целеустремленными и неразборчивыми в средствах. Жалоба Сибиллы направлена против Маттео Вил-

лани, Бандино Буонаккорси, Россо Альдебрандино, Джованни и Беттино Буонаккорси. Компания Буонаккорси, которую исследователи считают одной из среднепроцветавших флорентийских купеческо-банковских корпораций, торговала тканями, шерстью, зерном, а также занимались финансовыми операциями, обслуживая крупных и мелких феодалов и папский двор в качестве банкиров (9). Означенные выше лица связаны узами родства. Некоторые из них хорошо известны историкам не только как купцы, и эту деталь хочется подчеркнуть особо. Маттео Виллани, главный виновник несчастья Сибиллы, является автором знаменитой хроники, которую он продолжал после смерти своего брата Джованни (1348 г.) и довел до 1363 г. Хроника братьев Виллани стоит у истоков ренессансной историографии и, в частности, того направления итальянской этической мысли, которое мы называем гражданским гуманизмом (10).

Для исследователя итальянского Возрождения было бы очень любопытно сопоставить этические взгляды Маттео с его реальной деятельностью и мотивацией поступков, каковыми они выступают в деле провацсальской дворянки.

Появившись в суде, Беттино, Бандино и Торриджано Буонаккорси вместе с Маттео Виллани немедленно атакуют свою противницу. Они придираются прежде всего к процедуре, оспаривая право сэра Дзаноби представлять Сибиллу в суде (11). После того, как Дзаноби предъявил ряд соответствующих документов, купцы нашли другую придирку: по их мнению, нотариальный акт, удостоверяющий полномочия Дзаноби, был, якобы, выполнен лицом, не являвшимся публичным нотариусом. Когда удастся отвести и это заявление, Буонаккорси и Виллани предъявляют претензии к одной из формулировок нотариального акта, где сообщается, что сын Сибиллы, Аннибальде, является законным наследником своих отца и матери. Купцы истолковывают это таким образом, что Сибилла, стало быть, мертва и не может выступать истицей в суде. Поскольку вместо Сибиллы в суде действительно выступал Дзаноби, то ему пришлось представить, помимо прочих документов, подтверждающих его полномочия и правомочность Сибиллы, еще и акт о том, что Сибилла де Кабрис действительно жива. Но Буонаккорси не сдаются.

Растянув процедурные вопросы на полгода, они находят еще одну лазейку. Воспользовавшись ляпсусом итальянского нотариуса, обозначившего фамилию Сибиллы «де Капри», они заявляют, что Сибилла де Кабрис — совершенно не то

шно, которое фигурирует в обязательствах компании. Буонаккорси пускаются в длинные рассуждения о том, что Канри относится к Сицилийскому королевству, а их истица продвигает в Провансе, в диоцезе Ниццы. Поэтому нельзя ведь отдавать одной то, что положено другой и, значит, судьи должны положить конец разбирательству и даже возместить несправедливо обвиняемым купцам ущерб. Дзаноби вынужден собирать дополнительные документы и требовать от суда официального расследования в Провансе на базе вопросника-лишкеты, который он составил лично. Со своей стороны Буонаккорси требуют контррасследования, желая во что бы то ни стало опровергнуть факты, представленные Дзаноби. Наконец, 21 сентября 1359 г. сенешаль Прованса возлагает на портарнуса Гийома Портанье расследование, решение о котором вынес суд «Мерканция».

Свидетельства, собранные Гийомом Портанье в Антревене и Риезе с 28 сентября по 12 октября 1359 г., устанавливают, что в Антревене действительно существует дама Сибилла де Кабрис, вдова Аннибала де Мустье, мать и попечительница Аннибальде де Мустье; что эта дама поручила Одиберу Раймбо из Грасса продать замок Фонтану в Южной Италии и что Одибер передал деньги от этой продажи представителю тосканской торговой компании с тем, чтобы они были переведены из Неаполя в Прованс; что в результате краха этой компании Сибилла де Кабрис никогда не получила причитающийся ей 1591 флорин и что замечания Буонаккорси лишены оснований. К этим свидетельствам Дзаноби прибавил еще и переписанные собственноручно Гийомом Портанье документы, которые дополнительно подтверждают правоту обвинения:

1. брачный контракт Аннибала де Мустье и Сибиллы де Кабрис от 20 января 1331 г.;
2. признание предоставления приданого (означающее, что брак заключен юридически, и фактически), от 26 января 1331 г.;
3. протокол с заявлением Раймонда де Грасс о том, что его дочь, вдова Аннибала де Мустье, беременна от 29 января 1336 г.;
4. протокол, в котором Бонифаций Сальвани из г. Диня, осуществляющий опеку над беременной Сибиллой, заявляет о том, что не может составить полный инвентарь имущества, оставленного Аннибалом де Мустье, от 5 февраля 1336 г.;
5. протокол, содержащий заявление Сибиллы де Кабрис

о предоставлении ей трех помощников для осуществления совместной опеки над сыном, от 19 апреля 1336 г.;

6. письмо короля Роберта из Неаполя от 24 ноября 1336 г., утверждающее Сибиллу де Кабрис попечительницей своего сына Аннибальде;

7. выписка из архивов нотариуса Раймона Филиппи, осуществленная по приказу бальи и заместителя судьи судебной палаты г. Диня, удостоверяющая, что Сибилла де Кабрис передала опеку над сыном трем лицам;

8. официальное письмо Сибиллы де Кабрис, отправленное из Антревена в апреле 1339 г. и поручающее Одиберу Раймбо из Грасса управлять имением Фонтана в Италии;

9. официальное письмо из Антревена от 3 мая 1339 г., поручающее Одиберу Раймбо из Грасса и Пьеру де Кадене, рыцарю из Грасса, находившемуся тогда в Неаполе, управление всем имуществом, которым семья Мустье обладает в Неаполитанском королевстве;

10. протокол, выполненный 5 марта 1340 г. Раймоном Пеласи, нотариусом из Грасса, по поводу представления Понсу Филиоли, судье Грасса, письма короля Роберта, упомянутого выше и адресованного Сибилле 23 ноября 1336 г.;

11. письмо сенешаля Филиппо ди Сангинето, отправленное из Эксан-Прованса 29 мая 1340 г. викарию и судье г. Грасса по просьбе Сибиллы де Кабрис с тем, чтобы содержать в грасской тюрьме Жака Барле, мелкого дворянина из Антревена, бывшего управителя замка Фонтана, наследником которого является сын Сибиллы, Аннибальде;

12. письмо короля Роберта из Неаполя от 22 ноября 1332 г., предписывающее сенешалю Прованса охранять права Аннибала де Мустье, в отношении имущества недавно упокоившегося отца;

13. официальное подтверждение нотариусом из Грасса, Фульком Вердери, полномочий Одибера Раймбо из Грасса в отношении продажи имущества, которым Сибилла располагает в Неаполитанском королевстве в качестве попечительницы своего сына, от 5 марта 1341 г.

Протокол расследования и эти 13 документов были вписаны сером Дзаноби в большой регистр и представлены в «Мерканцию» 30 октября 1360 г. Буонаккорси тотчас же начали оспаривать подлинность представленного и вновь принялись муссировать тезис о существовании двух Сибилл. При этом они еще и заявили, что если бы даже и существовала одна лишь Сибилла де Кабрис и если бы ее иск был право-

мерен, то возмещение ими убытков никак не могло бы проходить во Флоренции, но должно было бы осуществляться исключительно из капиталов, полученных от ликвидации дел компании в Неаполе или Провансе. Очевидно, Буонаккорси удалось еще затянуть процедуру. Судебное разбирательство возобновилось 21 января 1362 г. Из его материалов ясно, что Сибилла так и не получила удовлетворения. В последний раз в деле встречается упоминание в отчетах «Мерканции» за 12 июля 1362 г. — и здесь та же картина. Вероятно, следует положиться на мнение исследователя деятельности компании Буонаккорси, М. Луццати, считающего, что Сибилла де Кабрисе вынуждена была заключить сделку со своими противниками и удовольствоваться гораздо меньшей суммой, нежели та, что ей причиталась (12).

Но независимо от того, сколько флоринов получила (или не получила) провансальская дама, содержание дела представляет значительный интерес. В этой публикации, тщательнейшим образом транскрибированной и снабженной кратким, но богатым и глубоким комментарием Н. Куле, мы находим уникальные во многих отношениях документы. Во-первых, это никогда не издававшиеся ранее privately-правовые и публично-правовые хартии, в том числе две грамоты из утраченных архивов курии Неаполитанского королевства. Во-вторых, провансальские нотариальные акты этого издания интересны тем, что для данного периода сохранилось очень немного регистров, и поэтому публикация предоставляет довольно редкие образцы провансальской нотариальной практики. И, наконец, в-третьих, означенные памятники освещают нам самые различные стороны частной и общественной жизни провансальцев и итальянцев, что составляет их большую информативную ценность. Остановимся на некоторых аспектах информативного плана.

Выше мы обрисовали в самых общих чертах сущность судебной процедуры в «Мерканции». Как мы видели, она базируется на опросе свидетелей и носит инквизиционный характер. Старинная присяга фигурирует лишь в качестве формальности. Вместе с тем, вмешательство провидения мыслится обязательным, что отражается в наличии благочестивых формул в начале каждого документа. Протоколы расследований в Провансе помогают нам установить особенности процедур допроса и перекрестного допроса, находившихся тогда в стадии формирования. Кроме этого, материалы протоколов расследований содержат латинскую и итальянскую версии

опроса свидетелей. что позволяет сравнить два нотариальных стиля как с историко-юридической, так и с филологической точки зрения. Любопытна и логика опроса свидетелей, предложенная сером Дзаноби. Она является своеобразной, весьма скрупулезной программой установления личности потерпевшей Сибиллы де Кабрис. Последовательно и неуклонно Дзаноби стремится подтвердить факты рождения Сибиллы в Провансе, ее статуса вдовы Аннибала де Мустье и матери Аннибальде де Мустье. Попутно он устанавливает факты рождения в Провансе Аннибала де Мустье, а также Аннибальде. Предпоследний пункт этой программы как будто отступает от общей логики: свидетели опрашиваются по поводу того, как в Провансе произносится слово, обозначающее домашнее животное — козу. Вопрос, однако, не праздный, ибо от этого слова «CABRA», происходит фамилия Сибиллы — «de Cabrigis», которую по-разному произносят провансальцы и итальянцы, что и послужило поводом для того, чтобы Буонаккорси поставили под сомнение личность своей противницы. Эти фрагменты протокола представляют интерес для филологов-романтистов.

Со своей стороны Буонаккорси представляют свидетелям вопросы, которые имеют целью сбить их с толку или поставить под сомнение правдивость показаний. Их «программа» содержит множество уточнений, придирических вопросов, доводящих порой свидетелей до состояния раздражения. Так, если свидетель говорит, что Сибилла является действительно вдовой Аннибала де Мустье, ему адресуют вопросы: когда и где был заключен этот брак? сколько времени прошло с тех пор? присутствовал ли свидетель на свадьбе? сколько лет ему тогда было? знает ли он супругов?

Если он подтверждает, что Сибилла является вдовой Аннибала де Мустье, его спрашивают, когда умер Аннибал и при каких обстоятельствах, где он был похоронен. Если свидетель подтверждает, что Сибилла является матерью Аннибальде, его спрашивают, когда Аннибальде родился, сколько ему лет, был ли жив его отец в момент рождения.

Если свидетель заявляет, что Сибиллу и ее семью все хорошо знают, так что личность ее публично известна, его спрашивают, что значит публично известна и сколько должно, на его взгляд, людей знать некую личность, чтобы говорить о публичной известности («publica vox et fama»).

Даже «филологические» вопросы снабжены дополнительными крючками: свидетель должен сказать, как пишется по-

провансальски и по-латыни слово «коза». Для тех свидетелей, которые не умели грамоте, подобный вопрос, по-видимому, звучал издевательски.

Оба вопросника были переведены на латынь нотариусом Гийомом Портанье, и именно эта версия во время опроса свидетелей устно переводилась на провансальский. Не вдаваясь в детали филологического характера (13), отметим хорошее качество перевода провансальского нотариуса с итальянского на латынь, что свидетельствует о его высоком культурном уровне. Впрочем, это не удивительно. Служители закона в странах европейского Средиземноморья были в этот период весьма хорошо образованы.

Свидетели, проходящие по делу Сибиллы — люди различного социального и культурного статуса. Жители г. Риета представлены дворянином, горожанином и нотариусом. Они грамотны, бывали в Тоскане, знают, как там изъясняются. Статус ряда свидетелей из Антревена неясен. Однако поскольку они объявляют себя неграмотными, то, вероятно, это крестьяне. Свидетели в целом покорно отвечают на каверзные вопросы из анкеты Буонаккорси, хотя иногда и позволяют себе иронизировать, очевидно, устав от утомительной процедуры. Так, Гийом Базани не может устоять перед желанием изложить свои соображения, основанные на игре слов. Он говорит о Виллани: «Этот Матвей носит вполне подходящую фамилию, потому что эта фамилия подходит к тому, что он сделал, а сделал он большую гадость, то есть хитрость и подлость» (14). Другой свидетель. Гуго Мойссон, после множества вопросов о том, когда он видел в последний раз Аннибала де Мустье, покойного мужа Сибиллы, отвечает, что ему не случилось видеть Аннибала после того, как тот был похоронен (15).

Свидетели по делу Сибиллы, в том числе и неграмотные, вполне уверенно ориентируются во времени и в пространстве. Их способы отсчета времени отличаются, однако от привычных для нас. Это явствует из их ответов на вопросы, касающиеся различных событий из жизни Сибиллы — заключения брака, смерти мужа, рождения сына. Наиболее прочно они привязывают факты не к определенному году и числу (здесь часто бывают заметные погрешности, легко устанавливающиеся при сопоставлении их показаний с датами нотариальных актов, фиксирующих событие), а к религиозным праздникам. В целом же расследование показывает, что даже неграмотные сельские жители знакомы со счетом време-

ни по годам. Правда, точностью их счет не отличается.

В пространстве жители Риеза и Антревена ориентируются лучше. Они хорошо знают свою округу и населенные пункты, лежащие в непосредственной близости. Однако, выходя за пределы своего диоцеза, они часто теряются и дают приблизительные сведения.

Как было обозначено выше, основной целью расследований в Провансе было установление личности Сибиллы и реальности ее права действовать в качестве вдовы Аннибала де Мустье и попечительницы Аннибальде де Мустье. Таким образом, семейные отношения находятся как бы в фокусе обеих анкет, что дает нам важную историческую и этнографическую информацию. Внимательно проследив перипетии личной судьбы Сибиллы де Кабрис, мы можем составить известное представление о положении женщины-дворянки в Южной Франции и об имущественных отношениях в дворянских семьях.

Заключение брака мыслится провансальцами прежде всего как сложный ритуал, проходящий ряд этапов. Начальную стадию составляют переговоры родителей о материальной стороне дела. Эти переговоры касаются прежде всего размеров приданого и ведутся в виде дискуссии, в которой участвуют близкие друзья обеих сторон. Если родители пришли к соглашению, молодые люди могут встречаться друг с другом. После этого нотариус редактирует брачный контракт, называемый «Установление приданого». Приданое юной Сибиллы де Кабрис (ей могло быть 15—16 лет) невелико, но вполне соответствует имущественному и социальному статусу ее семьи. Вслед за брачным контрактом — церковное венчание — *desponsatio* — сакральная процедура, сопровождающаяся обменом кольцами. Эта процедура осуществляется там, где живут родители невесты и вовсе не означает еще заключения брака. В доме родителей невесты задается пир, а затем на следующий день, кортеж движется в дом жениха, где также устраиваются торжества — *purcie*. Таким образом, вначале *desponsatio*, после этого — *purcie*. Лишь в случае выполнения всех этих обрядов брак считается заключенным. Свидетели по делу Сибиллы де Кабрис обстоятельно и с удовольствием описывают брачную церемонию, особенно ее завершающий этап — *purcie* — в доме Аннибала де Мустье. В этих обрядах мы без труда угадываем пережитки, хотя и сильно трансформировавшиеся, древнего матрилокального брака. Эт-

нографа, без сомнения, привлекут фрагменты расследования, посвященные этому сюжету.

Семейная жизнь Сибиллы прервалась в результате трагического события. Ее муж, как показывают свидетели, будучи большим поклонником рыцарских турниров был случайно ранен копьем в горло и скончался. В возрасте примерно 20 лет Сибилла оказалась вдовой и столкнулась с многими трудностями. Описание этих трудностей содержится в показаниях свидетельницы Раймонды Кабрильяны (16). Несмотря на то, что Сибилла была беременна, родители ее покойного мужа решили выбросить ее из деревни Антревен, заявив, что она спрятала под платье ворох простыней или же подушку. В связи с этим родители Сибиллы прибыли в Антревен, чтобы находиться рядом с дочерью. Затем отец Сибиллы обращается в королевский суд в г. Динь, центр бальяжа, к которому принадлежит Антревен. В обращении он просит освидетельствовать беременность дочери и назначить ей попечителя. В Антревен прибывают чиновники из Диня и назначают нескольких женщин «экспертами» по поводу состояния Сибиллы. Эти дамы освидетельствовали беременность Сибиллы и получили предписание оставаться при ней денно и нощно и не отлучаться всем одновременно под страхом тяжелого штрафа.

Как только Сибилла почувствовала приближение родов, мать ее бросилась на поиски нотариуса, а также родителей покойного Аннибала, сомневавшихся в беременности невестки. Она пригласила вдобавок более двадцати жительниц Антревена, чтобы они присутствовали при родах и могли выступить свидетельницами. Одна за другой, все приглашенные женщины вошли в комнату Сибиллы, причем предварительно их обыскали, дабы они не пронесли тайком какого-нибудь ребенка. Из комнаты вынесли всю мебель, где можно было бы спрятать ребенка. Затем из комнаты удалили мужчин, которые пристроились в дверях и наблюдали за происходящим. Приняв из рук свидетельницы Аислены, жены Иснарда Райньера, новорожденного, мать Сибиллы, Раймонда подняла его повыше и громко закричала: «Вот что породила моя дочь...!» (17). Затем она обратилась к присутствовавшему там нотариусу с тем, чтобы он составил все необходимые документы.

Свидетельство Раймонды Кабрильяны подтверждается другими документами из дела Сибиллы де Кабрис. Каким бы страшным и чудовищным издевательством ни казалась сов-

ременному человеку описанная выше процедура родов Сибиллы, она все же является достаточно близкой к той, которую предписывают в подобных случаях нормы римского права. В XXV книге Дигест, титуле 4. содержится комментарий Ульпиана на фундаментальный текст римского права — эдикт претора. Выдержка из этого комментария приводится Н. Куле для сравнения процедур (18). Лишь немногие нюансы отличают провансальскую практику, ярко описанную Раймондой Кабрильяной, от предписаний классического римского права. Можно, впрочем, предполагать, что Раймонда Кабрильяна, не имеющая ни малейшего представления о римском праве, неверно истолковывает причины всех этих действий, которые производились по отношению к Сибилле. Раймонда связывает их исключительно с недоброжелательностью родителей Аннибала де Мустье. Права ли она?

Внимательное изучение относящихся к делу документов показывает, что, хотя Раймонда и не понимает сути юридического сценария, в котором она приняла участие, ее заявление базируется на вполне реальных фактах. Документ от 5 февраля 1337 г. содержит заявление нотариуса Бонифация Сальвани из Динья о том, что он, будучи назначен попечителем живота Сибиллы (это также предписывается нормами римского права, переносящего на живот беременной женщины права ее покойного мужа), не может составить полный инвентарь имущества покойного Аннибала, так как другие его братья, младшие по возрасту, захватили часть его земель. Свидетельства о запоздалом крещении Аннибальде также подкрепляют позицию Раймонды Кабрильяны. Ребенка не крестили, пока не прибыл брат его деда, клирик высокого ранга, чье вмешательство упрочивало права Аннибальде, оспаривавшиеся де-факто его многочисленными дядьями.

Эти семейные неурядицы, причиной которых является банальный дележ земельного наследства, заставили Сибиллу обратиться за покровительством к королю. В результате в деле Сибиллы осели документы, исходящие из королевской канцелярии и дающие нам сведения о том, как мыслились взаимоотношения между королем и его мелкопоместным вассалом в Провансе в первой половине XIV в.

На этом, пожалуй, можно окончить первичное описание незавершенного дела Сибиллы де Кабрис. Как мы постарались показать выше, его богатый документальный материал может послужить базой для исследователей, представляющих самые различные области гуманитарного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Coulet N. Riffaires d'argent et affaires de famille en Haute Provence au XIV-e siècle. Le dossier du procès de Sybille de Cabris contre Matteo Villani et la compagnie des Buonaccorsi (Archivio di Stato di Tirenze, Mercanzia, 1414 3). — Ecole Francaise de Rome, Palais Farnése, 1992. — 257 p.
2. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. — Л.: ЛГУ, 1955. — С. 322-323.
3. См.: Люблинская А. Д. Источниковедение... — С. 110.
4. Coulet N. Affaires... — P. 1—20.
5. Подробнее об этой компании см.: Luzzati M, Giovanni Villani e la compagnia dei Buonaccorsi. — Roma, 1971.
6. Репрессалиями назывались конфискации товаров и денег у купцов-иноземцев властями земель, где они пребывали. Конфискации производились в случаях, если местные купцы терпели насилие в странах, откуда прибыли купцы-иноземцы. Эта грубая норма талионного права действовала в странах Западной Европы в эпоху развитого средневековья. — См.: Mas Latrie R. de. Du droit de marque ou droit de représsailles au Moyen Age. — Bibliothèque de l'Ecole des Chartes, 1866. — Т. 27. — P. 529—535; 1868. — Т. 29. — P. 294—612.
7. Coulet N. Affaires... — P. 34.
8. Giry A. Manuel de diplomatique, t. 2, P. 1925. — P. 480.
9. Renouard Y. Le Compagnie commerciali florentine del Trecento — Etudes d'Histoire médiévale. — Т. 1. — Paris, 1868.
10. См.: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV в.в. — М., 1977.
11. Coulet N. Affaires... — P. 35.
12. Luzzati M, Giovanni Villani... — P. 90.
13. Краткий филологический анализ выполнен в комментарии Н. Куле, см. Coulet N. Affaires... — P. 47—49.
14. По-провансальски слово «vilan» значит «гадкий». Допрос Базани см. Coulet N. Affaires..., dos. — Т. 8.
15. Coulet N. Affaires..., dos. — Т. 1.
16. Ibidem, dos. — Т. 10.
17. Ibidem, dos. — Т. 10.
18. Ibidem. — P. 84—85.

**ПРЕССА ЮЖНЫХ ГУБЕРНИЙ УКРАИНЫ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ**

Целостную группу источников, организованных в определенные формы, имеющих общественное назначение и социально-культурное функционирование, представляет периодическая печать. История отечественной периодики, главным образом выходившей в столицах — Петербурге и Москве, освещена в работах литературоведов, историков журналистики и газетного дела (1). Однако весьма слабо изучена и редко привлекается в качестве источника провинциальная печать, на страницах которой содержится ценный материал по истории различных регионов страны. Некоторые вопросы становления и развития ряда газетных изданий южных губерний Украины рассматривались в исследовательской литературе (2). в то же время газетная периодика Новороссии первой половины XIX в. как единый комплекс и особый вид источников по истории края до настоящего времени не являлась предметом исследования.

Газета — источник своеобразный, многоплановый не только по содержанию, но и по формам, структурам заключенного в ней фактического материала. Особенностью печати как исторического источника является ее полифонизм. В газетах публиковались источники двух основных разновидностей: материалы, облеченные в собственно газетные формы (статьи, заметки, корреспонденции и т. д.), и многочисленные тексты-источники, представляющие по сути иные виды исторических источников (законодательные акты, статистические материалы, мемуарно-эпистолярные памятники и др.). Подавляющую часть опубликованных в прессе материалов составляют газетные жанры. В их структуре следует выделить два элемента: собственно фактический материал и авторские комментарии к нему. Различное сочетание этих двух элементов отличает один жанр от другого. Особую ценность для историка пред-

ставляет фактический материал, содержащийся в газетных публикациях, но субъективная трактовка фактов. их интерпретация не менее важна. так как позволяет выявить позиции редакции и выступавших в прессе авторов, нередко представлявших различные социальные слои и политические течения, дает возможность определить основные направления идейной борьбы исследуемой эпохи.

Полифонизм обуславливает, с одной стороны, многоаспектность периодики как исторического источника. с другой — специфику приемов и методов источниковедческого анализа отдельных текстов-источников, опубликованных в ней. В исследовательской литературе встречаются в основном два подхода к изучению газетной периодики: 1) общеаналитический, в задачи которого входит изучение истории возникновения и функционирования определенного издания или группы изданий, 2) конкретно-аналитический, имеющий целью исследование определенной проблемы на материалах периодической печати. Оба подхода предполагают обычно содержательно-описательный анализ печати на основе фронтального или комплексного метода ее изучения. В настоящее время в целях повышения информативной отдачи источника применяется содержательно-количественный анализ печати, главным образом контент-анализ, суть которого сводится к тому. чтобы выявить легко подсчитываемые признаки, черты, свойства источника (например, частота употребления определенных терминов, понятий, газетных рубрик. освещаемых проблем и т. д.), которые бы отражали существенные стороны его содержания (3). Тогда качественное содержание делается измеримым, пригодным для точных вычислительных операций, а результаты анализа становятся более объективными. Контент-анализ может успешно применяться при изучении губернской печати, которой присущи два основных принципа массового источника: типологизация общественных явлений, отраженных в ней, и информационная насыщенность.

Существенно различаясь, традиционный содержательно-качественный и утверждающийся ныне формально-количественный анализ материалов прессы не исключают, а взаимно дополняют друг друга, позволяя компенсировать имеющиеся в каждом недостатки, ибо преследуют одну и ту же цель — получение достоверных и надежных результатов исследования, поэтому их органическое сочетание является наиболее эффективным.

При изучении такого источника как подцензурная печать

необходимо учитывать особенности ее функционирования в исследуемый период. Условия развития печати в России определялись законодательством о печати, цензурными уставами и правилами, системой цензурных органов, сформировавшихся в первой половине XIX в. Рычаги управления печатью находились в руках учрежденного в 1828 г. Главного управления цензуры в Петербурге и сложившейся следом разветвленной системы цензурных органов на местах. Так, на территории Украины контроль за направлением местной прессы осуществляли два цензурных комитета: Киевский и Одесский. Кроме того, учитывая, что Главное управление цензуры находилось в ведении Министерства народного просвещения, большую роль в системе цензурирования играли попечители учебных округов. Печать Новороссийского края находилась под контролем попечителя Одесского учебного округа, одновременно возглавлявшего и Одесский цензурный комитет. Непосредственно цензурирование прессы на местах осуществляли местные цензоры, назначавшиеся из числа преподавателей учебных заведений и чиновников учебного ведомства. Постоянный надзор за печатью осуществляла также губернская администрация.

Зарождение газетной периодики в южных губерниях Украины уходит своими корнями в первую четверть XIX в. Центром становления и развития газетного дела на Юге стал молодой и быстро растущий, портовый город Одесса. 1 апреля 1820 г. здесь начала выходить на французском языке газета «*Messenger de la Russie meridionale ou benille commercial public. Pautorisation de gouverumen*». Издавал и редактировал ее французский эмигрант Ж. Даваллон (4), прибывший в Одессу по приглашению герцога Э. де Ришелье.

В газете освещались преимущественно потребности судоходства и торговли: условия навигации, цены на товар, сведения о движении кораблей и т. д. Периодически в ней публиковались информационные и изредко аналитические статьи о развитии отечественной и зарубежной торговли, помещались известия о театральной жизни Одессы. Летом 1821 г. редакция предприняла попытку издавать газету на русском языке. Однако только 7 подписчиков выразили желание получать ее, поэтому русский вариант издания вышел лишь дважды. Информационно-рекламный характер публикации газеты значительно сокращал круг подписчиков. Попытки редактора самовольно расширить рамки официально утвержденной программы привели к конфликту с губернской адми-

пистратцией. 16 октября 1823 г. издание этой газеты было прекращено.

17 ноября 1823 г. в Одессе начала выходить новая газета на французском языке «Journal d'Odessa», которую редактировал К. Сейтц (5). По содержанию она была разнообразнее предыдущей. Наряду с торговыми известиями в газете публиковались политические сообщения, литературные статьи, театральные рецензии. Следует отметить, что информация, предназначенная к сведению всех слоев населения Одессы и края, печаталась на французском и русском языках. Так, почти каждый номер газеты имел приложение, именованное «Публикация по повелению начальства», в котором содержались объявления «От одесской городской полиции», «От Новороссийского генерал-губернатора и Полномочного наместника Бессарабской области», «От одесской портовой таможни» и др. (6).

Первые одесские газеты, издававшиеся на французском языке, являются важным источником для изучения начального этапа становления судоходства и торговли в Одессе и Новороссии. содержат сведения о культурной жизни города.

Во второй половине 20-х гг. XIX в. губернская администрация поставила цель основать в Одессе газету на русском языке с широкой и разнообразной программой. Важной вехой на этом пути явилось издание с 5 января 1827 г. по инициативе Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова двуязычной газеты «Одесский вестник» — «Journal d'Odessa». Газета выходила два раза в неделю и состояла из четырех страниц по две колонки на каждой: с правой стороны французский, с левой — русский текст. Организаторами и ведущими сотрудниками «Одесского вестника» в первые годы его существования были чиновники канцелярии генерал-губернатора: А. И. Левшин — вскоре одесский градоначальник, впоследствии товарищ министра внутренних дел, П. И. Брунов — автор литературных трудов, позднее известный дипломат. В газете сотрудничали также археологи П. И. Бларамберг, И. А. Слемпковский, поэт В. И. Туманский. Программа «Одесского вестника» строилась по образцу частных столичных изданий и содержала ряд отделов: 1) внутреннее обозрение, 2) политические известия (первоначально материалы для него перепечатывались из столичной прессы), 3) современная хроника, 4) статьи, фельетоны, имевшие в первой половине XIX в. значение передовой редакционной статьи, 5) торговый бюллетень, 6) объявления. В пери-

од русско-турецкой кампании 1828—1829 г.г. в газете была введена рубрика «Военные известия».

«Одесский вестник» быстро завоевал популярность, постоянно росло число его подписчиков. В 1831 г. издававшийся на русском языке раздел газеты выделился в самостоятельное издание, выходявшее параллельно с французским. Издавал и редактировал «Одесский вестник» в начале 30-х г.г. XIX в. М. П. Розберг (7).

В газете была продолжена традиция одесской печати широко публиковать материалы о развитии судоходства и торговли. Так, в рубрике «Торговля и мореплавание» помещались сведения о кабатажном судоходстве в портах Черного и Азовского морей, данные о торговых операциях, вывозе хлеба за границу, денежном курсе. Эти материалы позволяют всесторонне изучить процесс становления Одессы как крупного порта и торгового центра Новороссии. Значительный интерес представляют рубрики газеты «Сельское хозяйство» и «Статистика», в которых публиковались сведения о развитии местной промышленности, сельского хозяйства, основании и деятельности учебных заведений, динамике народонаселения в крае (8). В отделах «Внутреннее обозрение» и «Военные известия» нашли отражение события русско-турецкой войны 1828—1829 г.г., польского восстания 1830—1831 г.г., их оценка официальными властями.

Не менее важное значение для изучения истории Новороссии имеет отдел «Древности: изыскания и открытия по части древней истории и географии». На рубеже 20—30-х г.г. XIX в. в нем публиковались в основном археологические материалы об античных поселениях на территории края. В 1833 г. в «Одесском вестнике» была введена рубрика «Материалы для истории Одессы», положившая начало систематической публикации исторических документов на страницах газеты. В этом же году стали выходить «Литературные листки» — прибавления к «Одесскому вестнику» (1833—1834 г.г.). В них печатались научные статьи по истории, географии, естественным наукам, а также — повести, рассказы, стихи, критика и библиография, известия о театральной жизни.

С 1834 г. по 1857 г. «Одесский вестник» редактировал известный статистик А. Г. Тройницкий. В этот период газета приобрела новые черты: увеличился ее формат, обновились рубрики. С 1837 г. «Одесский вестник» получил право составлять «Политические известия» на основе не только столичной, но и зарубежной печати, что позволило редакции вы-

сказывать собственные, нередко оригинальные суждения по поводу событий международной жизни.

Ведущее место в «Одесском вестнике» заняли статистические материалы: сведения о торговле и судоходстве в Одесском, Херсонском, Николаевском, Очаковском портах, статистические описания населенных пунктов края, выполненные в традициях российской статистики первой половины XIX в., данные о заселении южных губерний и др. (9). Ряд статистических материалов редакция помещала в форме сводных таблиц, данные которых в настоящее время вполне пригодны для обработки с помощью методов многомерного статистического анализа при исследовании проблемы социально-исторического типологизирования в историко-краеведческих трудах. Ценные статистические сведения о развитии образования в крае содержатся в систематически публиковавшихся со второй половины 30-х г.г. «Годичных актах» и «Исторических записках о действиях Ришельевского лицея». Эти документы представляли собой подробные ежегодные отчеты о состоянии Ришельевского лицея и находившейся в его ведении гимназии (10).

По-прежнему содержательным оставался отдел «История», имевший в этот период две основные рубрики: «Материалы для истории Одессы» и «Материалы для истории Новороссийского края». В нем в 30—50-е г.г. XIX в. были опубликованы «Высочайшие рескрипты» Екатерины II об основании нового города-порта (от 27 мая 1794 г.), учреждении портовой таможни (от 17 июля 1794 г.), два «Положения», составленные П. Зубовым и утвержденные императрицей, — «О поселении в окрестностях Одессы греков и албанцев» и «Положение для вызываемых из Архипелага и других заграничных мест в Одессу градских переселенцев» (от 19 апреля 1795 г.), данные первой переписи населения Одессы, документы по истории порто-франко, мемуары и т. д. (11).

Помимо исторических источников редакция широко публиковала исследования по истории края видных историков и краеведов А. А. Скальковского, Н. Н. Мурзакевича, К. Н. Смольянинова. В начале 40-х г.г. в «Одесском вестнике» стали публиковаться «Извлечения из протоколов Одесского общества истории и древностей», основанного в 1839 г., что стимулировало интерес к исторической проблематике среди корреспондентов и читателей газеты. Круг постоянных авторов рубрики «Материалы по истории Новороссийского края» значительно вырос. Во второй половине 40-х—50-е г.г. XIX в. на

страницах «Одесского вестника» заметно увеличилось количество этнографических статей и исследований, авторами которых были корреспонденты газеты Ф. Домбровский, И. Ташский, П. Енакиевич, В. Кондараки, К. Булатович (12).

В период Крымской войны 1853—1856 г.г. ведущее место на страницах газеты заняло освещение военных событий. Одновременно редакция публиковала статьи и документы о героическом прошлом России и края: победах в русско-турецких войнах второй половины XVIII в., пребывании в Херсоне А. В. Суворова, истории Дунайского казачьего войска.

В конце 1857 г. по инициативе известного хирурга и общественного деятеля Н. И. Пирогова, являвшегося в 1856—1858 г.г. попечителем Одесского учебного округа, «Одесский вестник» из ведения канцелярии генерал-губернатора был передан Ришельевскому лицей (13). В течение 1858 г. газета издавалась под редакцией профессоров лицея А. И. Георгиевского и А. М. Богдановского. «Одесский вестник» этой поры активно включился в обсуждение коренных проблем эпохи отмены крепостного права. Присущий ранее большинству публикаций газеты научно-популярный характер уступил место полемическим статьям. В условиях быстро нараставшего после поражения России в Крымской войне политического кризиса правительство было вынуждено значительно расширить круг вопросов, дозволенных для обсуждения в печати. «Одесский вестник» 1858 г. является в первую очередь источником изучения общественно-политической борьбы и крае на переломе двух эпох.

Активно сотрудничали в газете в 1858 г., делая ее политически острой, бывший участник Кирилло-Мефодиевского братства Н. И. Савич, преподаватель Ришельевского лицея, тайный корреспондент герценовского «Колокола» И. Ф. Мницкий. Автором просветительско-гуманистических статей по проблемам педагогики был Н. И. Пирогов.

На страницах «Одесского вестника» публиковались обличительные статьи о произволе помещиков, взяточничестве чиновников, широко обсуждалась крестьянская проблема. В газете яркое отражение нашла позиция землевладельцев Новороссийского края, являвшегося опромной «фабрикой зерна». Типичный взгляд на предстоящую реформу землевладельцев Юга, становившихся на путь капиталистического предпринимательства, был выражен в статье одного из редакторов газеты А. И. Георгиевского «О существенных условиях процветания промышленности земледельческой». Автор решительно

выступал за немедленную ликвидацию крепостнических отношений «сверху» путем реформы, утверждая, что «обязательный труд несравненно больше вредит всему народному хозяйству, нежели приносит пользы хозяйству землевладельцев, а потому для процветания землевладения необходимо: 1) чтобы в стране не было другого труда, кроме свободного...» (14). Примечательно, что в статье, опубликованной в феврале 1858 г. (до официального разрешения обсуждать в прессе вопрос о выкупе крестьянами наделов) (15), подчеркивалось, что только в случае выкупа земельных наделов «помещельная собственность, и труд, и капитал, и знание могут прийти в нормальные между собой отношения». Статья А. И. Георгиевского задавала тон полемике, в которой в течение 1858 г. приняли участие как сторонники, так и противники крестьянской реформы, но подавляющее большинство авторов статей и заметок ратовало за быстрейшую отмену крепостного права. «Одесский вестник» выступал также за расширение гласности, реформу судопроизводства и другие буржуазные преобразования.

Ярко выраженное либеральное направление газеты не устраивало местную администрацию и цензурные органы. Главное управление цензуры в 1858 г. неоднократно выносило выговоры редакции «Одесского вестника» за публикацию «неблагонамеренных» материалов. Так, цензоры отмечали, что в заметке «Степное хозяйство» (за 23 января) автор «с невыгодной стороны отзываясь о помещиках в отношении к крестьянам», в статье «По поводу состояния современной французской беллетристики» (за 16 февраля) автором «осуждается монархическое правление и хвалится республика», в фельетоне (за 31 мая) центральной цензурой было усмотрено желание «унизить высший класс и помещиков, восстановить против последних крестьян» (16). Если в большинстве публикаций «Одесского вестника» осуждение вызывали отдельные мысли и высказывания, то три статьи Главным управлением цензуры были признаны «вовсе недопустимыми для печати»: 1) «О юридическом образовании», автор А. М. Богдановский (16 января); 2) «Бюджет рабочего в Одессе», автор Н. И. Савич (18 января); 3) «Av ovo», автор А. Ижицин (11 марта) (17). По решению Главного управления цензуры с 1859 г. «Одесский вестник» был вновь возвращен в ведение канцелярии генерал-губернатора.

В 1859 г. газету стал редактировать Н. П. Сокальский — математик по образованию, знаток экономических наук и фи-

нансового дела, талантливый публицист. К работе в газете редактор привлек братьев: профессора Харьковского университета, экономиста, некоторое время в 1857 г. редактировавшего «Одесский вестник» И. П. Сокальского и известного композитора П. П. Сокальского. Для П. П. Сокальского сотрудничество в газете имело серьезное значение, о чем свидетельствует письмо редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому от 12 марта 1859 г., хранящееся в личном архиве адресата. В нем П. П. Сокальский писал, что вернулся из Америки, прервав свое пребывание в этой стране, «для содействия брату Николаю Сокальскому в издании газеты «Одесский вестник» (18). В конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. П. П. Сокальский стал автором многих фельетонов, заметок, литературных и журнальных обзоров, печатаемых под псевдонимами В. Чибисов, Фагот, В. Ч., П. С., П. С.-ий (19).

В этот период корреспонденции в «Одесский вестник» поступали из Херсона, Николаева, Александровска, Керчи. Редакция вновь обратилась к публикации материалов по истории края, интерес к которым явно ослаб после окончания Крымской войны. В целом тон публикаций газеты сделался менее острым, но полемичность ряда статей и материалов все же сохранялась. «Одесский вестник» продолжал оставаться под пристальным вниманием цензуры и входил в 48 периодических изданий страны, которые были отнесены к «наиболее нуждающимся в цензурной опеке» (20).

Количественный анализ содержания специальных рубрик и отдельных материалов «Одесского вестника» позволяет условно выделить ряд этапов, характеризующихся отношением редакции к публикации на страницах газеты тех или иных материалов историко-краеведческой направленности, определить приоритеты редакции на каждом из них. Количественные данные могут быть представлены в форме таблицы:

Этапы	Публикация исследований и материалов по				Публикации исторических документов
	археологии	истории	статистике	этнографии	

I этап (1827—1833)	8	4	5	—	4
II этап (1834—1840)	9	17	28	—	6

Этапы	Публикация исследований и материалов по				Публикация исторических документов
	археологии	истории	статистике	этнографии	
III этап (1841—1847)	4	16	23	7	3
IV этап (1848—1854)	3	14	31	5	8
V этап (1855—1861)	2	11	27	12	7

Данные таблицы позволяют сделать некоторые выводы и обобщения. На первом этапе публикация материалов историко-краеведческого характера еще не занимала заметного места среди всей совокупности помещенных в газете материалов. В то же время среди опубликованных статей и исследований по данной проблеме преобладали материалы по археологии. Хотя количество опубликованных в газете исторических документов приблизительно равно числу статей по истории и статистике, но все они помещены в течение 1833 г. с введением рубрики «Материалы по истории края», когда в последний год редакторства М. П. Розберга «Одесский вестник» серьезно обратился к освещению историко-краеведческой тематики. Второй этап (1834—1840) с приходом в редакцию А. Г. Тройницкого характеризуется резким увеличением материалов по статистике, возрастает число статей по истории края. Третий этап (1841—1847) отличается появлением этнографических публикаций. Четвертый этап (1848—1854) характеризуется сохранением устойчивого интереса редакции к статистике и истории края, в то же время сокращается число археологических статей и материалов. На пятом этапе (1855—1861) при некотором сокращении общего числа публикаций историко-краеведческого характера обращает на себя внимание возросший интерес редакции к этнографическим проблемам: быту, обрядам, обычаям народов, населявших Новороссийский край.

С 1838 г. во всех губерниях Новороссии стали издаваться «Губернские ведомости» — официальные издания, призванные стать рупором правительственной политики на местах. «Ведомости» были еженедельной газетой, их тираж колебался от нескольких сотен до двух тысяч экземпляров. Подавляющую часть тиража получали церковные приходы, волост-

ные и губернские правления, лишь несколько сотен экземпляров распространялось по подписке. Так. «Херсонские губернские ведомости» в 1858 г. издавались тиражом 743 экземпляра и имели 133 частных подписчика (21).

«Губернские ведомости» состояли из двух частей: официальной и неофициальной. Официальная часть в свою очередь делилась на общий и местный отделы. В общем отделе печатались официальные правительственные постановления: указы, манифесты и т. д. В местном отделе публиковались указы губернского правления, циркуляры и предписания губернатора, ежемесячные сведения о состоянии делопроизводства, известия о перемещении по службе, объявления. Многочисленные объявления, помещенные в официальной части «Губернских ведомостей», являются ценным источником для изучения состояния помещичьего и крестьянского хозяйства в первой половине XIX в. По мере усиления кризиса феодально-крепостнической системы все большее место в «Ведомостях» занимали объявления о продаже помещичьих имений, пахотных земель и т. д. Объявления «Вызов к торгам» и «О торгах» содержали сведения о количестве и качестве земли в назначенном к продаже имении, ее распределении по угодьям, данные о числе крепостных крестьян и состоянии их хозяйств. Систематически на страницах «Губернских ведомостей» Новороссийского края публиковались объявления «О бродягах» — списки задержанных «за неимением письменного вида» крестьян, бежавших от помещичьего произвола. Анализ этих материалов позволяет расширить источниковую базу изучения антикрепостнической борьбы крестьянства в целом и одной из ее форм — побегов.

Значительный интерес представляет неофициальная часть «Губернских ведомостей» или «Прибавления», как она часто именовалась. Программа неофициальной части была подробнейшим образом регламентирована правительством. В ней разрешалось помещать материалы об экономическом состоянии губернии, данные о ценах на продовольствие, полезные советы в области сельского хозяйства и домоводства, исторические сведения о губернии, сообщения о «чрезвычайных происшествиях». Редакторами неофициальной части обычно назначались чиновники губернского правления или преподаватели местных учебных заведений. Для первой половины XIX в. характерна частая смена редакторов «Губернских ведомостей». Постоянных сотрудников редакция газеты не имела из-за отсутствия средств на выплату гонорара, но круг добро-

вольных корреспондентов был достаточно велик. Обилие корреспонденций с мест делает «Ведомости» ценным источником для изучения подходов к местным проблемам представителей различных общественных слоев.

В конце 30-х — 40-е г.г. XIX в. в «Губернских ведомостях» Новороссии содержались преимущественно материалы о развитии промышленности и сельского хозяйства, основании и деятельности учебных заведений в губернии, историко-краеведческие исследования. Так, в «Херсонских губернских ведомостях» почти ежегодно помещались статьи под названием «Заводы и фабрики Херсонской губернии», в которых обобщены статистические данные о количестве и размещении промышленных предприятий, численности рабочих на них. С 1846 г. в газете прочно утвердилась рубрика «Сведения о Херсоне и Херсонской губернии», представляющая значительный интерес для изучения истории края, его заселения и развития.

В «Екатеринославских губернских ведомостях» в 1844 г. была открыта рубрика «Отдел исторический и статистический», две трети которого составляют статистические описания городов губернии. Иногда в этом отделе редакция помещала малоизвестные исторические документы, в частности, приказы гетмана И. Скоропатского, обнаруженные в архиве Екатеринославского губернского правления (22).

Редакция «Таврических губернских ведомостей» хотя и не имела постоянной исторической рубрики, но в 40—50-е г.г. XIX в. систематически публиковала материалы исследований археологических памятников Крыма, особенно Херсона. Обширный комплекс публикаций газеты составляют этнографические материалы о быте, нравах, обрядах крымских татар, а также документы по истории Крымского ханства: ханские грамоты и ярлыки (23). Редакция широко публиковала статистические сведения и исторические справки о заселении Крыма после присоединения к России.

В 50-е годы XIX в. на страницах «Губернских ведомостей» стали появляться сведения о нищенском существовании крестьян, разорении их хозяйств, которые содержались преимущественно в разделах «Местные известия», «Вести из губерний», «Хроника», «Чрезвычайные происшествия», корреспонденциях с мест. В период подготовки крестьянской реформы в «Губернских ведомостях» Новороссии стали активно выступать представители либерального дворянства, заинтересованные в развитии своего хозяйства по-капиталистически. Поме-

щики Херсонской и Таврической губерний не затрагивали в своих статьях условий отмены крепостного права, но большинство из них решительно отстаивали преимущества применения вольнонаемного труда в хозяйстве землевладельцев (24).

«Екатеринославские губернские ведомости» стали одними из немногих «Ведомостей», выходявших в России, на страницах которых обсуждались непосредственные условия отмены крепостного права. Среди статей, посвященных этой проблеме, особый интерес представляет статья В. Вильегорского «Мысли по поводу надела помещичьих крестьян землей в Екатеринославской губернии» (25). Учитывая особенности природных условий и почвы, автор произвел подробные расчеты размеров минимальных земельных наделов, необходимых для содержания крестьянской семьи. Полемизируя с принятым в губернском дворянском комитете проектом о предоставлении в пользование крестьянам от 2 до 3 десятин на ревизскую душу, автор доказывал, что семья, состоящая из «3 ревизских душ (в семействе 6 душ) на 9 десятинах не прокормит скота и не получит хлеба в достаточном количестве для содержания семейства». Он считал, что даже для «бедного состояния крестьянина» необходимо «не менее 4-х десятин на душу», а для нормального существования крестьянской семье необходимо «от 5 до 7 десятин» (26). Это было единственное выступление в прессе Новороссийского края, в котором отстаивалась необходимость увеличения крестьянских наделов по сравнению с решениями местных дворянских комитетов.

В период общественного подъема конца 50-х — начала 60-х г.г. XIX в. в «Губернских ведомостях», выходящих в Новороссии, нашли отражение требования, выдвигаемые либеральной печатью страны: ослабление цензурного гнета, расширение прав местной печати, равенства всех перед законом, независимости судей, суда присяжных. Следовательно, наличие либеральных тенденций в условиях общественно-политического кризиса было присуще и этим сугубо официальным изданиям, что позволяет привлекать «Губернские ведомости» в качестве источника для изучения общественного движения в провинции в середине XIX в.

Представители торгово-промышленных кругов Новороссии, ранее активно использовавшие для изложения своих взглядов выходящую в крае периодическую печать, в конце 50-х г.г. XIX в. стали энергично добиваться создания собственных органов печати. Еще в 1853 г. в Керчи издавались «Объявления

Керчь-Еникальского градоначальства», соответствовавшие официальной части «Губернских ведомостей», в которых особое внимание уделялось коммерческим объявлениям. Издание «Объявлений» было прервано Крымской войной. В 1857 г. купец И. Холева открыл в Керчи частную типографию и вскоре подал прошение о возобновлении издания «Объявлений», на что было получено разрешение (27).

В течение 1858—1859 г.г. в городе издавались «Объявления Керчь-Еникальского градоначальства», состоявшие из нескольких отделов различных объявлений: 1) объявления местного начальства, 2) объявления городских учреждений, 3) объявления частных лиц, 4) библиографические известия, 5) объявления о движении пароходов Русского общества пароходства и торговли при Керченском порте. Однако исключительно информационный характер издания не мог удовлетворить растущих потребностей буржуазных кругов города в обмене мнениями по ряду актуальных общественных вопросов. Поэтому торговая буржуазия Керчи ходатайствовала перед правительством о разрешении на издание неофициальной части в местных «Объявлениях» (28).

С 1860 г. в Керчи разрешили издавать особую газету под названием «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства», которая состояла из официальной и неофициальной части. Название газеты определялось по аналогии с издававшимися в столицах — Петербурге и Москве «Ведомостями городской полиции», так как их программа была взята за основу для программы Керченской газеты. «Полицейский листок» был официальным изданием, выходил под наблюдением градоначальника, который санкционировал издание каждого номера.

Первые полгода «Полицейский листок» редактировал участник Крымской войны и обороны Севастополя В. И. Игнатьев. Со второй половины 1861 г. редактором газеты стал И. Холева, что упрочило в ней позиции торговой буржуазии. «Полицейский листок» придерживался буржуазно-либерального направления. Большинство корреспондентов газеты являлось представителями торгово-промышленных кругов Керчи, но на ее страницах выступали и землевладельцы Крыма, излагавшие свои взгляды по вопросам экономического развития края.

В Одессе в течение 1860 г. издавалась первая ведомственная буржуазная газета на Украине «Листок Русского общества пароходства и торговли» (далее — «Листок РОПиТ»). Га-

зета выходила на средства крупной паровой акционерной компании «Русское общество пароходства и торговли», общее собрание акционеров которой признало «полезным издавать в Одессе коммерческую газету», имевшую сугубо ведомственные цели (29). «Листок РОПиТ», как и большинство газетных изданий того времени, состоял из двух отделов. В первом отделе публиковались распоряжения конторы общества, во втором — коммерческие известия из разных портов, статистические и технические данные о деятельности общества и т. д. Эта тематика реализовывалась в следующих основных рубриках: «Домашние вопросы», «Движение пароходства», «Внутренние торгово-промышленные известия», «Биржевые торговые известия», «Заграничные торгово-промышленные известия». По жанрам публиковавшийся в газете материал носил разнообразный характер: передовые статьи, обозрения, информация, хроника, обзоры почты и т. д.

Первым редактором «Листка РОПиТ» был известный и литературно-общественных кругах либерал С. С. Громеко. В конце 50-х г.г. XIX в. один из корреспондентов «Колокола» А. И. Герцена. С 50-го номера газету стал редактировать служащий конторы общества А. Г. де-Брюкс. В «Листке РОПиТ» постоянно публиковали статьи и корреспонденции сотрудники акционерного общества, его агенты в портах Азовского и Черного морей: Ф. Захариевич, А. Дьяченко, А. Санковский, М. Бартенев и другие. Газета имела собственных корреспондентов в Константинополе, Афинах, Александрии, Триесте, Марселе, Варне.

«Листок РОПиТ» и «Полицейский листок Керчь-Еникальсского градоначальства» соединили в себе общие черты либеральной печати страны в целом и специфику интересов торгово-промышленной буржуазии южных губерний. Авторы статей, публиковавшихся в этих газетах, всячески стремились подчеркнуть возрастающую роль буржуазии в экономической и общественной жизни страны. Уже в программной статье 1-го номера «Листка РОПиТ» говорилось: «Давно прошло то время, когда занятия коммерческие считались низким занятием, недостойным благородного человека. Прежнее феодально-барское пренебрежение уступило место заботливому изучению коммерческих и промышленных интересов... Не станем доказывать, как тесно связаны торговые интересы государства с их внешней и внутренней политикой» (30). Обе газеты поддерживали общие для российской буржуазии требования о свободе «частной инициативы», смягчении жесткой регламен-

тации, «упрощении таможенных формальностей», мешавших капиталистическому развитию промышленности и торговли в стране. устранении других препятствий, которые ставила на этом пути царская бюрократия (31).

Характерны выступления в этих газетах по вопросам таможенной политики правительства. Выражая интересы торгово-промышленных кругов Юга, редакции обеих газет занимали позиции, противоположные позициям торгово-промышленной буржуазии Центральной России, в защиту которой царизм осуществлял протекционистскую политику во внешне-торговых связях. Редакция «Полицейского Листка» неоднократно заявляла, что «покровительством ничего в наше время не сделаешь» (32), а сотрудники «Листка РОПиТ» подчеркивали, что «в торговле мы постоянно стояли за свободу ее, при всяком удобном случае доказывали несостоятельность пробигитативной системы» (33).

В 50-е г.г. XIX в. в России заметно усилилось торгово-промышленное акционерное учредительство, материалы о котором охотно публиковала буржуазная печать. По данным «Листка РОПиТ» в России в 1858 г. насчитывалось 94 акционерные компании, 17 из которых возникли в течение этого года. В то же время газета отмечала, что многие из акционерных компаний недолговечны в силу «неблагоприятного положения акционерных капиталов» (34). Дальнейшее развитие акционерной формы капиталистической организации торговли и промышленности буржуазная пресса связывала с преобразованием финансовой системы, с широким проведением буржуазных реформ в стране.

В «Полицейском листке» и «Листке РОПиТ» содержатся сведения о полуголодном существовании и изнурительном гряде рабочих на соляных промыслах в Крыму, строительстве железной дороги в районе Феодосии, положении сельскохозяйственных рабочих и различных проявлениях их протеста (35). Газеты буржуазного направления специального внимания обсуждению крестьянского вопроса не уделяли, но на их страницах все-таки нашла отражение позиция буржуазии в отношении предстоящей реформы. Отсутствие свободных рабочих рук тормозило развитие промышленности, транспорта, торговли, поэтому обе газеты выступали за быстрейшее проведение крестьянской реформы (36).

Материалы по ранним периодам истории Новороссийского края в этих газетах встречаются крайне редко. В этом плане обращает на себя внимание лишь цикл статей «Очерк исто-

рии Керчи в древние, средние и новые времена», опубликованный в январе-феврале 1860 г. на страницах «Полицейского листка». Газеты «Листок РОПит» и «Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства» являются прежде всего источником для изучения торгово-промышленной деятельности буржуазии южных губерний Украины и ее позиций в идейной борьбе периода отмены крепостного права.

Таким образом, источниковедческая ценность газетной периодики Новороссийского края в силу присущего печати полифонизма имеет два основных аспекта: 1) материалы прессы, выходявшей в регионе, являются важным источником по истории общественной мысли, общественно-политического движения, социально-экономического развития южных губерний периода ее издания (20-е — начало 60-х г.г. XIX в.); 2) отдельные газетные рубрики, опубликованные в прессе тексты-источники содержат сведения о более ранних периодах исторического развития края, систематическая публикация этих материалов осуществлялась с середины 30-х г.г. XIX в. Оба аспекта, тесно взаимосвязанные, делают газетную периодику Новороссии первой половины XIX в. содержательным и многоплановым историческим источником.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Герасимова Ю. И. Из истории русской печати конца 1850-х — начала 1860-х г.г. — М., 1974; Есин Б. П. Русская газета и газетное дело в России. — М., 1981; Ухалов Е. С. История русской журналистики XIX века. — М., 1971; Федченко П. М. Преса та її попередники. Історія зародження і основні закономірності розвитку. — К., 1969 и др.

2. См.: Берман Я. З. До столітніх роковин заснування газети «Одеський вестник» (1827—1927). Матеріали до історичного нарису. — К., 1928; Лернер Н. Первая Одесская газета. Страничка из истории русской печати. — Одесса, 1901 и др.

3. Архангельская И. Д. К вопросу изучения периодической печати методами контент-анализа. // Методы количественного анализа текст-нарративных источников. — М., 1983. — С. 24—32.

4. Государственный архив Одесской области (далее ГАОО). — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 40. — Л. 8—14.

5. ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 40. — Л. 69—72.

№ 5, 7, 11, 18, 74 и др.

6. Journal d'Adessa ou Courrier commercial de la Nouvelle Russie. — 1824. — № 5, 7, 11, 18, 74 и др.

7. ГАОО. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 125. — Л. 1—6.

8. Одесский вестник. — 1828. — 17 ноября; 1832. — 29 октября и т. д.

9. Одесский вестник. — 1836. — 4, 8, 11 января; 19, 22 февраля; — 1837. — 4, 8 августа; 1846. — 11, 14 декабря; 1847. — 26 февраля; 1850. — 1 апреля.

10. Одесский вестник. — 1846. — 29 июня, 3 июля; 1845. — 24 июня, 27 июля; 1850. — 9, 12, 16 августа, 9, 13, 16 сентября.
11. Одесский вестник. — 1833. — 11, 18 ноября, 19 июля, 6, 30 декабря; 1836. — 4 июля; 1844. — 23 августа; 24 января; 1854. — 12 августа.
12. Одесский вестник. — 1845. — 27 июля; 1847. — 2 апреля; 1848. — 14 января; 1851. — 28, 31 марта; 1854. — 12 августа; 1858. — 3, 8 апреля, 10 июня, 12 июля.
13. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 4262. — Л. 1—6.
14. Одесский вестник. — 1858. — 13 февраля.
15. Касаться вопросов о выкупе крестьянских полевых наделов печати было разрешено лишь в декабре 1858 г. — ГАОО. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 21. — Л. 27.
16. РГИА. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 4370. — Л. 17—18; 42—43.
17. РГИА. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 4370. — Л. 75.
18. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. — Ф. 391 (Архив А. А. Краевского). — № 716. — Л. 326.
19. Отдел рукописей Национальной библиотеки Украины. — Ф. 1 (Архив Сокальских). — № 38479, 38516, 39044.
20. РГИА. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 5117. — Л. 1.
21. Херсонские губернские ведомости. — 1858. — 31 декабря.
22. Екатеринославские губернские ведомости. — 1852. — 12 апреля.
23. Таврические губернские ведомости. — 1842. — 2 декабря; 1845. — 4, 11, 18, 25 февраля; 1848. — 26 мая, 16 июня; 1857. — 21 января.
24. Таврические губернские ведомости. — 1859. — 6 мая; 1860. — 19 мая; Херсонские губернские ведомости. — 1859. — 26 апреля; 1860. — 23 апреля.
25. Екатеринославские губернские ведомости. — 1859. — 19, 26 сентября, 5 октября.
26. Екатеринославские губернские ведомости. — 1859. — 5 октября.
27. РГИА. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 4912. — Л. 1—3.
28. РГИА. — Ф. 1263. — Оп. 1. — Д. 2775. — Л. 52—53.
29. РГИА. — Ф. 772. — Оп. 1. — Д. 4872. — Л. 1—2.
30. Листок РОПиТ. — 1860. — 3 января.
31. Листок РОПиТ. — 1860. — 7 января, 14 февраля; 28 апреля, 3, 24 ноября; Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. — 1860. — 28 февраля, 23 октября, 4 декабря.
32. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. — 1860. — 26 июня, 23 октября.
33. Листок РОПиТ. — 1860. — 4 февраля.
34. Листок РОПиТ. — 1860. — 7 января.
35. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. — 1860. — 3 июля, 4 сентября, 13, 20 ноября, 27 ноября; Листок РОПиТ. — 1860. — 31 января, 4, 7, 11 февраля, 20 марта.
36. Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. — 1860. — 26 июня, 4 сентября, 13 ноября, 4, 18 декабря; — Листок РОПиТ. — 1860. — 17 января, 31 марта, 26 июня, 24 ноября.

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННОКОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новороссийский университет — один из старейших университетов Украины. Торжественное открытие его состоялось 1 мая (по старому стилю) 1865 года. Благодаря усилиям трудившихся здесь крупных ученых — И. И. Мечникова, И. М. Сеченова, А. О. Ковалевского, Л. С. Ценковского, Н. Ф. Гамалеи, А. А. Вериги, Н. Д. Зелинского, А. С. Посникова, А. А. Кочубинского, Ф. И. Успенского, Н. И. Танфильева, Н. А. Умова, Н. Н. Ланге, В. И. Григоровича и др. университет стал играть заметную роль в развитии отечественной науки и просвещения, в формировании многогранной культурной жизни края.

Характер и значение существовавших в университете научных школ, деятельность здесь видных ученых и педагогов, участие преподавателей и студентов в общественно-политической жизни, революционном движении достаточно подробно отражены в изданных уже в советский период книгах об университете (1). Тем не менее, на наш взгляд, и сегодня нет оснований для утверждения, что все стороны и периоды жизни Новороссийского университета исследованы полно и объективно. Во-первых, для указанных изданий в большей или меньшей мере характерна политизация как в подборе фактов, так и в их интерпретации. Например, если деятельность представителей революционного лагеря, социал-демократов, особенно большевиков, раскрыта весьма, иногда даже чрезмерно подробно, то о роли и месте представителей других политических сил и партий сказано непропорционально мало. Во-вторых, в названных книгах лишь вскользь упоминаются или вовсе «забыты» имена ряда работавших здесь преподавателей и научных сотрудников, деятельность которых не могла быть оценена как прогрессивная в советском, большевистском понимании этого слова. Контрреволюционно, консервативно,

либерально настроенные преподаватели, нередко представлявшие из себя достаточно крупные величины в научно-педагогическом плане, изображены упрощенно, однозначно негативно. Кроме того, содержание названных книг почти не позволяет удовлетворить интерес к человеческому, нравственному содержанию университетской истории, не дает возможности ощутить личностный компонент, атмосферу, аромат той или иной эпохи в жизни университета. Уместно заметить, что в этом отношении гораздо весомее выглядит дореволюционное издание, посвященное Новороссийскому университету (2). Для этой книги, написанной «по горячим следам» выпускником университета А. И. Маркевичем, характерно как раз умелое использование фрагментов воспоминаний, автобиографий, рассказов тогда еще живых очевидцев описываемых событий, студенческих преданий, да и сам автор нередко обращается к своей памяти. Содержание данной книги, как нам кажется, делает очевидным, что устранение некоторых недостатков, присущих современным историческим очеркам об университете, возможно именно за счет более широкого вовлечения в научный оборот такого ценного исторического источника, как воспоминания современников. Не случайно в последнее время внимание к мемуарам (3) заметно возросло. Как специалисты, так и все интересующиеся прошлым, не без основания надеются именно благодаря мемуарам попытаться разглядеть неповторимые, почти не различимые в источниках иного характера детали давно миновавших событий, понять подлинные, иногда сознательно скрывавшиеся, причины тех или иных общественных явлений, процессов. Действительно, мемуары, как никакой другой вид исторических источников, позволяют окунуться в мир живших в прошлом людей, ощутить накал их когда-то бурно кипевших страстей, подышать воздухом их времени. Интерес представляет даже неизбежная, неустрашимая пристрастность, субъективность мемуаристов. Задача исследователя заключается в том, чтобы овладев разнообразными источниками исторической информации, вооружившись современной методикой научного анализа, взять не только факты, но и выяснить отношение к ним автора воспоминаний, его трактовку, интерпретацию описываемых им событий. Весьма важно даже то, о чем автор воспоминаний умалчивает, где говорит полуправду, кого или что и в каком виде пытается представить. Это способствует более глубокому пониманию социально-психологических, идейных, политических и других аспектов исторического развития (4).

Воспоминаний о дореволюционных университетах России сохранилось достаточно много. Публикации их имеют в основном журнально-газетный характер. Издания в виде книг и брошюр, как правило, были повторными публикациями. Мемуары печатались в журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник», «Голос минувшего», «Былое» и др. Часть из мемуаров представлены отдельными статьями в соответствующих сборниках, собраниях сочинений авторов. Однако тематических сборников, специально посвященных воспоминаниям современников о тех или иных сторонах жизни и в целом об истории конкретных университетов, опубликовано мало: до революции вышло два таких сборника (5), в советский период увидели свет так же два сборника воспоминаний о ведущих университетах дореволюционной России — Московском и Петербургском (6).

Общее представление о массиве мемуаров об университетах дают материалы фундаментального библиографического указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» (далее: ИДРДВ) под редакцией проф. П. А. Зайончковского (7). Правда, ряд публикаций, зафиксированных в ИДРДВ в качестве мемуаров, на наш взгляд, таковыми не являются. Так, сведения, приводимые И. В. Карвацким и П. Н. Бучинским о Л. С. Ценковском (8), И. И. Пузановым об А. А. Браунере (9). Г. И. Потапенко о преподавателях ботаники Новороссийского университета (10) являются по существу обычными биографическими очерками о деятельности конкретных ученых.

Учет мемуарных публикаций, отмеченных в названном указателе, а также выявленных нами дополнительно, позволяют утверждать, что непосредственно о Новороссийском университете, деятельности его преподавателей и студентов и т. п. опубликовано около 70 воспоминаний. Конечно, эту цифру нельзя считать окончательной, поскольку трудно учесть буквально все впечатления, суждения, замечания относительно университета. Надеемся, что все сколько-нибудь важные мемуары попали все же в поле нашего зрения.

Наличие значительного количества мемуаров о Новороссийском университете связано как с процессом развития мемуарного жанра в целом, так и с воздействием во второй половине XIX — начале XX века сложного комплекса явлений экономического, политического, идеологического, социально-психологического характера. Это было время, когда грандиозные исторические перемены внутри государства и на внеш-

ней арене будили личную энергию и инициативу людей, способствовали росту национального самосознания, успехам образования, в том числе и университетского, развитию книгопечатания и демократизации газетно-журнального дела. Весь этот стремительный поток неведомых ранее впечатлений, раздвигая умственные горизонты личности, повышал интерес к ее внутреннему миру и ее собственной истории. Это давало себя знать и на почве мемуаротворчества: «расшевеленная умственная деятельность, вид массы новшеств, вошедших в жизнь, наталкивали на сравнение старого и нового, при сравнении же являлось желание записать, сохранить для самого себя и близких лиц то, что было прежде и что все более и более изменялось» (11).

Конечно, особенностью этого вида источников по истории университета является субъективизм отображения и оценок конкретно-исторических фактов. Отношение мемуариста к описываемым событиям и лицам определялось в первую очередь общественно-политической позицией автора, а также степенью его информированности, уровнем его общекультурного и исторического кругозора, специфическими особенностями его памяти и литературной одаренности. Весьма существенным было воздействие и объективных факторов: характер социально-экономического развития общества, политическая ситуация в стране, литературная конъюнктура и т. п.

Цель данной статьи — кратко охарактеризовать массив воспоминаний по истории Новороссийского университета, при этом анализу будут подвергнуты только опубликованные мемуары.

Следует отметить, что объем и обстоятельность мемуаров неравноценны. Воспоминания, касающиеся Новороссийского университета, можно разделить на три группы: 1) мемуары общего характера, освещающие эпоху в целом. Университетская тема в них не является главной, ей посвящены лишь отдельные фрагменты; 2) мемуары, относящиеся к характеристике отдельных лиц. Из привлеченных нами воспоминаний к этой группе относится абсолютное их большинство (до 80%). Стимулом к написанию мемуаров этого рода являлось стремление их авторов поделиться своими впечатлениями о выдающихся преподавателях или студентах, приобретших известность впоследствии; 3) мемуары, описывающие отдельные события. Наряду с воспоминаниями первой группы, это — самая малочисленная часть привлекаемого нами массива мемуаров.

Конечно, эта классификация, как и любая другая, весьма условна, так как в одном и том же сочинении часто содержатся элементы, свойственные разным группам мемуаров. К примеру, воспоминания крупнейшего государственного деятеля России графа С. Ю. Витте представляют собой широкую и яркую панораму российской действительности второй половины XIX — начала XX века: от полусонной жизни тихих провинциальных городков до блестящих столичных салонов, царских апартаментов. Апология своих собственных поступков и продолжение уже на страницах книги борьбы со своими политическими противниками, зависимицами и недоброжелателями — главная цель воспоминаний. Однако С. Ю. Витте, окончивший в свое время физико-математический факультет Новороссийского университета, делает интересные, убедительные зарисовки из жизни *alma mater*, вспоминает о своих университетских товарищах и учителях (12).

В мемуарах профессора В. И. Модестова в центре повествования — события, связанные с открытием и первыми годами деятельности Новороссийского университета. Однако при этом автор приводит и сведения, важные для понимания образа жизни, привычек столичной и местной профессуры, с мастерством незаурядного наблюдателя и психолога передает атмосферу научного диспута, рисует портреты ряда университетских преподавателей: И. Д. и Н. Н. Соколовых, В. И. Григоровича и др., раскрывает особенности, противоречивость их натуры (13). Воспоминания В. И. Модестова интересны еще и содержащейся в них характеристикой профессорского корпуса молодого университета. По признанию самого автора — это наиболее мрачная, горькая сторона мемуаров. В повествовании о собственной деятельности в Новороссийском университете В. И. Модестов заметно субъективен и для возможно более правдивой оценки его роли и места в университете необходимо учесть сведения, содержащиеся также в воспоминаниях Б. В. Варнеке (14), однако суждения В. И. Модестова о лицейских профессорах, перешедших в Новороссийский университет, заслуживают внимания. Актуальны и сегодня его мысли о пагубности интриганства для сохранения духа университетского товарищества и солидарности, полноценной академической жизни. Вот как пишет В. И. Модестов о лицейских профессорах: «...привыкшие к другим отношениям к начальству, чем какие обычны у профессоров университета, они не могли, как следует, войти в новую роль членов автономически управляющегося университета и любя искать поддержки

ки своим желанием или домогательствам на стороне, нередко проявляли весьма некрасивый дух интриги... В интриге этой некоторые из них заходили дальше пределов, полагаемых самими простыми правилами нравственности и приличия..., вмешивались даже в семейные дела других и считали для себя удовольствием их расстраивать... Необходимо принять и то во внимание, что большая часть переданных университету лиц профессором была ниже своего нового положения, и интересы науки ей были совершенно чужды. А как только в университетских корпорациях заводился элемент, смотрящий на профессию лишь как на служебную карьеру, расстройство университетских дел неизбежно. и в таком университете напрасно было бы ждать мира и согласия. Жертвами возникающих замешательств и раздоров обыкновенно бывают люди, преданные науке и наиболее дорогие для университета: они не выдерживают этого духа грязной интриги, старающейся проникнуть во все университетские отношения, и покидают университет, а интриганы остаются и торжествуют...» (15).

Интересные данные о времени и о себе дает и Д. Н. Овсяннико-Куликовский, который начинает свои воспоминания с картинок далекого детства, учебы в Ришельевской и Симферопольской гимназиях, на историко-филологических факультетах Петербургского, а затем Новороссийского университетов и завершает их сведениями об участии в деятельности «Одесской Громады», переезде в Петербург, связях с членами местных нелегальных кружков, знакомстве с Г. А. Лопатиным, Н. А. Морозовым, М. П. Драгомановым, П. Л. Лавровым, своей научно-педагогической и публицистической деятельности, увлечении психологией преступности и литературного творчества, изучении раскола и взаимоотношений морали и искусства. Однако это охватывающее значительный период развития страны и общества полотно включает и интересующие нас детали, а именно — его профессионально исполненные зарисовки о своих учителях, профессорах Новороссийского университета В. И. Григоровиче, И. В. Ягиче, Л. Ф. Воеводском, Ф. И. Успенском, Н. П. Кондакове, Ф. К. Бруне, Р. В. Орбинском, И. С. Некрасове и др. (16). Аналогичные черты присущи воспоминаниям Н. Ф. Гамалеи (17).

Разные периоды в истории университета освещены в мемуарах в неодинаковой степени. Наиболее подробно отраженное в воспоминаниях время — 60-е — 70-е годы XIX века. Этому периоду посвящена примерно треть всего массива выявленных нами мемуаров. Причина такого повышенного вни-

мания мемуаристов к указанному периоду связана, очевидно, с тем, что это было время общественного оживления, реформ, менявших устоявшийся уклад жизни как страны в целом, так и университетов. Именно на эти переломные годы пришлась пора учебы многих выдающихся, широко известных в дальнейшем людей. Свои воспоминания об этом периоде, в том числе и о Новороссийском университете, его порядках и обитателях С. Ю. Витте, А. М. Де-Рибас, А. С. Таубер, А. Левитский, А. Н. Шехтер, И. И. Мечников, Д. К. Заболотный, И. В. Карвацкий, А. Л. Колянковский, И. А. Линниченко, А. И. Маркевич, П. Н. Ардашев, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, И. Я. Акинфиев, Г. Е. Афанасьев, П. К. Борзаковский, П. Н. Полевой, Г. Г. Де-Метц и др. писали уже в то время, когда сами вошли в возраст, в котором пора подводить жизненные итоги. Но ценность их мемуаров определялась не столько их стремлением рассказать о личных ошибках, достижениях и утратах, сколько желанием совершить ретроспективный экскурс в прошлое для его сравнения с настоящим, попыткой провести исторические аналогии и в конечном счете лучше понять современные проблемы, предложить, основываясь на собственном жизненном опыте, свои варианты их решения.

К примеру, воспоминания И. Я. Акинфиева об И. Ф. Лдыреве хорошо передают то повышение роли науки, уважения к университетским профессорам, которые связаны были с эпохой великих реформ 60-х годов XIX века. «В то время установливался взгляд, что положительному знанию суждено решить все проблемы органической жизни; положительное знание, и только оно одно, признавалось высшим идеалом человеческих стремлений. Не удивительно, что студенты того времени верили в это знание и ему одному поклонялись. Не удивительно, что за лекциями и работами в лабораториях и кабинетах студенты проводили весь день, с 9 часов утра до 10—11 часов ночи. Двери храма науки никогда, даже и по праздникам, не закрывались перед тем, кто входил туда для работы» (18). Аудитории, где читали лекции профессора-натуралисты И. И. Мечников, И. М. Сеченов, Н. А. Головкинский, Ф. Н. Шведов, А. А. Вериге, А. О. Ковалевский были всегда переполнены не только студентами-естественниками, но и филологами, юристами, совершенно посторонними, не имеющими отношения к университету лицами, что в то время допускалось (19). Пожалуй, И. Я. Акинфиев — единственный, кто повествует о настроениях, устремлениях, идеалах

студенческой молодежи, готовившей себя к «хождению в народ». Даже в обстоятельных мемуарах Д. Н. Овсяннико-Куликовского, подробно описавшего свои студенческие годы (1871—1876), об этом направлении общественного движения практически ничего не сказано. И. Я. Акинфиев же, вспоминая об этом, писал: «Участвовать по вечерам на сходках, на запрещенных собраниях, читать запрещенные книги и все прочее считалось для огромного большинства студентов обязательным. Но во всех разговорах, спорах и действиях, относящихся к недозволенному, у студенчества тогда не проявлялось, как теперь проявляется, нетерпимости, взаимной вражды, ненависти и жестокости... Авторитет главаря держался не на конспирации, не на чем-нибудь внешнем, физическом, а на логике убеждения и силе знания» (20). В народ шли с целью просветить темного человека в понимании его политического положения и просто понимания окружающей среды... вооруженные духовными силами, а не огнестрельным оружием и бомбами...» (21).

Следует отметить, что мемуары об этой эпохе, написанные в 1880-е — первой половине 1890-х годов и в 1900-х — 1910-х годах заметно отличаются. Если для мемуаров предыдущего периода характерна сдержанность тона, даже некоторая сухость повествования, то воспоминания начала XX века становятся заметно живее, раскованнее, глубже по содержанию, им свойственна полемическая заостренность, идейно-политическое размежевание.

Еще один период, которому мемуаристы уделили больше внимания, в сравнении с предыдущей эпохой — революционные потрясения 1905—1907 годов и послереволюционного «наведения порядка». Значительная часть этих воспоминаний (22) писалась уже в советский период, что наложило отпечаток на их характер: они явно политизированы, в них заметны идеологические штампы и стереотипы, присущие историческим публикациям того времени. Конечно, все партии, особенно кадеты, с которыми большевикам приходилось бороться за влияние на студенчество, показаны как безусловно контрреволюционные, антинародные политические силы. Тем не менее, игнорировать названные мемуары не следует, и в них содержится немало интересной, полезной информации. Так, например, в воспоминаниях А. М. Александрова приводятся малоизвестные сведения о месте и роли студентов университета в общепартийных революционных выступлениях в 1905 году, о популярных в студенческой среде лозунгах и требованиях, о пар-

тийном составе и идейной эволюции Коалиционного совета, правилах и порядке выборов, структуре и компетенции сменившего его Центрального органа. Данные мемуары позволяют выяснить некоторые подробности процесса над ректором Новороссийского университета И. М. Занчевским и проректором Е. В. Васьковским «за бездействие власти» в период революции 1905—1907 г.г., деятельности ряда профессоров университета (Н. Н. Ланге, Е. Н. Щепкина и др.).

Иной взгляд на события периода первой российской революции, взгляд из среды ее действительных, принципиальных противников, представляют собой также заметно политизированные, но, так сказать, с противоположной стороны, воспоминания о бывшем студенте естественного отделения физико-математического факультета Борисе Клитине (23). Учет фактов, приводимых в мемуарах авторов, относящихся к противостоящим общественно-политическим лагерям, особенно интерпретация этих фактов, позволяет глубже понять суть происходивших в указанное время в Одессе и в целом в стране событий.

К сожалению, археографический уровень многих мемуаров недостаточно высок. Абсолютное большинство их лишены обстоятельных предисловий, комментариев. Слабая подготовка мемуаров к изданию, отсутствие практики предварительной проверки сообщаемых автором сведений приводили к тому, что мемуары нередко противоречили друг другу, читателю предоставлялась возможность самому докапываться до истины. Многие воспоминания существенно пострадали в силу того, что издатели мало заботились о целостности мемуаров, выбрасывали значительные их куски, оставляя лишь привлекательный для публики материал, который мог обеспечить изданию коммерческий успех.

Что касается противоречий, встречающихся в различных мемуарах, то они чаще всего относятся не столько к фактам, сколько к их интерпретации, к оценкам личностей, событий или явлений. Эти оценки определялись характером, взглядами, политическими симпатиями самого мемуариста. Поэтому суждения, мнения различных авторов на одни и те же факты, об одном и том же человеке иногда совершенно не совпадают. Примером подобного расхождения может служить весьма отличающаяся по ряду позиций почти полярная оценка А. И. Маркевичем и П. Н. Полевым личности и деятельности, даже внешности Виктора Ивановича Григоровича — одного из самых известных профессоров Новороссийского университета.

Так, П. Н. Полевой пишет о «...нравственной пришибленности и какой-то запуганности, которая совершенно обезличивала Виктора Ивановича, побуждала его стоять навтыжку перед начальством. и каждому, по мере сил, говорить приятные, льстивые, заискивающие речи» (24). Профессиональные качества В. И. Григоровича и как преподавателя, и как ученого, и как декана историко-филологического факультета П. Н. Полевой характеризует следующим образом: «...Бесцветный, обезличенный, бесхарактерный — он весь выдохся, опустился и как бы замер уже и в той поре, когда другие научные деятели только еще входят в настоящую силу... Нужно ли говорить, что он и покончил свою научную карьеру за много лет раньше своей смерти...» (25).

Мнение А. И. Маркевича о В. И. Григоровиче совершенно иное: «...С одной стороны громадные знания и ученый авторитет, дававшие возможность всегда руководить учащимся и помочь ему, — с другой — умение показать все значение славноведения. из уроков прошлого вывести программу для будущего...» (26). «...Велико значение трудов В. И. Григоровича в истории науки; но глубок и след, оставленный им в сердцах его слушателей..., деятельность таких лиц, как В. И. Григорович далеко не прекращается их смертью...» (27).

Поводом для написания и публикации мемуаров нередко являлись юбилеи университета или отдельных лиц, причем одни мемуары иногда вызывали появление других, с поправками, дополнениями, опровержениями, критикой, полемическими замечаниями и столкновением мнений. Так, мемуарные заметки-размышления известного в свое время одесского журналиста А. Е. Кауфмана (28) вызвали ответ профессора университета Г. Е. Афанасьева (29).

А. Е. Кауфман в своей публикации прямо ставит задачу: показать в пятидесятилетней истории Новороссийского университета «не только свет, но и тени». Одной из таких теневых сторон он считает то, что одесские профессора в большей мере, чем в других университетских городах, «принимали деятельное участие в местных муниципальных, промышленных, банковских, общественных и т. п. учреждениях. Люди, которые могли бы прославить свои имена в науке, приобщались к отнюдь не научным учреждениям, променяли аудитории на банки и кафедры на банковские пульта и конторки...» (30). В этой связи автор называет имена многих видных ученых университета: А. И. Маркевича, Г. Е. Афанасьева, Р. В. Орбинского, С. П. Ярошенко и др. Г. Е. Афанасьев, основываясь на

собственных воспоминаниях, дает пояснения по поводу наблюдений и рассуждений А. Е. Кауфмана, обращает внимание на ряд фактических ошибок и неточностей в его публикации.

Полемическое выступление Г. Е. Афанасьева вызвало ответную реакцию А. Е. Кауфмана, в очередной публикации (31) он добавляет новые штрихи к истории университета-юбилея, дает кое в чем даже более резкие оценки определенным сторонам его прошлого и настоящего. В частности, он пишет «...Что касается травли инородцев в Новороссийском университете и до воцарения в нем гг. Левашовых — то кто из этого не знает! Среди наших университетов Новороссийский университет всегда выдавался своей реакционностью...». Здесь же он выражает свое согласие с утверждением, что профессорский персонал «за небольшим исключением, всегда был обращен в высшей степени в серый цвет. Мало у нас серьезных деятелей науки, а попадавшиеся случайно стремились перебраться, как можно скорее, в другие университеты. Лучшими из деятелей Новороссийского университета чувствовали себя временными его гостями» (32).

Еще одной побуждающей причиной появления некоторых воспоминаний являлось желание их авторов воздать последнюю дань уважения ушедшим из жизни коллегам, учителям, ученикам. Правда, в таких публикациях приводились лишь положительные, а значит неизбежно односторонние сведения об умершем, однако в мемуарах этого рода нередки были и выразительные характеристики, оценки различных сторон и периодов истории университета. В этом отношении представляют интерес некрологи Г. Т. Перетятковича, А. И. Маркевича, А. И. Кирпичникова, М. Г. Попруженко о Н. Ф. Красносельцеве, Г. Г. Де-Метца о Ф. Н. Шведове, Л. Шепелевича, Е. Редина, М. Г. Попруженко об А. И. Кирпичникове, И. И. Мечникова об Н. А. Умове, А. И. Маркевича о П. О. Юрченко, И. А. Линниченко об А. Е. Назимове, В. М. Истрина об А. В. Рыстенко.

Социальный диапазон авторов мемуаров так же широк, как и состав студенчества и преподавательского корпуса. Разнословных по происхождению мемуаристов сближало то, что все они относились к образованному обществу, в котором сословные различия смягчались под воздействием просвещения, знакомства с общемировыми духовными ценностями.

Наиболее содержательные и ценные мемуары о Новороссийском университете, и это, пожалуй, характерно и для других воспоминаний о других университетах, оставили его питомцы

Для них время учебы в *alma mater* было важнейшим периодом их жизни, связанным с формированием собственного мировоззрения, нравственных принципов, характера, социализации личности. Естественным было их желание через воспоминания о пройденном пути передать своим близким потомкам, молодежи вообще крупицы приобретенного жизненного опыта, назидательных уроков, призванных помочь в утверждении высоких идеалов, преодолении неприятностей и лишений. Среди этой группы мемуаристов преобладали гуманитарии, почти исключительно историки и филологи (около 65% всех воспоминаний). Вероятно, решающим образом сказывались в данном случае их профессиональные навыки, склонность к писательству.

В отличие от других университетов практически не оставили воспоминаний юристы — питомцы Новороссийского университета. На наш взгляд, отчасти это объясняется консервативностью значительной части профессорско-преподавательского состава этого факультета, наличием здесь таких известных в научном плане, но одиозных в политическом отношении фигур как А. Ф. Федоров, Н. Е. Чижов, А. И. Загоровский, А. И. Алмазов, П. Е. Казанский и др., лекции, политические заявления которых нередко вызвали получавшие широкий общественный резонанс протесты студенческой массы (лекции П. П. Цитовича, «Богишичевская история» и т. п.). Эти преподаватели видели главную свою научную и гражданскую задачу в обосновании, защите действовавшей в то время системы законодательства, существовавшего политического строя и в таком же духе стремились формировать мировоззрение своих питомцев.

Удельный же вес воспоминаний выпускников физико-математического факультета, особенно естественного его отделения, в общей массе воспоминаний о Новороссийском университете заметно выше, чем по другим университетам страны. Это опять-таки связано с наличием здесь выдающихся естествоиспытателей, широко известных не только в России, но и за рубежом, таких как И. И. Мечников, И. М. Сеченов, А. О. Ковалевский, Л. С. Ценковский, Н. Н. Ланге, Н. Д. Зелинский, Н. А. Умов и др. Это были не только крупные ученые, но и общественно-активные люди, стремившиеся своей деятельностью, в том числе и на поприще мемуаристики, содействовать развитию своей родины по пути прогресса, что многими из них связывалось с утверждением либеральных и демократических идей.

Особый интерес представляют мемуары студентов, ставших впоследствии профессорами: А. И. Маркевича, И. А. Линиченко, И. И. Мечникова, М. Г. Попруженко, Н. Н. Ланге, Б. В. Варнеке, В. М. Истрина, Е. К. Редина, Л. Ю. Шепелевича, Н. К. Лысенкова и др. Они в свое время непосредственно участвовали в университетской жизни, длительное время пребывая вначале в студенческой, а затем — преподавательской среде, имели возможность сравнивать различные эпохи в истории университета, характер и значимость происходивших здесь перемен.

Так, выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета, в дальнейшем профессор Московского университета Г. И. Челпанов, с удивительной силой эмоциональной выразительности рассказывая о деятельности своего учителя Н. Я. Грота, воссоздает картину неблагоприятного влияния на университетскую жизнь, возможность заниматься не схоластикой, а подлинно актуальными философскими проблемами университетского устава 1884 года, еще больше ухудшившего отношение властей к науке, просвещению (33).

М. Г. Попруженко, вспоминая об А. И. Кирпичникове, его вступительной лекции, собравшей в актовом зале университета студентов буквально всех факультетов, с особой задушевностью пишет о еженедельных, по субботам, встречах студентов дома у профессора. «...Собрания эти начались со следующей же недели и пошли так живо, а главное, с громадной для всех нас пользой, так как только во время этих собраний мы увидели, как мало все мы знаем, как неумело все мы читали, как много нужно работать...» (34).

Такую форму общения, а фактически внеаудиторной работы со студентами, использовали и другие профессора. «Каждый четверг вечером, — вспоминает А. Левитский, — можно было прийти к Алексею Ивановичу [Маркевичу — Ф. С.] на квартиру и в его кабинете уже застать с десятков студентов, между которыми встречались не одни филологи...» (35). «...После таких вечеров мы уходили как будто согреты кем-то близким, почти товарищем, но главное — мы уходили с кистями нужных нам книг под мышкой» (36).

С искренней теплотой вспоминает о своем учителе А. А. Павловском Д. Атлас: «Алексей Андреевич совершенно одинаково относился ко всем студентам, независимо от их убеждений, независимо и от факультета. Я помню в точности его слова по этому поводу: «Я не «левый», но и не «правый».

Одинаково уважаю мнение тех и других и хочу, чтобы и со мной считались. Для меня существует студент работающий, дельный. Бездельников я не люблю. Всем, по мере возможности, хочу помочь и помогаю, чем могу» (37).

Пожалуй, самое сильное впечатление производят портреты преподавателей, написанные рукой подлинного летописца Новороссийского университета профессора А. И. Маркевича. Он оставил меткие, нередко лаконичные, но неизменно выразительные отзывы о плеяде ведущих профессоров, пользовавшихся особой популярностью и любовью у студентов. Наблюдательность и мастерство А. И. Маркевича — мемуариста позволяет воочию представить себе лекции и экзамены профессоров М. К. Павловского, Н. Я. Грога, В. И. Григоровича и др. Перед нами предстают профессор А. Г. Брикнер, читавший «очень живо и горячо, сам сильно увлекаясь», и его противоположность — профессор М. П. Смирнов, читавший лекции «громким, ясным и полным достоинства голосом, изредка поглядывая в конспект» (38).

А. И. Маркевич — сам был опытным и популярным в университете и вообще в Одессе лектором, знавшим толк в этом ремесле, тем более весомой является его оценка лекций профессора Р. В. Орбинского: «Много я слышал хороших лекторов на своем веку, но такого как Орбинский — никогда не слышал. Очень спокойно сидя за кафедрой, не волнуясь и не лицедействуя, но очень выразительно и изящнейшим литературным языком излагал он свой предмет, ни разу не заикнувшись и никогда не оговариваясь или поправляя себя... Дар популяризации имел проф. Орбинский такой, что самые трудные для понимания стороны философии Канта или даже средневековых схоластиков могли быть студентами поняты и записаны.., но после лекции проф. уходил из аудитории и очень не любил, если по дороге какой-либо студент вздумал бы задержать его распросами...» (39). Совсем другим в этом отношении вспоминает А. И. Маркевич, был профессор Ф. К. Брун. «...стоило Бруну выйти из аудитории, его окружали толпа студентов всех факультетов с самыми разнообразными вопросами. Кажется, не было той области знаний, из которой не забрасывали бы его вопросами. Вера в его знания была у нас беспредельна. И действительно, подумав 2—3 секунды, Брун отвечал на какие угодно вопросы, или по крайней мере называл книги, где можно было узнать то, о чем спрашивали. Не было сколько-нибудь относящейся к области его заня-

тий статьи, не то что книги, на всех европейских языках, которой он бы не прочел...» (40).

К сожалению, в последние десятилетия стали редкостью прощальные лекции профессоров, уходящих на пенсию или переходящих на работу в другое учебное заведение. Многие воспоминания указывают на то, что в жизни дореволюционных университетов, в том числе Новороссийского, такие события не проходили незамеченными. В торжественной обстановке не только профессора выражали свои пожелания коллегам, но что самое трогательное — по своему чествовали уважаемого учителя студенты. Имеющиеся воспоминания позволяют представить, как были восприняты прощальные лекции и как расставались с любимыми профессорами А. Г. Бриком и А. О. Ковалевским студенты (41).

В ряде мемуаров, посвященных более поздней эпохе, встречаются ретроспективные экскурсии, характеристики сотрудников и студентов университета в предыдущий период. Нередко у авторов поневоле напрашивались сравнения запечатленных в памяти событий прошлой поры с настоящим, их поражали различия, произошедшие за это время перемены, у них возникали аналогии. Иногда прошлое служило только поводом для того, чтобы поговорить о настоящем, к тому, чтобы брать за перо, вынуждала современность, желание, как выразился один из мемуаристов «ответить фактами прошлого на запросы настоящего» (42).

Именно этими соображениями руководствовался, очевидно, выпускник историко-филологического факультета А. Левитский, который, выражая уверенность, что «жизнь русская сейчас переступила через ту грань, за которой для просвещения не может быть возврата к Д. Толстому» (43), точно передает атмосферу 80-х годов XIX века, ее влияния на университетскую жизнь. «Профессора все были какие-то нахмуренные; новый университетский устав уже давал себя чувствовать: он разобщи́л профессоров, посеял в лектории, где профессора проводили антракты между лекциями, взаимные натянутые отношения и недоброжелательство к служебному успеху тех, кто успел приспособиться к новому бюрократическому строю университета. Молодые приват-доценты чувствовали себя затравленными; факультеты превратились в царство действительных статских советников — ординарных и экстра-ординарных профессоров, всех людей, которые сумели сохранить приличную репутацию в глазах попечителя округа и министерства; служебные сплетни вместо научных интере-

сов — вот что занимало большинство профессоров. Так, мне кажется, можно было объяснить дурное настроение, с которым профессора приходили к нам на лекции» (44). «...Некоторые из них настолько не обладали лекторскими способностями, что, читая по писанным, ими же составленным лекциям, буквально водили пальцем строчка за строчкой. Конечно, такие лекции нагоняли на нас сон» (45). Следует, кстати, отметить, что о 1880-х годах писали многие мемуаристы, но ни один из них не находил для их характеристики добрых, теплых слов. Напротив, в большей или меньшей степени, но все они оценивают этот период отрицательно.

В. Ю. Кршижановский, например, пишет, что в эти годы «...будничная, серая, угрюмая действительность... создала тяжелую атмосферу, в которой все приходило к оскудению...» (46). Более развернутую картину влияния политических перемен в стране на университетскую жизнь дает И. И. Мечников: «...многие постановления совета кассировались высшей властью, видящей во всем, вопреки действительности, крамолу... Положение профессоров... стало буквально невыносимым... Посещение советских заседаний сделалось настоящей пыткой при виде того, что там творилось. Кандидаты на кафедру, научный ценз которых был ниже всякой критики, делались профессорами и выставляли свое невежество с невежательным цинизмом...» (47).

Авторы воспоминаний чаще всего повествуют об отдельных сторонах педагогического процесса, академической жизни и быте студентов, дают характеристики и оценки деятельности своих университетских учителей и т. п. Значительно реже приводятся сведения, высказываются личные суждения о развитии в Новороссийском университете научных школ. Связано это, очевидно, с тем, что воссоздание истории научных исканий и свершений в жанре воспоминаний представляет особые трудности. Исключение в этом плане составляют, пожалуй, мемуары А. Г. Готалова-Готлиба (48). Автор, основываясь на личных воспоминаниях, дает очерк научно-педагогической деятельности своего учителя Ф. И. Успенского. В публикации наряду с описанием чисто человеческих качеств и черт Ф. И. Успенского подробно характеризуется содержание его лекционных курсов и методика их преподавания, направления, сущность и результаты его научных исследований, общие сведения о научном творчестве, взглядах, концепциях десятков отечественных и зарубежных историков, обществоведов описываемого времени.

Таким образом, мемуарное наследие, посвященное Новороссийскому университету, при всей его фрагментарности и неравномерности, отражает различные стороны и периоды его истории. Учет, изучение, использование этого наследия, без сомнения, весьма важны для воссоздания более полной, исторически достоверной, колоритной картины жизни университета.

Анализ воспоминаний делает очевидной необходимость для всех, интересующихся историей Новороссийского университета, отказа от вынесения однозначного приговора тем или иным его представителям по мерке нынешних идеалов и представлений, осознания неправомерности «опрокидывания» в прошлое более поздней интерпретации — результата длительной эволюции мнений, тем более, что этот результат никогда не может быть окончательным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Одесский университет за 75 лет (1865—1940). — Одесса, 1940; Історія Одеського університету за 100 років. — К., 1968; Одесский университет. 1865—1990. — К., 1991.

2. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие императорского Новороссийского университета. Историческая записка. — Одесса, 1890.

3. Ряд исследователей разделяют понятия «мемуары» и «воспоминания», понимая под мемуарами и дневники, и воспоминания. Мы условимся употреблять эти понятия как тождественные, тем более, что дневников, касающихся исследуемой темы нами не обнаружено.

4. Булгаков Л. А. Мемуары, как источник по истории университетов дореформенной России//Вспомогательные исторические дисциплины. — Вып. XVI. — Л., 1985. — С. 190.

5. Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. — Вып. I. Университеты до эпохи шестидесятых годов. — СПб., 1914; Воспоминания о студенческой жизни (в Московском университете). — М., 1899.

6. Московский университет в воспоминаниях современников. — М., 1988; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. — Т. 1. — Л., 1963; Т. 2. — Л., 1982.

7. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. — Т. I—V. — М., 1976—1989.

8. См.: Записки Новороссийского общества естествоиспытателей. — 1988. — Т. 13. — Вып. 1.

9. См.: Труды Института истории естествознания и техники. — 1960. — Т. 32. — Вып. 7. — С. 309—371.

10. См.: Там же. — 1961. — Т. 41. — С. 44—59.

11. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. — СПб., 1891. — С. 9—10.

12. Витте С. Ю. Воспоминания. — Т. 1. — М., 1960. — С. 66—82.

13. Модестов В. И. Отрывок из воспоминаний//Исторический вестник. — 1884. — № 11. — С. 282—300.

14. Варнеке Б. В. Памяти Ф. Е. Корша. — Одесса, 1915.
15. Модестов В. И. Указ, соч. — С. 295.
16. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы в 2-х т.т. — Т. 2. — М., 1988. — С. 376—398.
17. Гамалея Н. Ф. Воспоминания: Собр. соч. — Т. 5. — М., 1953. — С. 18—21.
18. Акинфиев И. Я. Иосиф Федорович Алдырев: По воспоминаниям товарища. — Александровск, 1907. — С. 2.
19. См.: Там же. — С. 3.
20. Там же. — С. 4—5.
21. Там же. — С. 5.
22. Атлас Д. Г. Памяти профессора-друга. — Одесса, 1914. — С. 27—39; Дембо В. Центральный орган Новороссийского студенчества//Пути революции. — 1926. — № 2/3. — С. 91—98; Александров А. М. Дело Коалиционного Совета и Центрального органа Новороссийского университета//Каторга и ссылка. — 1933. — № 12. — С. 120—137; Лысенков Н. Проф. Е. Н. Щепкина и Одесский университет (1902—1905). — В кн.: Памяти проф. Евг. Никол. Щепкина. — Одесса, 1927. — С. 27—42; Заблудовский П. Е. В Новороссийском университете в годы столыпинской реакции//Из истории медицины. — Рига, 1984. — Вып. 14. — С. 116—120.
23. Боря Клитин: Из семейной хроники. — Одесса, 1910. — С. 12—22.
24. Полевой Н. П. Три типа русских ученых (Куник, Срезневский и Григорович)//Исторический вестник. — 1899. — Т. LXXVI. — С. 141.
25. Там же. — С. 143.
26. Маркевич А. И. Воспоминания о В. И. Григоровиче, как о преподавателе//Летопись историко-филологического общества при императорском Новороссийском университете. — Т. III. — М., 1984. — С. 80.
27. Там же. — С. 82.
28. Кауфман А. Е. За кулисами университета-юбиляра (Из воспоминаний и бесед)//Голос минувшего. — 1915. — № 10. — С. 165—178.
29. Афанасьев Г. Е. По поводу статьи А. Е. Кауфмана «За кулисами университета-юбиляра»//Голос минувшего. — 1915. — № 12. — С. 285—287.
30. Кауфман А. Е. За кулисами университета-юбиляра... — С. 166.
31. Кауфман А. Е. Еще об университете-юбиляре//Голос минувшего. — 1916. — № 3. — С. 290—294.
32. Там же. — С. 292.
33. Челпанов Г. И. Памяти проф. Н. Я. Грота. — В кн.: Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей. — СПб., 1911. — С. 188—196.
34. Памяти проф. Александра Ивановича Кирпичникова. — Харьков, 1905. — С. 82.
35. Левитский А. Из студенческих воспоминаний (Памяти А. И. Кирпичникова и А. И. Маркевича, профессоров Новороссийского университета)//Вестник воспитания. — 1906. — № 8. — С. 113.
36. Там же. — С. 115.
37. Атлас Д. Г. Указ. соч. — С. 36.
38. Маркевич А. И. Двадцатипятилетие императорского... — С. 166—167.
39. Там же. — С. 306—307.
40. Там же. — С. 191.
41. Колянковский А. Л. Профессор А. Г. Брикнер//Голос минувшего. — 1913. — № 9. — С. 165—166; Заболотный Д. К. Академик А. О. Кова-

левский//Природа. — 1926. — № 7/8. — Стб. 25—26; Ковалевская-Чистович В. А. Александр Онуфриевич Ковалевский (Воспоминания дочери)// Там же. — Стб. 10.

42. Обнинский П. Н. Из воспоминаний юриста//Русский архив. — 1892. — Кн. 1. — № 1. — С. 99.

43. Имеется в виду Д. А. Толстой, являвшийся в 1866—1880 г.г. министром народного просвещения, в 1880—1889 г.г. — министром внутренних дел.

44. Левитский А. Указ. соч. — С. 87.

45. Там же. — С. 88—89.

46. Кршижановский В. Ю. А. А. Вериге (1837—1905).— Тверь, 1905.— С. 10.

47. Мечников И. И. Рассказ о том, как и почему я поселился за границей. — Академическое собрание сочинений. — Т. 14. — М., 1959. — С. 41.

48. Готалов-Готлиб А. Г. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель//Византийский временник. — 1947. — Т. 1. — С. 114—126.

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ
И ГЕНЕАЛОГИИ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА

Человек издавна интересовался своим происхождением и уже в древности можно обнаружить элементы генеалогических знаний. В период средневековья в связи с оформлением основных (прежде всего, дворянских) привилегий появляется практическая генеалогия, задачей которой было составление конкретных родословных росписей (таблиц) и сведение их в специальные справочники. Первым в России таковым справочником стал Государев родословец (1555—1556 г.г.), затем — Бархатная книга (1). В XVIII — начале XIX в. происходит становление генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины, выходящей за рамки сословных и политических интересов отдельных общественных групп, оказывающей помощь исследователям в изучении конкретного материала по генеалогии, политической истории, сословной структуре общества. Появляются пособия и справочники по дворянскому родословию (Долгоруков П. В., Лобанов-Рославский А. В., Руммель В. В. и др.), теоретические работы (Савский П. В., Гастев М. С., Савелов Л. М. и др.), многочисленные генеалогические исследования (Экземплярский В., Барсуков А. П. и др.). В советское время генеалогия входит в комплекс специальных дисциплин. Генеалогические исследования ведутся в принципиально новом направлении, когда объектом изучения являются одновременно какие-то количества фамилий, представляющих определенный класс, социальную группу, регион (Веселовский С. Б., Зимин А. А., Акмонов А. И., Носов Н. Е.). В предлагаемой статье рассматриваются две взаимосвязанные проблемы: генезис российского дворянства и становление его титулования.

Дворянство в общепринятом смысле этого слова оформляется в XVIII в. и проходит к тому времени эволюцию от низшего звена управленческих структур, младшего дружинника к высшему правящему сословию «землевладельцев». В XII—

XIII в.в., куда уводят нас истоки российского дворянства, употреблялись три термина, непосредственно относящихся к будущему дворянству: дворные люди, дворный слуга (он же — слуга под дворским), дворяне. Впервые слово дворяне встречается в Лаврентьевской летописи под 1175 г. в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского. Исследователь русских летописей М. Д. Приселков пришел к выводу, что он записан вскоре после событий, о которых идет речь. Затем термин встречается в I Новгородской летописи под 1210 г., 1214 г., 1215 г., 1218 г. и в новгородских актах 1264 г., 1266 г., 1270 г. (2). Близкое ему по значению название дворные люди впервые встречается в Воскресенской летописи под 1215 г., а дворный слуга — в Ипатьевской летописи под 1281 г., 1287 г., 1288 г. (3). В литературе нет однозначной трактовки выше названных терминов. На основании анализа сохранившихся источников ученые пришли к выводу, что слово дворяне в XII—XIII в.в. встречается преимущественно в летописях и актах Новгородского региона, где им обозначали как людей, так и слуг князя. Московские памятники отличают (по трактовке Павла-Сильванского Н. П.) слуг под дворским от дворских людей. Первые являлись свободными землевладельцами, служилыми людьми, бравшими на себя известные обязательства и занимавшими довольно высокое положение. Слово слуга тогда еще не означало ограничения личной свободы. Дворные люди или дворяне были зависимыми людьми, жившими при князе (холопы, ключники, тиуны, казначеи). Постепенно эти понятия сближаются и за ними закрепляется общее название дворяне. Признавая адекватность терминов дворяне и дворные люди, Яновский А., автор статьи в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза, высказывает мнение, что дворяне с момента возникновения термина были и вольные слуги, и холопы (4).

В конце XIX в. Ключевский В. О. выразил точку зрения, наиболее близкую современным авторам. Он считал, что указанными терминами называли младшую дружину (5). Этот тезис развил М. Б. Свердлов, пришедший к выводу, что термин дворяне сложился ко второй четверти XII в. в Северо-Восточной Руси и первоначально обозначал слуг княжеского двора в отличие от княжеских слуг — членов административно-судебного аппарата. С развитием феодальной вотчины и ростом потребностей в административно-управленческих кадрах в XIII в. расширяется состав низшего служилого класса за счет вливания в его среду слуг княжеского двора. Тогда же

происходит замена термина дружина словом слуги, а затем общим названием дворяне (6).

Таким образом, первые дворяне появились в Древней Руси на почве сеньориальной службы в период начавшейся феодальной раздробленности и из их состава формировался костяк властных структур великих и удельных князей.

Складывание Российского централизованного государства и перерастание сеньориальной службы в государственную, привело к изменению генеалогического состава дворян и их социально-политического статуса в государстве. Формируется понятие государевой службы, вместе с этим появляется новый социальный слой — государевы служилые люди, в состав которых входили все, кто находился на службе у великого московского князя: от бывших удельных князей, до рядовых дворян. Таким образом, дворяне, в прошлом члены вотчинного административного аппарата и младшие дружинники, оказываются в одной социальной группе со своими бывшими сюзеренами. Занимая различные ступени феодальной иерархии, все они относились к одному слою. В этот период оформляется тот тип подданических отношений, который определил основные черты российского самодержавия XV—XVI в.в. и выражался формулой «аз холоп твой». Потомки мелких удельных князей (Ушатые, Симские, Прозоровские и др.) сравнивались с нетитулованным московским боярством или даже встали в один ряд со второстепенными по родовитости, но влиятельными при дворе родами Колычевых, Сабуровых, Салтыковых и др. Воронцовы, Давыдовы, Захарьины-Кошкины стояли вровень с княжескими родами Курбских, Воротынских, старших Оболенских. Видную роль при дворе играли роды неизвестного происхождения Морозовых, Поплевиных, Бутурлиных, Челядининых.

Но некоторые из владетельных князей все же попадают в высший разряд московской знати: во второй половине XV — начале XVI в.в. это Патрикеевы из Литвы, Мстиславские и Бельские из южнорусских земель, в годы опричнины — Одоевские, Вяземские, Трубецкие.

Динамика перехода на московскую службу удельных князей из западно-русских земель выглядела следующим образом. Первыми из князей в конце XIV в. с понижением статуса на московскую службу перешли князья Оболенские и превратились в бояр московских. Уже на московской службе они дали обширные ответвления с новыми фамилиями и княжеским титулом: в середине XV в. — Долгоруковых, Щерба-

товых, Тростянецких; на рубеже XV—XVI в.в. — Ноготковых, Стригиных, Теленевых, Турениных, Репниных, Пеннских, Лыковых, Щепиных, Кашиных, Ярославовых (7). Вновь образовавшиеся роды автоматически оказывались на московской государственной службе. Активизировался процесс перехода удельных князей к московскому столу в последней четверти XV в. в связи с русско-литовскими войнами. В начале 70-х г. XV в. переходят князья Одоевские из северских князей; в 1481—82 г.г. — Бельские; с осени 1487 г. — Воротыньские; около 1489 г. — Белевские (весь род — в 1492 г.); с лета 1492 г. — Вяземские; в 1500 г. — Трубецкие (8). На всю первую половину XVI в. растянулся процесс включения служилых князей в Боярскую думу. Интересный анализ генеалогического состава Думы был сделан Ключевским В. О. (9) на основании изучения сохранившихся списков бояр и окольных чинных. Анализ списков показал, что с 1505 г. по 1593 г. через Боярскую думу прошло около 200 бояр, из которых — 130 (65%) являлись выходцами из знатных титулованных фамилий (князья Ростовские, Пенковы, Ярославские, Воротыньские, Шуйские, Мстиславские и др.) и 70 человек (35%) — нетитулованная знать. Иной состав за тот же период имели окольные чинные. Из 140 человек, бывших в Думе, 30 (менее 23%) принадлежали к знатным титулованным родам, остальные 67% — нетитулованная знать, старое московское дворянство (Морозовы, Поплевины, Салтыковы, Шеины, Кошкины, Захарьины, Шереметевы, Сабуровы, Годуновы и пр.). На протяжении всего XVI в. официально первые ряды при дворе занимала бывшая удельная знать, вторые — знать старомосковская, что соответствовало иерархии московского двора, которая выглядела следующим образом: 1) потомки великого московского князя; 2) потомки великих и удельных князей (в зависимости от времени перехода на службу к Москве и от значимости стола); 3) коренное московское боярство; 4) бывшие бояре удельных князей (в т. ч. потомки удельных князей до перехода к Москве бывших уже на службе у кого-либо) (10). С середины XVI в. в списках членов Думы появился третий чин — для неродовитых, но преданных и близких ко двору людей — чин думного дворянина. В числе первых думных дворян были Зюзины, Адашевы, Алферьевы, Черемисины.

Таким образом, в составе Думы «встретились» высший и низший разряды служилого слоя, а дворяне получили представительство в высшем органе центральной власти и наряду с княжескими родами были занесены в Государев родосло-

вец (Глинские, Сабуровы, Годуновы, Морозов с ветвями, Адашевы). Более того, для повышения статуса нетитулованных родов (по мнению Ключевского В. О., главным образом для детей боярских) в середине XVI в. вводится звание московского дворянина, которое было наследственным сословным наименованием, но могло приобретаться и выслугой.

Дворяне и дети боярские московского списка были главными деятелями центрального, гражданского и военного управления, служили в личной царской охране. Если первоначально звание боярских детей было более почетным, чем дворянин, то с 1566 г. в грамотах на первое место выдвигается термин дворяне. Кроме московского дворянства существовала также категория провинциального дворянства, главную массу которого составляли городовые дворяне и городовые дети боярские, а высший слой — выборные или из городов выбор. (См. таблицу 1). Таким образом, дворянство в XVI—XVII в.в. разделялось на следующие разряды: 1) роды, давшие членов Боярской думы; 2) придворные чины; 3) московское дворянство; 4) провинциальное дворянство, дети боярские. Категория дворянства к XVII в. поглотила промежуточные слои, но еще не оформилась в качестве официального понятия для определения всего сословия служилых землевладельцев и не охватывала высший его разряд — представителей титулованных родов. Однако, сближение различных слоев служилого класса продолжалось. В основе этого процесса лежали общие по сути землевладельческие права на землю и крестьян, служилое положение в государстве, общие порядки по несению воинской службы «конно, людно и оружно», зафиксированные в Уложении о службе (1556 г.). Этому также способствовал начавшийся в XVI в. процесс ликвидации привилегий титулованной знати, ранее зафиксированных в тарханно-несудимых грамотах, выдача которых в тарханной части прекратилась около 1506 г., а в несудимой — 1554 г. С начала XVII в. четко прослеживается стремление правительственных властей отличить «природных» детей боярских и отмежевать их от других социальных слоев. За дворянами, как и за титулованным боярством, закрепляется право «службы по отечеству» (см. таблицу 2). По указам 1601, 1606, 1652 г.г. следили, чтобы при новых наборах в число «служилых по отечеству» не попадали дети крестьян, холопы, священники и т. п., что создавало предпосылки для оформления понятия потомственного дворянства при Петре I.

В результате реформ начала XVIII в. сформировалась

сложная система государственного управления, для функционирования которой была необходима специальная группа лиц, подчиненная только верховной власти и зависимая от нее в служебном положении и имущественном обеспечении. Петр I делает ставку на дворянство, которому, как и во время своего возникновения, предстояло взять на себя выполнение административно-финансовых и военных обязанностей, но уже на качественно ином уровне. Эволюция дворянства этого периода обеспечивалась сознательной деятельностью государственной власти. Именно в начале XVIII в. появляется дворянское законодательство, т. е. законодательство, направленное на регламентацию состава дворянства и юридическое оформление его социального и политического статуса.

Во второй половине XVII — начале XVIII в.в. в состав Российского государства вошли западнорусские территории, на которых имело хождение слово шляхта, на короткое время заменившее в России официальное наименование дворянства. Немаловажное значение для этого имел психологический фактор. Еще в недалеком от современников Петра I прошлом термин дворянин обозначал сравнительно невысокий чин и того, кто был возведен в чин боярина, дворянином в конце XVII в. не называли. Для них общесословное обозначение словом дворянство было как бы понижением, в то время, как термин «шляхта» был новым и не вызывал отрицательных ассоциаций. Все же вначале шляхтой называли дворян и детей боярских, а высшие чины сохранили свое прежнее наименование. В последние годы жизни Петр I пользовался преимущественно термином дворянство, а после придания в 1721 г. ему степени благородства, этот титул становится общесословным, вытесняя из официального обращения наименование шляхетство. Однако, даже после установления официального наименования дворянин, им не было принято пользоваться в обиходе.

Появление общесословного наименования отражало процесс формирования общесословной психологии, которая, в свою очередь, не могла возникнуть без ликвидации внутрисословного противостояния бояр и дворян, высшей родовой знати и государевых служилых людей. Сближение этих социальных слоев шло в двух направлениях: боярство принижалось, теряя политические и земельные привилегии, а дворянство возвышалось, поглощая энергичных, грамотных людей из других социальных слоев. Два крупных законодательных акта Петра I имели в этом плане решающее значение —

указ о единонаследии (1714 г.) и Табель о рангах (1722 г.). По указу 1714 г. уравнивались в правах вотчины и поместья, но вводилось право единонаследия, в связи с чем, землю можно было передать по наследству одному из сыновей, что автоматически лишало земли остальных детей, а в сочетании с заменой поместных окладов денежными и появившейся после 1722 г. возможностью получения дворянства по службе (см. таблицу 3), вело к появлению безземельных дворян. Данное явление было совершенно новым и не свойственным дворянству предыдущего времени, поскольку, с момента своего возникновения дворянин был «служилым землевладельцем». Если указ 1814 г. определил основные принципы, то регламентацию социальной структуры с точки зрения служебного положения закрепила Табель о рангах, законодательно оформившая окончательную замену принципа родовитости принципами выслуги и заслуги. 14 классов-чинов являлись юридически оформленной сословной иерархией и устанавливали определенное соответствие между гражданской, военной и придворной службами. К Табели о рангах прилагались 19 пунктов, заложивших основы дворянского законодательства, в котором впервые были сформулированы условия приобретения дворянского достоинства за службу для лиц из других социальных слоев (см. таблицу 3).

Можно отметить, что уже при Петре I дворянство делится на потомственное и личное. Принцип и норма потомственного дворянства были сформулированы в именном указе от 6.01.1821 г., в котором, в частности, говорится, что дворянами являются все обер-офицеры, их дети и их потомки. Но уже через год пунктом 15 Табели о рангах устанавливалось, что дворянское достоинство может передаваться только сыну, рожденному после получения обер-офицерского чина, а при отсутствии такового — одному из ранее рожденных детей — по ходатайству отца и специальному разрешению. Остальные дети получали статус обер-офицерских детей (11). В отношении лиц гражданской и придворной службы вопрос о передаче дворянского титула в потомство решался еще строже: «которые в рангах не из дворян, оных дети не суть дворяне». Так появилась практика пожалования личного дворянства (т. е. дворянства без права передачи в потомство). Сам же термин «личное дворянство» зафиксирован в Жалованной грамоте дворянству в 1785 г.

Потомственное дворянство законами Петра I приобреталось: рождением от отца — потомственного дворянина, пожа-

лованием высочайшей властью (правил не существовало), службой военной и гражданской (строго в соответствии с законом). Личные дворяне могли стать потомственными, получив следующий чин или выхлопотав у императора разрешение на право передачи титула в потомство в связи с многолетней (20 и более лет) службой в обер-офицерском чине.

Дворянство имело существенные преимущества перед другими социальными слоями, но все же в первой четверти XVIII в. его вряд ли можно назвать господствующим классом. Дворяне жили по строгому распорядку, имея одну всепоглощающую обязанность — служить государству, Этанализм, отличающий внутреннюю политику Петра I, в плане социальных отношений приводил к отсутствию в этот период правящего класса как такового. В петровское время дворянство прошло начальный этап корпоративного оформления, получило законодательную основу для своего дальнейшего развития, основным направлением которого было приобретение политических прав и достижение действительно господствующего положения в обществе. Переломными были 60—80 г.г. XVIII в., когда российское дворянство получило законодательство, давшее ему самоуправление, освободившее его от всех обязательств перед государством и, в первую очередь, от обязательной службы, что составляло основной смысл существования дворянского сословия на протяжении предыдущих столетий. Наступал период реального дворянства, исследование которого не входит в задачи статьи.

* * *

Корпоративное оформление дворянства, произошедшее в XVIII в., сопровождалось развитием дворянского самосознания и внешних атрибутов благородства, среди которых особое место занимало титулование. Слово титул имеет латинское происхождение и обозначает почетное звание, подчеркивающее привилегированное положение.

Широкое распространение в России с начала XVIII в. получили родовые титулы, наименование которых, как и практика присвоения верховной властью в качестве вознаграждения или для повышения статуса, были заимствованы из Западной Европы, где на протяжении нескольких столетий титул прошел путь от названия королевских должностей до наименования почетного звания. На первом этапе понятия граф, маркиз и др. были названиями королевских должностей и пре-

дусматривали земельные пожалования и выполнение определенных обязанностей (см. таблицу 4). Землевладельческие права постепенно слились с правом власти, ранее данной королем и с появлением крупного землевладения стали рассматриваться как его неотъемлемая часть. Сложившаяся ранее иерархия королевских должностей, теперь стала отражать степень суверенитета. Основным содержанием следующего этапа эволюции титула было ограничение феодального иммунитета и формирование придворной иерархии, когда прежние названия должностей становятся почетными титулами при дворе короля централизованного государства. В России не было такой последовательной и длительной эволюции титула, однако, такой процесс шел.

Предысторией российского титулования была практика пожалования званий, первоначально связанных с выполнением конкретных обязанностей, начало которой можно обнаружить в раннефеодальной Руси. Первым пожалованным званием, тогда еще не отделившимся от выполнения обязанностей (как и в Западной Европе на I этапе эволюции) было звание княжего мужа, боярина-дружиинника, о чем имеются сведения в летописях. В Киевской Руси начинает эволюционизировать и титул князь. Кроме великого, появляются удельные князья, отличающиеся от него степенью суверенитета, а затем титул великого князя распространяется на владельцев крупных феодальных княжеств (Московского, Тверского, Ярославского и др.). В XIV в. появляются звания-чины, из которых в XVII в. образовались названия придворных чинов-должностей допетровского периода (сокольничий, чашничий, стольничий и др.). Два высших чина — боярина и околыничьего — в XVII в. приобретают характер исключительно почетных званий, дающих право на замещение высших чинов. Третьим чином-званием был чин думного дворянина (первоначально — должность члена Думы). Это думные чины-звания. Кроме них существовала иерархия приказных и придворных чинов-званий, тоже образовавшихся от наименования должностей (см. таблицу 1). От них следует отличать оставшиеся должностями придворные чины крайчего, постельничьего, казначея и др. Два ряда чинов-званий приказной и придворной службы замыкались наверху одними и теми же почетными думными званиями. Чины стольников и стряпчих давались избранному московскому дворянству, которое затем могло стать околыничьими и боярами. Городовые дети боярские этих чинов достигали редко, а для большинства дьяков

высшим чином, который они могли достичь, был чин думного дьяка. От думных и придворных чинов отличались чины московского дворянства и городского сына боярского (см. таблицу 1).

Во времена Ивана Грозного появляется пожалованный по дворянский титул «именитого человека». Он был дан одному из Строгановых, лечившему царского любимца Б. Годунова, а при Алексее Михайловиче титул был распространен на весь род Строгановых. Этот титул ставил его обладателя выше гостя, но не вводил в сословие дворян.

Петр I решительно прервал дальнейшую эволюцию российского титулования и ввел западноевропейские порядки. Прежние титулы никто не запрещал, они отмерли, так как ими перестали жаловать и использовать в официальных документах. В начале XVIII в. продолжали выделяться почетные звания-титулы из названий должностей, но уже с использованием новых наименований. Например, звания тайного и действительного тайного советника. Так, после Полтавской победы князь Г. Долгоруков был пожалован в действительный тайный советник, а боярин И. А. Мусин-Пушкин — в тайный советник. Кроме них эти звания в 1712—1722 г.г. получили граф П. А. Толстой, окольныйничий А. А. Матвеев, ближний стольник князь Б. И. Куракин, князь В. Л. Долгорукий, граф А. Г. Головкин, барон А. И. Остерман. Для Матвеева А. А., Куракина Б. И., Мусина-Пушкина И. А. это была замена почетных званий старого образца (боярин, окольныйничий, стольник) новыми, соответствующими духу начала XVIII в. Для остальных это почетное звание сочеталось с другими (князь, граф, барон), отражая две линии титулования — по службе и по достоинству.

При Петре I происходит развитие титулования по достоинству, дополнившее титулы по происхождению. Из европейских титулов было заимствовано два — графский, для представителей высшего дворянства, и баронский, для выделенных из состава рядового дворянства (кроме тех случаев, когда он был получен по происхождению).

Жалованным становится титул князя, единственный из российских титулов, прошедший эволюцию, аналогичную западноевропейской (должность-степень суверенитета — почетный титул при дворе). Но прежде, чем титул князя стал жалованным, произошло падение его значения от наименования владетельного сюзерена до служилого человека высшего ряда. Вероятно, в связи с тем, что в России было только три

титула, появляются различные варианты княжеского титула: великий князь (12), князь крови императорской (13), светлейший князь, князь (по происхождению или по достоинству). На княжеский титул по происхождению имели право: а) потомки Рюрика; б) потомки великого князя литовского Гедимина; в) разные иноплеменники. К 1700 г. потомков удельно-княжеских семейств было 47 родов, из которых к к. XIX в. угасли 11 (14). Восстановление утраченных княжеских титулов было не в обычае. По специальному разрешению титул мог передаваться по женской линии в случае пресечения рода по мужской. (Ромодановские — Ладыженским, Прозоровские — Голициным, Дашковы — Воронцовым, Воронцовы — Шуваловым). Жаловать княжеским титулом стали с начала XVIII в., без каких-либо правил, по воле императора. Титул князя (а также графа) мог быть получен от императора Священной Римской империи (по просьбе России) или жалован непосредственно (с 1706 г.). Причем, российский титул мог дублировать уже полученный титул Священной Римской империи. Первым в России княжеский титул по пожалованию получил А. Д. Меншиков, сначала от Священной Римской империи (1705 г.), затем от России (1707 г.). К тому времени он уже был графом Священной Римской империи (1702 г.). Кроме него княжеский титул получили Аргутинские-Долгорукие, Барклай-де-Толли, Васильчиковы, Безбородко и др. Князь и графы могли быть действительными (владели землями в пределах империи) или титульными (владели только титулом).

Первым графом в России, как и первым человеком, получившим титул по достоинству, был фельдмаршал, генерал-адмирал, боярин и посольских дел президент Ф. А. Головин (1701 г.), а после него — поручик роты А. Д. Меншиков (1702 г.), затем посольских дел президент — Г. И. Головкин (1707 г.). Все трое — графы Священной Римской империи (15). Первым собственно русским графом был фельдмаршал Б. П. Шереметев, получивший его от Петра I за подавление восстания в Астрахани (16). Всего графских титулов пожаловано: от Петра I — 9 (в их числе: И. А. Мусин-Пушкин, П. М. Апраксин, Н. Зотов), от Екатерины I — 6 (в их числе два — братьям Скавронским), от Петра II — 1 (Петербургскому генерал-губернатору Миниху Б. К.), от Анны Иоанновны — 6 (в их числе: московский генерал-губернатор Салтыков Ф. В., вице-канцлер барон Остерман А. И.). Графских родов к 1894 г. учтено 310 (в т. ч. 70 пресеклись в мужской ли-

нии), из них 112 родов — графы Российской империи (17). Титулы Священной Римской империи жаловались до Павла I, точнее до падения империи в 1806 г.

Могло быть сочетание графского и княжеского титулов, обычно с удвоением фамилии, например, Суворов А. В. — граф Римникский, князь Итальянский, Паскевич И. Ф. — граф Эриванский, князь Варшавский. Обычай давать военным начальникам почетное прозвание по местности, где они одержали победу, был заимствован у древних римлян и в сочетании с присвоением почетного титула превращал эту приставку в фамилию-титул. Первым в начале XVIII в. такое наименование (почетную фамилию-титул) получил Меншиков А. Д. — светлейший князь Ижорский. Наибольшее распространение эта практика получила во второй половине XVIII в. (граф Орлов А. Г. — Чесменский, князь Долгоруков В. М. — Крымский, граф Румянцев П. А. — Задунайский и др.).

Двойной родовой титул мог возникнуть по разрешению государя в случае пресечения одного из титулованных родов. Например, в 1856 г. С. П. Сумароков получил титул графа, но род прервался по мужской линии и в 1875 г. было разрешено мужу его дочери — Эльстону Ф. Н. именоваться графом Сумароковым-Эльстоном. Сын последнего женился на дочери князя Юсупова Н. Б., которая после смерти отца осталась единственной представительницей рода, в связи с чем Александр III разрешил ее мужу и ей именоваться князьями Юсуповыми, графами Сумароковыми-Эльстон (18).

Третьим, после князя и графа, жалованным титулом был титул барона, который после 1710 г. стал проникать в Россию из завоеванных прибалтийских территорий, где его носили старинные немецкие роды. Савелов Л. М. называет 31 род из прибалтийских немцев, в числе которых Берг, Пален, Врангель (19). Баронский титул имели право носить те старинные дворянские фамилии, которые во время присоединения Прибалтики к России уже были записаны в местных матрикулах. После 1710 г. Петр I считает себя вправе жаловать титул барона. Всего им было сделано три таких пожалования: в 1710 г. подканцлеру П. П. Шафирову, в 1721 г. А. И. Остерману за заключение Ништадтского мира, в 1722 г. братьям Строгановым. Всего в к. XIX в. было учтено 240 баронских родов, из них — 31 по пожалованию. Из 7 пожалований второй половины XIX в. 6 получили купцы (20).

Следует отметить, что русские дворяне не могли принимать фамилий, гербов и титулов, передаваемых им от ино-

странных подданных. На протяжении XIX в. активно разрабатывалось дворянское законодательство (указы 1846, 1856, 1876, 1891 г.г. и др.), в котором достаточно подробно разработаны вопросы, касающиеся доказательства дворянства, правил передачи фамилий, титулов, гербов и др. Так, в инструкции Департамента герольдии дворянским депутатским собраниям от 1.01.1846 г. определялось, что право наследственного пользования почетным титулом принадлежало: 1) нынешним потомкам древних русских и литовских родов; 2) лицам, происходившим от предков, возведенных с их потомством в почетное достоинство российскими императорами или утвержденными в нем по пожалованию от иностранных государей. Право на пользование титулами сохранялось до конца 1917 г. и было ликвидировано декретами Советской власти от 10(28) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» и 16(29) декабря «Об уравнивании всех военнослужащих в правах».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих. — Ч. I—II. — М., 1787. — Ч. I. — 352 с. — Ч. II — 453 с.
2. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. — Л., 1983. — С. 210.
3. Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение дворянства. — СПб., 1898. — С. 28, 301; Свердлов М. Б. Указ. соч. — С. 210.
4. Энциклопедический словарь. — Т. 19(X). — СПб.: Изд. Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. — 1883. — С. 203.
5. Ключевский В. О. История сословий в России. — Изд. 3. — Пг. — 1918. — С. 76.
6. Свердлов М. Б. Указ. соч.; Его же: Дворяне в Древней Руси//История феодальной России. Сб. статей и очерков к 70-летию Мавродица В. В. — Л., 1978. — С. 54—59.
7. Кобрин В. Б. Генеалогия и антропонимика (по русским материалам XV—XVI в.в.)//История и генеалогия; Веселовский С. Б. и проблемы историко-генеалогических исследований. — Сб. ст. — М., 1977. — С. 97.
8. Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве к XV — пер. трети XVI в.в.//Дворянство и крепостной строй в России XVI—XVIII в.в. — Сб. ст. — М., 1975. — С. 28—55.
9. Ключевский В. О. Указ. соч. — С. 136—137.
10. Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии. — Ч. I—II. — М., 1908. — Ч. II. — С. 24.
11. Обер-офицерские дети (дети обер-офицера, родившиеся до получения отцом статуса дворянина) в 1832 г. были причислены к вновь созданному слою почетных граждан и только с 1874 г. все дети лица, получившего статус потомственного дворянина по чину приобрели право наследовать его.
12. С 1547 г. титул великого князя входит в царский титул, с 1721 —

в императорский, а также частный родовой титул членов императорской фамилии.

13. В 1797—1885 г.г. для детей праправнуков императора по мужской линии, их сыновей и внуков, а также младших детей правнуков и потомков.

14. Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. — СПб. — 1886. — С. 194.

15. Там же. — С. 194.

16. Савелов Л. М. Статьи по генеалогии и истории дворянства. — СПб. — 1898. — С. 117.

17. Шепелев Л. Е. Отмененные историей чины, звания и титулы в Российской империи. — Л., 1977. — С. 104.

18. Его же: Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. — Л., 1991. — С. 59.

19. Савелов Л. М. Лекции по генеалогии. — Ч. 1. — С. 55.

20. Шепелев Л. Е. Отмененные историей. — С. 103.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Таблица 1. ИЕРАРХИЯ ЧИНОВ-ЗВАНИЙ В РОССИИ В XVII в.

Думные	Придворные	Приказные	Городовые	Московского дворянства
1. Бояре	1. Стольники	1. Думные дьяки	1. Выборные из дворян	1. Бояре. Окольничьи. Думные дворяне
2. Окольничьи	2. Стряпчие, спальники	2. Дьяки	2. Дети боярские дворовые	2. Стольники. Стряпчие. Московские дворяне
3. Думные дворяне	3. Дворяне московские 4. Жильцы	3. Подъячие	3. Дети боярские городовые	3. Жильцы. Выборные дворяне из городов. Дворовые дети боярские или дворяне. Городские дети боярские

Чины московского дворянства даны по Павлову-Сильванскому Н. Ключевский В. О. считал московскими чинами придворные.

Таблица

Таблица 3. КЛАССЫ И ЧИНЫ, ДАЮЩИЕ ПРАВО НА ДВОРЯНСТВО

Год	Класс и соответствующий ему чин	
	по военной службе	по гражданской службе
722	XIV класс, I обер-офицерский чин (фендрик, мичман, флигель-адъютант) — потомственное дворянство	VIII класс, коллежский ассесор-потомственное дворянство
845	VIII класс, I штаб-офицерский чин (майор, войсковой старшина) — потомственное дворянство. До VIII класса личное дворянство	V класс, статский советник — потомственное дворянство, VI—VIII классы — личное дворянство, X—XIV классы — личное почетное гражданство
856	VI класс — последний штаб-офицерский чин (полковник, капитан I ранга) — потомственное дворянство, VII—XIV класс — личное дворянство	IV класс, действительный статский советник, обер-прокурор, с V класса — личное дворянство

Таблица 4. ИЕРАРХИЯ ТИТУЛОВ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ДВОРЯНСТВА

Титулы	Первоначальное значение термина
герцог	Племенной князь, в период феодальной раздробленности крупный территориальный владетель (второе место после короля)
Маркграф, маркиз	Должность утверждена Карлом Великим для управления марками (крупными пограничными административными округами). Более широкие полномочия, чем у графа. Позднее самостоятельный и полусамостоятельный владетель областей (княжеств)
граф	В раннем средневековье королевское должностное лицо, наделенное в своем округе (графстве) судебной, административной, военной властью. В период феодальной раздробленности — феодальный владетель, позднее титул высшего дворянства
виконт	Заместитель графа, позднее титул дворянства, ниже графа, выше барона

Титулы	Первоначальное значение термина
Барон	Непосредственный вассал короля, позднее титул дворянства, занимает последнее место в иерархии титулов высшего дворянства
Баронет	Уменьшительное от барона. Введен в Англии в 1611 г. Занимает промежуточное положение между высшей знатью и низшим дворянством
Сеньоры	Нетитулованное дворянство, основание пирамиды

Таблица 5. СООТВЕТСТВИЕ ОБЩИХ И ЧАСТНЫХ ТИТУЛОВ

Частные родовые титулы (словесное обозначение знатности происхождения или достоинства)	Общие родовые титулы (официально присвоенная форма почетного обращения в соответствии с достоинством)
Барон — низший частный родовой титул. Употреблялся с предикатом господин.	Благородие
Баронесса — частный родовой титул жены и дочери барона, употреблялся с предикатом госпожа	—»—
Великая княгиня — частный родовой титул жены великого князя	Высочество, императорское высочество
Великая княжна — частный родовой титул дочери и внучки императора (до замужества)	—»—
Великий князь — частный родовой титул членов императорской фамилии: в 1797—1885 г.г. — до праправнуков императора включительно, после 1885 г. — только сыновей и внуков императора	—»—
Граф — высший частный титул	Снятельство
Графиня — частный родовой титул жены и дочери графа	—»—

Частные родовые титулы
(словесное обозначение знатности
происхождения или достоинства)

Общие родовые титулы
(официально присвоенная
форма почетного
обращения в соответ-
ствии с достоинством)

Дворянин — низший частный родовой титул

Благородие

Император — частный титул монарха — гла-
вы государства, употреблялся как общий ти-
тул с предикатом государь

Императорское вели-
чество (малый титул)

Императрица — частный титул женщины —
монархини главы государства; матери царст-
вующего императора; жены царствующего им-
ператора. Употреблялся как общий титул с
предикатом госпожа

—>—

Княгиня — частный родовой титул жены
князя

Снятельство

Княжна — частный родовой титул незамуж-
ней дочери князя

—>—

Князь — высший частный родовой титул

—>—

Князь крови императорской — частный ро-
довой титул членов императорской фамилии:
1797—1885 г.г. — детей праправнуков им-
ператора в мужском поколении, их сыновей
внуков, а также младших детей правнуков
их потомков по мужской линии

Светлость

Наследник — цесаревич — частный титул
наследника престола (обычно старшего сы-
на), употреблялся с предикатом государь

Императорское высо-
чество

Царевна — частный титул жены наследни-
ка престола (в просторечии царевна)

—>—

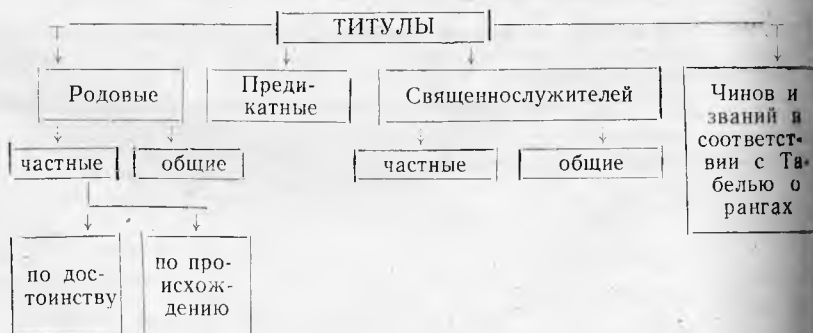
Таблица 6. ОБЩИЙ ТИТУЛ (форма почетного обращения в соответствии с Табелью о рангах, внешнее проявление чиновпочитания)

Классы	Форма обращения
I—II	Ваше высокопревосходительство
III—IV	Ваше превосходительство
V	Ваше высокородие
IV—VIII	Ваше высокоблагородие
IX—XIV	Ваше благородие

Таблица 7. ПРЕДИКАТНЫЕ ТИТУЛЫ (обычная и общепринятая форма обращения и наименования, «величание»)

Господин (госпожа)	Частный предикатный титул, обычная именная форма обращения
Государь (государыня)	Частный предикатный титул, составная часть частного титула «государь император»
Сударь (сударыня)	Частный предикатный титул, обычная безымянная форма обращения

Таблица 8. КЛАССИФИКАЦИЯ ТИТУЛОВ

З ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ ГАЗЕТИ «НОВА РАДА» (1917 р.)

Одним із унікальних джерел з історії формування української державності в 1917 році являється газета «Нова Рада». Цей друкований орган можна вважати однією із предтеч сучасної демократичної української преси. 75 літ тому, 25 березня 1917 р. вийшов перший номер цієї газети. Серед її співробітників і авторів були видатні політики і діячі української культури М. Грушевський, С. Єфремов, Д. Дорошенко, В. Леонтович, Є. Чикаленко та інші. Двоє останніх були в 1906 році редакторами першої на території Російської імперії української газети «Громадська думка» і виступали носіями демократичних традицій української періодики.

В першому номері «Нової Ради» була опублікована стаття Голови Центральної Ради професора М. С. Грушевського «Велика хвиля», в якій один із лідерів українського національно-визвольного руху писав: «Мусимо тримати руку на пульсі народного життя і йти в ритм його биття. **Воно** тільки нам закон, **йому** ми мусимо коритись, його голосити всім, без огляду чи воно буде їм приємне чи ні». В цих словах заключалось кредо М. Грушевського як політика і державного діяча нової революційної доби. В цьому ж номері було надруковане звернення Української Центральної Ради «До українського народу», в якому говорилось: «Впали вікові пута. Прийшла воля всьому пригніченому народові, всім поневоленним націям Росії. Настав час твоєї волі й пробудження до нового, вільного, творчого життя, після більш як двохсотлітнього сну. У перше, Український тридцятипятимільйонний народ, ти будеш мати змогу сам за себе сказати, хто Ти і як хочеш жити, як окрема нація. З цього часу в дружній сім'ї вільних народів могутньою рукою зачнеш сам собі кувати кращу долю». Редколегія газети «Нова Рада» закликала своїх читачів підтримувати українську пресу, бо «вільне слово наше — символ воскресіння» — говорилось в газеті.

В другому номері газети від 28 березня 1917 р. М. С. Грушевський виступив із статтю «З старого і нового». Це був своєрідний коментар до унікального твору видатного українського та російського історика і письменника М. Костомарова «Закон Божий» (Книга буття українського народу). Дякуючи газеті «Нова Рада», українські читачі знайомилися з визначним пам'ятником вітчизняної історії, своєрідною програмою відомого Кирило-Мефодіївського братства, розгромленого царизмом в середині XIX століття. Програмні положення костомарівського «Закону Божого» відображали глибокі гуманістичні устремління учасників Кирило-Мефодіївського товариства. були пронизані любов'ю до України, до всіх слов'янських народів. Коментуючи ці положення, М. Грушевський підкреслював органічний зв'язок політичної діяльності Центральної Ради з національно-визвольними змаганнями української демократії середини XIX століття, серед яких були М. Костомаров, М. Гулак, В. Білозерський, Т. Шевченко та інші. Варто підкреслити, що лише в 1991 році «Закон Божий» (Книга буття українського народу) був нарешті виданий на Україні масовим тиражем.

Дослідник вітчизняної історії чи просто зацікавлений читач знайде на сторінках «Нової Ради» багато статей М. Грушевського, С. Єфремова та інших українських вчених, які ніколи не перевидавалися і становлять значний історіографічний інтерес. Це, зокрема, статті М. Грушевського «Повороту нема» з національного питання (№ 4), «Народам України» (№ 6); С. Єфремова — «На партійні теми» (№ 10), «Дві правди» (№ 21), присвячені політичному життю на Україні та багато інших.

«Нова Рада» висміювала ті суспільно-політичні настрої, які мають місце і в сучасному житті і направлені проти процесу творення української соборної держави. В статті «Нова національність» було піддане критиці так зване «Общество юго-россов», яке претендувало на утворення нового етносу на Україні з метою підігрівання сепаратистських настроїв на півдні України (№ 8). Редколегія газети систематично розвінчувала спроби реакційних, шовіністичних газет — «Киевлянин», «Русское слово», «Русские ведомости» — зобразити український національно-визвольний рух, як інспірований групкою українських інтелігентів, що не мають значної соціальної опори (Див. №№ 15, 18, 21 та інші).

Однією із центральних тем на сторінках української газети була тема будівництва національних збройних сил. Статті,

замітки, репортажі під назвами «Українське військо», «Військові справи», «Український військовий з'їзд» знайшли постійну приписку на шпальтах «Нової Ради». Уже в квітні газета постійно інформувала читачів про хід українізації військових частин. Вона розповідала про створення 1-го українського полку ім. Б. Хмельницького (№ 19), про перший Всеукраїнський військовий з'їзд (№№ 27—35), про події на фронтах і на Чорноморському флоті (№№ 1, 10, 18, 23, 44 та інші). Ці матеріали викличуть неабиякий інтерес у сучасника. Слід додати, що резолюції Всеукраїнських військових з'їздів, а їх було три в 1917 році, практично не перевидавалися, і тому українські газети являються єдиним джерелом, з якого можна взяти відомості про них. Так, 10 травня «Нова Рада» опублікувала резолюцію I з'їзду «Про відношення до війни», в якій підкреслювалось, що «Всеукраїнський з'їзд визнає необхідним, щоб на мирній міжнародній конференції була представлена Україна в особі своїх делегатів від організованого українського народу в усій його суспільності».

З «Нової Ради», як провідної української газети 1917 року, ми дізнаємося про видання українських газет на всій території Російської держави. 21 травня в замітці «Новий товариш» йшлося про те, що у Владивостоці 30 квітня почав виходити український тижневик під назвою «Українець на Зеленому Клині». Редагував цю газету Д. Боровик, вихідець із Одеси, засланий жандармерією на Далекий Схід ще в 1906 році. Пізніше редколегія «Нової Ради» повідомляла, що в Сибірі вийшов ще один тижневик на українській мові — «Українська Амурська Справа». Його редагував пан Ситницький. Про ці періодичні видання, на жаль, немає відомостей і в науковій історичній літературі, а тим часом кожна газета це визначна подія в політичному і культурному житті народу.

Сторінки «Нової Ради» вміщують багато цінної інформації про військово-політичні процеси в різних куточках України — Києві, Катеринославі, Херсоні, Одесі та ін. Так, наприклад, 22 червня газета опублікувала статтю про діяльність Ради українських вояків Одеського гарнізону. В ній йшлося про заходи місцевої української Ради по українізації військових частин в Одесі. Цікаво відзначити, що автором статті був відомий публіцист Юрій Липа. Газета публікувала подібні матеріали з метою подальшої активізації процесів українізації війська по всій Україні; вони мали не тільки інформаційний, а й пропагандистський характер.

Влітку 1917 р. Генеральний Секретаріат Центральної Ради розпочав енергійну роботу по створенню Вільного Козацтва — своєрідної гвардії народу України. Газета «Нова Рада» розгорнула активну агітацію серед населення, допомагаючи уряду в створенні нових збройних сил. Вона публікувала звернення до губернських і повітових українських Рад і селянських спілок з закликом включитися в організацію частин Вільного Козацтва на місцях. Але паралельно з цим газета закликала до реалізму в цій важливій справі. Так, в статті «Козача романтика», від 2 вересня 1917 року, «Нова Рада» застерігала від романтизму, який властивий деяким військовим і політичним діячам. Таким чином, газета виступала не лише літописцем, а й активним суб'єктом суспільно-політичного процесу. Її публікації формували політичну свідомість мас, впливали на шкалу політичних цінностей громадян.

Перемога Жовтневого збройного повстання в Петрограді і дальший розвиток революції в Росії створили нову політичну ситуацію в Україні. 7 листопада Центральна Рада видала III Універсал, в якому проголошувалось створення Української Народної Республіки в стані федеративного зв'язку з Росією. Проголошення УНР знайшло позитивну оцінку на сторінках всіх українських періодичних видань. На думку «Нової Ради», III Універсал «поставив всі крапки над «і». 9 листопада в спеціальній рубриці «З газет та журналів» «Нова Рада» помістила матеріал, в якому говорилось, що газета «Народна воля» і «Робітнича газета» схвально відгукнулися на проголошення Української Народної Республіки. Однак, «Нова Рада» найбільш послідовно з-поміж других українських газет відстоювала національні інтереси українського народу, його право на самостійний розвиток.

З провідною українською газетою активно співробітничав молодий поет Павло Тичина. Уже в перших номерах газети він почав друкувати свої вірші. 30 березня «Нова Рада» опублікувала вірш П. Тичини «Гей, вдарьте в струни, кобзарі!», в якому український поет вітав відродження своєї батьківщини після повалення царизму. Після проголошення Української Народної Республіки П. Тичина виступив в «Новій Раді» з такими поезіями:

«Ой, що в Софійському заграли дзвони, затремтіли
Не білі голуби — янголи у небі полетіли
Ой там зібралися під прапори, під соняшні, ще й сині
Від нині — не буде більше пана в вільній Україні!»

В грудні 1917 року, коли Рада Народних Комісарів Росії почала військові дії проти України, звинувативши Центральну Раду в дезорганізації фронту і підтримці контрреволюційного заклону Каледіна, газета «Нова Рада» виступила на захист права українського народу на самовизначення. Коментуючи офіційну точку зору українського уряду відносно відмови пропускати російські війська на Дон проти Каледіна, «Нова Рада» писала, що головком Росії Криленко «похваляється, що по дорозі на Дон можна було б і Україну підбити під високу руку «народних комісарів». Матеріали газети за грудень 1917 р. переповнені інформацією про стосунки України і Росії, про хід військових дій між військами Центральної Ради і російського Раднаркому. Рубрика «Війна з більшовиками» стає постійною на сторінках «Нової Ради» (№№ 204, 205, 206, 207 та ін.).

Наряду з цим, газета систематично писала про мирні переговори в Брест-Литовську, на яких була присутня і делегація Української Народної Республіки. На сьогоднішній день в літературі надзвичайно мало відомостей про участь України в переговорах, а ті що є однобоко висвітлюють цю проблему. 24 грудня Українська Народна Республіка в ноті до всіх учасників першої світової війни заявила, що стає на шлях самостійних міжнародних зносин і буде боротися за підписання загального демократичного миру без анексій і контрибуцій. Було заявлено, що влада Ради Народних Комісарів не поширюється на Українську Республіку і тому умови Брест-Литовського миру має підписувати уряд УНР. Голова російської делегації в Брест-Литовську Л. Троцький формально визнав українську делегацію, але чинив їй всілякі перешкоди. Газета «Нова Рада» в статті «Хижа лапа» осудила провідників більшовицької політики на Брест-Литовських переговорах (Див. № 215). 30 грудня в передовій статті «Священна війна», українська газета, аналізуючи непоступливість Л. Троцького в переговорах з німецьким урядом його небажання підписувати мирний договір, писала: «Одурені маси мають право запитати своїх ватажків — ви обіцяли негайний мир, а тепер вже до священної війни закликаєте?». В цій статті розвінчувалася авантюрна більшовицька ідея про необхідність світової пролетарської революції, яку підтримала в цей період більшість керівників більшовицької партії.

Закінчувався 1917 рік. 31 грудня «Нова Рада» опублікувала заключну статтю С. Єфремова «На вершину національних досягнень», в якій було зроблено аналіз політичних по-

дій на Україні в 1917 році. Відомий вчений в цій статті підкреслював, що революція на Україні була органічно зв'язана з революцією в Росії, з поваленням самодержавства, але вже з перших днів набула «одмінних та оригінальних рис». Підбиваючи підсумки року, він писав: «Щоб не було далі, а минулий рік на віки вічні лишиться в пам'яті народній, як граничний стовп, що показує дорогу — до волі, до щастя, до поступу і братерства вселюдського». Одним із українських літописів цього року була газета «Нова Рада».

**ВЫБОР ИСТОРИЧЕСКОГО ПУТИ.
ЮГ УКРАИНЫ В 1917—1920 ГОДАХ.
(КОНЦЕПТУАЛЬНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ
ПОДХОД)**

I. Постановка проблемы.

В изучении истории революции и гражданской войны на Юге необходимо усиление внимания к вопросам методологии и главному принципу методологического анализа — историзму.

Это определяется, во-первых, кризисными явлениями в исторической науке, которая отошла от «сталинской» историографии, и вместе с тем, еще не избавилась от субъективизма и конъюнктурных подходов в оценке исторических фактов и событий. Во-вторых, имеет место наличие «белых пятен», «закрытых зон», «черно-белых тонов» в оценках сложного kaleidoscope событий, происходивших на юге Украины. В-третьих, рассмотрение событий на юге необходимо вести в плане раскрытия общих закономерностей революционных процессов и их конкретно-исторических особенностей в южном регионе. Речь идет о проблеме центра и региона во всем ее многообразии и сложности. В-четвертых, необходим сравнительный анализ источников в связи со слиянием бывших партийных архивов с государственными, передачей в государственные архивы документов и материалов органов госбезопасности, которые в свое время комплектовались, исходя из субъективных конъюнктурных соображений. Наконец, в-пятых, необходимо преодолеть иллюстративный подход к историческим фактам, рассматривая их во взаимосвязи и опосредствованиях на конкретном историческом фоне.

II. Научная периодизация историографического процесса.
Условно можно выделить следующие этапы.

20-е г.г. — период становления исторической науки в целом, и в изучении юга Украины в частности. Этот период характеризуется массовым изданием литературы, мемуаров, ав-

торами которых являются участники революции и гражданской войны, появлением архивных источников в связи с созданием в 1920 г. ЦГАОР (Центрального Государственного Архива Октябрьской Революции), на местах — комиссий по концентрации и разработке истории революционных памятников, истпарта и т. п. Имея в виду издание книги «Историография Великой Октябрьской социалистической революции на Украине» и приводимый в ней общий обзор литературы (1), можно выделить две группы работ: труды, где дается общая характеристика событий (2), и вторая, где речь идет конкретно о южном регионе (3). В этот же период времени в периодике — журналах «Былое», «Літопис України» и других, — публикуется ряд материалов о событиях на юге Украины (4). В 1923—1924 г.г. в Одессе начали издаваться сборники по историческому краеведению («Вестник исторического краеведения»).

Высоко оценивая 20-е г.г., введение в научный оборот документов и материалов, хотелось бы отметить и другое: в эти же годы начала создаваться тоталитарная командно-административная система, последствия которой сказались и на характере научных исследований (5).

Второй этап приходится на 30—40-е г.г. — период расцвета «сталинской» историографии, когда история революции и гражданской войны стала превращаться в страницы биографии Сталина и его окружения, а в результате репрессий с книжных полок исчезли ценные труды активных участников революции, гражданской войны, что значительно сузило возможности научных исследований в этой области. Вместе с тем, в этот период времени делались попытки дать объективное изложение исторических фактов и событий, хотя и преобладали субъективные подходы в соответствии с «требованиями времени» (6).

Третий этап — 40—60-е г.г. После Великой Отечественной войны в связи с ее уроками и итогами и развернувшейся критикой культа личности Сталина, можно отметить значительное оживление публикации исторических работ, усиление внимания к региональным аспектам, в том числе и к югу Украины. Здесь следует выделить, с одной стороны, рассмотрение событий на юге как неотъемлемую составную часть событий в стране в целом, с другой, расширение фактологической базы изучения проблемы, и, что особенно важно, массовое появление документальных источников и статей (7).

В изданиях этого периода приводятся ценные материалы

о социально-экономическом развитии Юга в 1917—1920-х г.г., об исторических персоналиях, революционных событиях того периода времени, вместе с тем, на основе критического самоанализа нельзя не отметить односторонний подход в оценке деятельности большевистских организаций, наличие политических ярлыков в оценке мелкобуржуазных партий как контрреволюционных, отсутствие глубокого анализа альтернативных путей развития на юге и в других регионах страны и т. п.

70—80-е г.г. Здесь, с одной стороны, появлялись работы в которых вводились в научный оборот новые данные, материалы об Октябре и гражданской войне, в частности, по истории непролетарских партий и организаций (8). В связи с 60-летием гражданской войны появился ряд работ, в которых выдвигались дискуссионные вопросы, связанные с социальной структурой и социальными отношениями на юге Украины (9).

В то же время в литературе этого периода наблюдается оживление и рецидивы «сталинской» историографии, прикрываемые принципом «партийности», идеологизированность и политизация исторической науки.

Современный этап развития историографии — кон. 80-х — нач. 90-х г.г. — имеет в виду те процессы, которые произошли в стране, отказ от догм и стереотипов, поворот к творческому анализу исторических событий и фактов на основе плюрализма мнений (10).

К сожалению, во многих изданиях, заслуживающих, безусловно, положительной оценки, почти исчез региональный подход, который так важен для конкретного исследования проблемы юга Украины.

III. Источниковая база и археография.

Прежде всего необходимо отметить значение архивных документов и материалов, хранящихся в фондах центральных архивов: Государственном архиве Российской Федерации (бывший ЦГАОР): фонд Совнаркома (ф. 130). Военный отдел ВЦИК (ф. 1235), Наркомпрода (ф. 1943), Наркомата внутренних дел (ф. 393) и др.; Российский государственный Военный архив (бывший ЦГАСА): фонд Управления 45-й Волынской стрелковой дивизии (ф. 1241), Управления 3-й Украинской Советской армией (ф. 138), Управления Одесского военного округа (ф. 25885); Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (бывший ЦГАОР Украины): фонд Румчерода (ф. 3156), ВУЦИК (ф. 1), Совнаркома УССР (ф. 2) и др.

Особый интерес представляют фонды региональных архи-

вов. Так, например, в Государственном архиве Одесской области хранится ряд документов, отражающих историю этого переломного периода. К фондам, традиционно наиболее полно изучаемым исследователями, относятся документы Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота (ф. р-3829), революционных комитетов Одесской губернии (ф. р-2106), исполнительных комитетов СРД и др. Материалы этих фондов позволяют сделать выводы о политическом и экономическом положении отдельных районов юга Украины в период установления советской власти, о деятельности различных партий, общественных групп и организаций в процессе становления новых властных структур. Следует обратить внимание на обязательность критического подхода к данным источникам. Так, например, наблюдается несоответствие статистических данных и других сведений, содержащихся в документах внутреннего делопроизводства, и переписки с вышестоящими инстанциями.

В Госархиве хранится также комплекс документов, недостаточно изученных на сегодняшний день. К ним относятся прежде всего документы Одесского губревтрибунала (ф. р-1774), Одесской тюрьмы (ф. р-3832), Одесского губернского концентрационного лагеря (ф. р-73) и др. Фонды содержат материалы, позволяющие проанализировать деятельность карательных органов, глубже исследовать проблему «белого» и «красного» террора. Наличие документов по личному составу (так, например, списков заключенных Одесской тюрьмы, губернского канцлагеря, судебных дел ревтрибунала) дает возможность персонафицировать исторические исследования.

Фонды Одесской городской управы (ф. 16), Одесской губернской комиссии по выяснению убытков, нанесенных Советской власти интервенцией и белогвардейцами (ф. р-4529), Одесской городской комиссии по учету и возвращению населению имущества, захваченного большевиками (ф. р. 4930), позволяют реально определить ущерб, нанесенный городу и населению в период войны и революционных событий.

Ценность представляют и фонды Николаевского, Крымского, Херсонского архивов, хотя многие фонды содержат ограниченное количество дел, что связано с особенностями комплектации местных архивов.

Другая группа источников — пресса. Здесь исследователю помогает весьма ценный библиографический указатель «Одесская периодическая пресса периода революции и гражд-

данской войны» под редакцией С. Л. Рубинштейна, в котором указывается, что в 1917 г. в Одессе выходило множество газет и журналов (11). В этом же библиографическом указателе даны исходные данные о газетах, выходивших на юге. Интерес представляют и материалы центральной прессы этого периода. Изучение в основном прессы большевистского направления, характернее для советской историографии, не позволяет всесторонне раскрыть сложные и неоднозначные процессы, проходившие в стране в 1917 г. Более объективные результаты исследования могут быть получены на основе комплексного анализа массива периодики всех политических партий и течений. Хотелось бы отметить, что если раньше на первый план выдвигались газеты большевистского направления, то сейчас необходимо во имя исторической правды широко использовать всю прессу, в том числе и газеты других политических партий. Так, например, такие кадетские газеты, как «Одесские новости» и «Одесский листок» дают весьма ценный материал о периоде интервенции и оккупации юга Украины державами Антанты. Ценность представляют газеты и журналы, издаваемые различными политическими партиями на немецком, французском, польском и других языках, а также пресса, характеризующая национально-освободительное движение на Украине.

Важными источниками являются документальные публикации, начавшие выходить уже в 20-е годы. Много документальных материалов опубликовали журналы «Красный архив» (орган Центрархива), «Пролетарская революция» (орган истпарта), «Каторга и ссылка» (орган Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев), «Літопис Революції» (орган истпарта Украины).

Нельзя не отметить, что в изданиях документов до сего времени наблюдается тенденциозность и субъективизм: приоритетный показ роли большевистских организаций и только в позитивном плане, политические ярлыки Центральной Раде, Директории, партиям социалистического выбора — меньшевикам и эсэрам как контрреволюционным, приоритет классового подхода, чрезмерная политизация и идеологизация событий. Резня и противостояние политических партий выдвигается как правомерное, а соглашение между ними как ошибки и просчеты большевиков. Факты говорят о другом. 28 октября 1917 г., буквально на второй день после победы вооруженного восстания в Петрограде, в Одессе создается губернский областной ревком Херсонщины из пред-

ставителей Советов, Румчерода, социалистических партий, Центральной Рады. Через три дня на объединенном заседании Советов выдвигается предположение о создании однородного социалистического правительства ряда политических партий (12). Еще об одном событии. После вооруженного столкновения Красной Гвардии и гайдамаков в Одессе 1 декабря 1917 г. заключается соглашение о создании органа власти из представителей Советов и Центральной Рады, а несколько позже Одесса провозглашается «вольным городом» в составе УНР (13). Причем это решение активно поддерживалось Рузером и другими большевиками. Эти и им подобные факты свидетельствуют о том, что «силовые» методы и у большевиков не были единственной формой борьбы за власть. Имел место альтернативный выбор, побеждал здравый смысл. Некоторые исследователи называют такое переплетение «мирных» и «немирных» отношений между политическими партиями парадоксами общественно-политической жизни. Можно оспаривать это положение, но главное в том, что на решающем этапе борьбы за власть на юге Украины необходимо видеть проявление и возможность политических компромиссов.

Именно это представляет ценность материалов местных архивов, которые убедительно свидетельствуют о стремлении различных политических партий, в том числе и большевиков, эсеров, меньшевиков, Рады, к политическому компромиссу. В южном регионе, в отличие от Центра, где борьба за власть развела политические партии и движения по разные стороны баррикад, проявилась тенденция к консолидации всех общественных сил. Об этом свидетельствуют и многие документы бывшего партархива — материалы переписки местных партийных организаций с центром (например, письма секретаря партийной организации Одессы Заславокого в Центральный комитет РСДРП (ф. 2, 13) и др. материалы.

Между тем, подобные документы включались в сборники выборочно с извращением их смысла, чтобы показать ошибочность политических компромиссов и правоту позиций только одной партии — большевиков.

Проведенная нами комплексная оценка документов в их взаимосвязи и взаимозависимости на основе сравнительного анализа, вторичное критическое обращение к осмыслению документов дает возможность определить исторически правдиво научную ценность документальных источников, сделать критический анализ псевдонаучных приемов археографии.

Следующей группой источников являются мемуары. Со

своими воспоминаниями выступали активные участники революции и гражданской войны Ф. Анулов, П. Мизикевич, Ф. Болтун, В. Деготь и многие другие (14). Нельзя не отметить, что в период сталинских репрессий был нанесен сильнейший удар по мемуарной литературе. Так, в Одессе были ликвидированы фонды партизанских комиссий (ГАОО, ф. р-5237, ф. р-2235). Ценной группой мемуаров являются воспоминания представителей белого движения, различных политических партий, письма из эмиграции. Большой интерес представляет изданный эсерами 22-томный Архив Русской революции под редакцией И. В. Гессена, который включал в себя «Русские сборники» и «Белое дело». Все это дает возможность выдвинуть проблему психологии гражданской войны, отказаться от однозначных «черно-белых» оценок.

Источниковедческий анализ свидетельствует о том, что есть немало проблем, требующих изучения, активизации археографической работы, отказа от конъюнктурного комментирования источников.

IV. Новизна научных подходов.

Современный этап развития исторической науки, проявление в нем кризисных явлений, наличие псевдонаучных, экстремистских подходов в историографическом процессе в оценке революций XX в. и гражданской войны требуют усиления внимания к региональному аспекту в научных исследованиях, рассмотрения проблемы взаимовлияния центра и региона с учетом крайнего разнообразия условий борьбы, классовой и братоубийственной (на наш взгляд эти понятия не следует противопоставлять) гражданской войны.

Юг Украины был, с одной стороны, важным центром консолидации тех сил, которые сражались под лозунгом «Вся власть Советам», с другой стороны, здесь возник сложный клубок противоборствующих сил: деникинщина, олицетворявшая белое движение, Центральная Рада, гетманщина, Директория, представлявшие национальные движения «За самостійну Україну», в которое сливались и чаяния украинского народа, и программы буржуазных и мелкобуржуазных партий в их борьбе за власть. Классовая структура многонационального Юга (свыше 32 национальностей) создавала объективную основу для слияния социальных и национальных проблем. Амплитуды колебаний в соотношении политических сил, распыленность рабочего класса (кроме г.г. Николаева и Севастополя), наличие большого числа люмпен-пролетариата (порты), 22% зажиточных крестьянских хозяйств, смешение

капиталистических предприятий с крупными помещичьими латифундиями, наличие дополнительных узлов борьбы — Румынского фронта и Черноморского флота — все это создавало сложный переплет событий, усиливало активность политических партий, выдвигало острую проблему резервов и союзников в революции и гражданской войне. Нельзя не учитывать и такого фактора, как международный лагерь с далеко не цивилизованными формами вмешательства в дела Украины, судьба которой, как возможной колонии и сырьевой базы, была ему не безразлична.

Только на основе исторических документов, соблюдая важнейший методологический принцип историзма, можно не допустить, чтобы конъюнктурные ветры, которые дули и ранее, к сожалению, иногда дуют и сейчас, не определяли сепаратистские подходы в региональных исследованиях, и исторический ретроспект возвращал народу его подлинную историческую память.

В этом плане следует подчеркнуть необходимость новых подходов в оценке движущих сил гражданской войны, особенно крестьянского повстанческого движения отказаться от терминологии «махновщина», «григорьевщина», от односторонней оценки военно-политического союза рабочего класса и крестьянства — либо утверждение, что такого союза не было, либо его безаговорочное признание.

Обращая особое внимание на социально-экономические особенности южного региона, можно констатировать, что материальные предпосылки здесь, как и во всей стране, не созрели для осуществления так называемых социалистических преобразований, о которых говорили большевики в своих докладах центру. Вот почему на основании конкретного анализа, по нашему мнению, неправомерно и не оправдано расчленение событий в историческом процессе на «чисто демократические» и «чисто социалистические», на «мирный» и «немирный» этапы развития событий. Это можно отнести ко всей стране в целом, тем более к Югу, с его сложным калейдоскопом социально-политических проблем. Демократические лозунги были ближе и понятнее историческому сознанию масс: мир — народам, фабрики и заводы — рабочим, земля — крестьянам. Все это было велением времени.

Это дает основание ответить на вопрос, было или не было четкое размежевание политических сил на Юге. Нельзя определять «черно-белой» краской, где революционные, а где контрреволюционные силы, как это мы делали раньше.

Анализ источников подводит нас к более глубокому пониманию национально-освободительного движения, которое, в свое время, оценивалось зачастую, как националистическое, вкладывая негативный смысл в это понятие, дает возможность представить все сложности процесса формирования национального сознания масс. На наш взгляд следует отказаться от общеизвестной ленинской формулы «триумфальное шествие Советской власти», видеть просчеты и ошибки политических партий, в том числе и большевистской, которые далеко не всегда шли на политические компромиссы, диктуемые самой жизнью в связи с характером происходивших событий и могли бы исключить братоубийственные приемы насилия.

Проблема подходов требует взвешенного научно аргументированного рассмотрения регионального аспекта, что внесит немало нового в изучение общих закономерностей исторических событий 1917—1920 г.г., понимание возможностей альтернативного развития и выбора исторического пути.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Раковский М. Е., Милевич С. А. Труды об Октябре на Одессине // Историография Великой Октябрьской социалистической революции на Украине. — К., 1987. — С. 133—142.

2. Антонов-Овсеенко В. Странствование Красной Армии в революции. — М., 1923; Какурин Н. Как сражалась революция. — М., 1925, 1926. — Т. 1. 2; Гражданская война 1918—1921 г.г. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии. — М., 1928—1930. — Т. 1—3; Липшев А. Очерки гражданской войны 1917—1920 г.г. — М., 1925; Кин Д. Деникинщина на Украине. — Харьков, 1927 и др.

3. История 45 Волянской Краснознаменной стрелковой дивизии. — К., 1929; 51 Персепская дивизия. — М., 1925; Октябрь на Одессине. 1917—1927 г.г. Сборник статей и воспоминания. — Одесса, 1927; Гуковский А. Французская интервенция на Юге России. — М. — Л., 1928; Октябрь на Николаевщине. — Николаев, 1927.

4. Былое — 1922. — № 19; Літопис Революції. — 1928. — № 3 и др.

5. Ворошилов К. Е. Статьи и материалы. — М., 1931.

6. Ворошилов К. Е. Сталин и Красная Армия. — М., 1939; История гражданской войны в СССР. — М., 1935—1940.

7. Труды Одесского госуниверситета. — Одесса, 1956. Статьи Ковбасюка С. М., Раковского М. Е., Штернштейна Я. М.; Першина З. В., Раковский М. Е. Хроніка революційних подій в Одесі. — Одеса, 1958; Одесса на страницах «Правды». — Одесса, 1962; В борьбе за Октябрь. — Одесса, 1957; Борьба за Великий Октябрь на Николаевщине. — Николаев, 1957; Победа Советской власти на Херсонщине. — Херсон, 1957; Моряки в борьбе за власть Советов на Украине. — К., 1963; Рубач М. А. Очерки по истории революционных преобразований аграрных отношений на Украине и в период проведения Октябрьской революции. — К., 1956; Супруненко Н. И. Очерки истории гражданской войны и иностранной ин-

тервенции на Украине (1918—1920). — М., 1966; История гражданской войны и иностранной интервенции в СССР. — М., 1957—1960. — Т. 2—5; Борцы на Жовтень. — Одесса, 1957; Кондуфор Ю. Ю. Укрепление союза рабочего класса и крестьянства в период гражданской войны. — К., 1964 и др.

8. Непролетарские партии России в 1917 г. и в годы гражданской войны. — М. — К., 1980; Курас И. Ф. Торжество пролетарского интернационализма и крах мелкобуржуазных партий на Украине. — К., 1978 и др.

9. Раковский М. Е. О военно-политическом союзе рабочего класса и крестьянства на юге Украины. // Исторический опыт Великого Октября. — М., 1975; Годы борьбы и побед. — К., 1983.

10. Бордюгов Г., Козлов В. История и конъюнктура; субъективные заметки об истории советского общества. — М., 1991; Гунчак Т. Україна: перша половина ХХ ст. — К., 1993; Историки спорят: тринадцать бесед. — М., 1988; История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. — М., 1991; Субтельний О. Україна: історія. — К., 1992.

11. Одеська періодична преса років революції та громадянської війни. — Одеса, 1929.

12. Государственный архив Одесской области (ГАОО). — Ф. р-3829. — Оп. 1, — Д. 126. — Л. 26.

13. ГАОО. — Ф. р-3829. — Оп. 1. — Д. 86, Л. 18—20.

14. См.: Октябрь на Одессине. — Одесса, 1927; Красные партизаны на Одессине. — Одесса, 1927.

ЖИТТЕОПИСИ ЗАДУНАЙСЬКИХ ЗАПОРОЖЦІВ. 1809 р. ТРАВЕНЬ

Дослідники як XIX, так і XX ст., що вивчали історію Задунайської Січі, загалом цілком справедливо відзначали відсутність з цього питання необхідної джерельної бази (1). Дійсно, документи з її історії, що зберігаються в архівах дипломатичних, військових, адміністративних установ колишньої Російської імперії спеціально не виявлялися і не вивчалися. Не опублікованими й досі є джерела турецького походження.

Втім вважаємо, що принципово важливе значення для вивчення історії Задунайської Січі мають матеріали зізнань або оповідань задунайських запорожців, що містять їх «біографічні» відомості, їх життєописи. Вони, як правило, є в документах адміністративно-поліцейних органів, куди потрапляли козакі після переходу російського кордону. Ми вже зупинялися на їх місці і значенні у дослідженні історії задунайського козацтва (2).

Подані нижче життєописи задунайських запорожців зберігаються в Державному архіві Краснодарського краю в фондї «Військової канцелярії Чорноморського козацького війська» (3). Справа в тому, що царський уряд, намагаючись залучити задунайських запорожців до переходу в Росію, зарохував їх до Чорноморського козацького війська. Так було і в ході російсько-турецької війни 1806—1812 років, коли задунайські козакі були в складі турецької армії і знаходилися в гарнізоні фортеці Браїлів. З квітня 1809 року, коли російські війська вийшли до фортеці, з неї почали виходити до них задунайські запорожці. Командуючий Молдавською армією генерал-фельдмаршал О. О. Прозоровський наказав зарохувати їх до 9-го чорноморського козацького полку військового старшини Г. К. Матвєєва, що був на суднах Дунайської військової флотилії. Проте, писав О. О. Прозоровський, «розмістити їх на козацьких суднах треба так, що вочи як люди непевні і не зовсім надійні, знаходилися б один від од-

ного нарізно в артілях старих чорноморців і під особливим наглядом своїх начальників». Новоросійський генерал-губернатор Е. Й. Рішельє наказав включати таких вихідців до Чорноморського війська (4). 20 січня 1810 року ще п'ятдесят п'ять задунайських запорожців, що вийшли до російських військ після капітуляції Браїлова, також були направлені командуючим Молдавської армії генералом П. І. Багратіоном до Е. Й. Рішельє для зарахування до Чорноморського війська (5). Разом з задунайськими запорожцями до Військової канцелярії чорноморців потрапляли й їх зізнання.

В згаданій справі Військової канцелярії Чорноморського козацтва є 24 «біографічні» матеріали колишніх задунайських запорожців. 16 з них були частково і у власному викладі використані В. О. Голобуцьким. Вісім поданих нижче не публікувалися, за виключенням життєопису С. Дубини, що фрагментарно був наведений В. О. Голобуцьким (6).

Наведені документи подаються на мові оригіналу із збереженням, в основному, мовних і стилістичних особливостей. Пунктуація наближена до норм сучасного правопису.

1. Кондратович Ф. Задунайская Сечь: по местным воспоминаниям и рассказам//Киевская старина. — 1883. — № 1. — С. 28; Голобуцкий В. А. О социальных отношениях в Задунайской Сечи//Исторические записки. — М., 1949. — Т. 30. — С. 211.

2. Бачинський А. Д. Біографічні матеріали — джерело для вивчення історії народної колонізації Придунайських степів у XVIII — на початку XIX ст.//Історичні джерела та їх використання. — К., 1969. — Вып. 4. — С. 66—71.

3. ДАКК, ф. 250, оп. 2, спр. 167.

4. Російський державний військово-історичний архів. — Ф. Молдавської армії. — Оп. 166. — Зв'яз. 13. — Спр. 170. Арк 9; ДАКК. — Ф. 250. — Оп. 2. — Спр. 167. — Арк. 1—5, 14.

5. Рябінін-Скляревський Ол. Задунайська Січ в народних переказах і письменстві//Науковий збірник УАН. — К., 1928. — Т. XXVII. — С. 112; Державний архів Одеської області. — Ф. 1. — Оп. 218. — Спр. 3 за 1810 р. — Арк. 1—5.

6. Голобуцкий В. А. О социальных отношениях в Задунайской Сечи. — С. 219—220, 222—225.

ЖИТТЄОПИСИ ЗАДУНАЙСЬКИХ ЗАПОРОЖЦІВ.

3 травня 1809 р.

Вышедшие из Браилова нижеписанные запорожцы (1) в главном армии дежурстве при допросе 3 мая 1809 г. показали следующее:

1. Демьян Яковлев сын Куцуба. От роду ему лет 30, грамоты не умеет, веры греческого исповедания, уроженец Киевской губернии, города Липовец, подданный старосты (2) Городинского, от коего назад тому лет 13 по билету годовому отпущен был в город Одессу для заработка. По происшествии срока к вышепомянутому помещику не пошел, а остался в том городе, жил у разных тамошних жителей в работниках до 1807 года. А в начале оного поступил в вольно набираемые тогда запорожцы, кои набраны были в помянутом городе черноморским полковником Фомою Калиновичем (3), а фамилию не упомнит. Оттуда тогда же им приведены в команде 30 человек сюда за Днестр в город Галацы (4), где были определены и записаны в Усть-дунайские казаки. Стояли куренями над рекою Серетом для содержания караула. Оттоль были посланы в том же 1807 году 35 человек от своих старшин за реку Серет с тем, чтобы перегнать несколько на ту сторону турецкого скота, но настигшими их в то время турками захвачены ими человек 15 в плен, а прочие уехали на ту сторону Серета. Привели их в Браилов к главному своему начальнику, который приказал их определить в находящуюся в Браилове запорожскую команду (5), в коей находился до сих пор. Вчерашнего дня, то есть 22 апреля, согласясь с товарищем Бубушукком, оттуда по утру, не рано, бежали низом Дуная на левый фланг к передовой егерской цепи, где и взяты и представлены к отрядному начальнику. От него препровождены в дежурство главного корпуса, а оттоль в главное армии дежурство. — Арк. 14.

2-й запорожец Иван Михайлов сын Рыбалка 3 мая 1809 года показал:

От роду ему 32 года, грамоты читать и писать умеет, староверец, уроженец Киевской губернии города Черкаска и

местечка Смелого из села Грицковки, подданный помещика Самойлова. Еще в малолетстве вывезен отцом своим через Молдавию за Дунай в селение Забродны некрасовцев, называемое Серикиой (7), где отец его умер около 12 лет назад и после того находился в Дунавце на рыбных ловлях. А наконец около года перешел в Браилов вместе с мачинским аяном (8) Ганжою и вступил в число запорожских казаков в Минский курень. Из Браилова бежал с одним товарищем своим запорожцем же 29 числа апреля в полдень на передовые посты наши левого фланга и, хотя многие турки вслед их стреляли, однако они благополучно прибежали к нашему егерскому пикету и представлены к начальству. Желание объявил поступить в черноморцы. — Арк. 14 зв.

3-й запорожец Василий Григорьев сын Прозоренко 3 мая 1809 года показал:

От роду ему 30 лет, грамоты не умеет, веры греческого исповедания, уроженец Киевской губернии, уезда Таращанского из села Черепина, подданный графа Островского. Из деревни коего назад тому 8 лет погнал его скот в Варшаву, где четыре года у помещика своего прожил, потом оттоль ушел в Молдавию и пробрался в лиман Разин (9) на рыбные ловли, пробыл с полгода, потом перешел в Браилов, в котором замещен был в запорожцы. В сем звании находился до сих пор около трех лет, а сего 29 числа апреля, согласясь с другим товарищем запорожцем же Иваном Рыбалкою, из Браилова бежали на левый фланг нашего лагеря. Оттоль доставлены в главное армии дежурство. Желание объявил поступить в черноморцы. — Арк. 14 зв. — 15.

4-й запорожец Яков Бойченко 3 мая 1809 года показал:

Родился Елисаветградской округи в селе Стойков помещика генерала Стоянова, ушел оттуда шесть год. От роду ему 30 лет, веры греческой, грамоты не знает. Ушел прямо Копанки, что близ Бендер, потом жил на Дунае в Вилкове и занимался рыбным промыслом. Потом назад тому три года пришел в Браилов и определился в запорожцы, служил в Дедкивском курене при атамане Лукьяне. Зная, что русские войска уже стоят под Браиловым, то турки принуждали их, чтобы они воевали против россиян, но он, сего не желая, согласясь вместе с запорожцем Яковом Пономаревым, сего апреля месяца на 28 число в ночи тайно ушли из крепости, сев на стоящую у берега лодку. Поехали вниз по Дунаю к гирлу нашей флотилии и явились на передовые казачьи посты, где взяты оба сего числа с ружьями, кои остались

на лодке у флота, а они отправлены за караулом в сие дежурство. Желание объявил поступить в черноморцы. — Арк. 15.

5-й запорожец Яков Тимофеев Пономарев 3 мая 1809 года показал:

Уроженец Полтавской губернии, села Жуки, государственный крестьянин. От роду 24 года, веры грекороссийской, грамоты не умеет, на исповеди и у причастия бывал. 1803 года весною пошел для работы в Одессу, а оттуда перешел на лиман к Аккерману на рыбную ловлю, пробыл там недели две. Потом с прочими запорожцами перешел на Белградскую косу (10). 1806 года, когда слышали турки, что русские войска идут на Молдавию, то Пеглеван (11) приказал собирать их к себе, но они не хотевши быть у Пеглевана перешли в Браилов к назыру (12), где жили три года в Дядкивском курене при атамане Лукьяне. Производимо им было жалование от назиря по 6 левов (13) на месяц, а теперь уже они не получали оного 13 месяцев. Находился в курене за кухаря и в то время, когда штурмовали гетраншементы (14), то из оного куреня не отходил и что там происходило показать точно ничего не знает. Желание объявил поступить в черноморцы. — Арк. 15 зв.

6-й запорожец Федор Дмитриев Бубушук 3 мая 1809 года показал:

От роду ему лет 60, грамоты не умеет, холост, веры греческого исповедания, уроженец бывшей Польши из города Дашева. Еще перед войной оной с Россией (15), начали набирать полки в свою службу в жолнеры из разных людей, в числе коих он тогда взят был при наборе. Переведены в город Винницу с тем, чтобы туда всех таковых отправляли в Каменец для распределения по полкам, но он из помянутого города Винницы, не хотя быть в службе, бежал в город Одессу, в которой прожил 13 лет у разных тамошних жителей в работниках. А в 1807 году пожелал поступить в забираемые тогда в городе Одессах в черноморцы начальником их Фомою Калиновичем полковником. фамилии не знает. Был принят. По собрании команды отправились с ним сухопутным на сию сторону реки Днестра в крепость Килию (16), оттоль отправлены командою в числе 30 человек в город Галацы. По прибытии в оный причислены были в команду там находящихся Усть-дунайских казаков. Стояли куренями над Дунаем и содержали караулы на устье реки Серета. Оттоль были посланы для сыскания себе в пищу скота. Перешли на сию

сторону Серета, чтоб от живущих над берегом жителей унять сколько-нибудь скотин, куда переправившись человек 15 и все захвачены были турками. Приведены в Браилов и помещены в их запорожцы, в которых он служил до сих пор. Вчерашнего дня по утру, согласясь с другим запорожцем Демьяном Куцубою, оттоль бежали и пришли на левый фланг нашего лагеря по берегу Дуная на передовые цепи. Егерями были взяты, приведены к отрядному начальнику, от него в дежурство главного корпуса, а оттуда в главное армии дежурство. Желание объявил поступить в черноморцы—Арк. 16.

Вышедший из Браилова запорожец в главном армии дежурстве при допросе 3 мая 1809 года показал:

Семен Васильев сын Дубина, от роду около 40 лет, грамоты читать и писать умеет, уроженец из Чигирина, подданный помещика Савицкого. В 1795 году, по смерти отца и матери своих, отправился на заработки в разные места, вписался в бугские казаки, по уничтожении их (17) пришел в Одессу и нанялся у греках на судно за солью в Аккерман шедшее, а прибыв в Белград здесь остался. Вступил на другое греческое судно и на оном пошел в Константинополь и далее плавал по Архангельским островам (18), в Корфу и другие места, служа матросом. Наконец по нездоровью своему, не могши быть на море, приехал в Константинополь и там встретил кошевого Игната Ковалея, бывшего начальником над браиловскими запорожцами. Вступил по предложению его в сии же казаки и с ним Ковалем прибыл в Браилов другой год назад. Бежал из Браилова через Галацкие ворота около обеда апреля 25 числа к левому флангу на передовые наши посты, которыми взят и представлен к начальству. Желание объявил поступить в черноморцы. — Арк. 16—16 зв.

8-й запорожец Анисим Авдеев сын Губа 3 мая 1809 года показал:

От роду ему 25 лет, грамоты не умеет, веры греческого исповедания, уроженец Полтавской губернии, уезда Гадяцкого села Погарщина из крестьян помещика Андрея Марковича, а прозвание не упомнит. Назад тому четыре года, как с отцом его чумаком возили в Тирасполь рыбу. По продаже оной в помянутом городе отец его тогда помер, а он с бурлаками перешел на сию сторону Днестра в Молдавию к Белграду. Пробыл в оном дня три, потом перешел в город Хотин и когда турок оттуда выгнали за Дунай (19), с ними зашел в Браилов. В нем до сих пор жил в запорожцах в Полтавском курене. Не желая он против русских сражаться, оттоль бежал

назад тому три дня, то есть 29 апреля, к нашей флотилии, от-туда препровожден в дежурство главного корпуса, а из оного в главное армии дежурство. Желание объявил поступить в черноморцы. — Арк. 16 зв., 18.

Державний архів Краснодарського краю. — Ф. 250. — Оп. 2. — Спр. 167. — Арк. 14—16 зв., 18. — Копія.

ПРИМІТКИ:

1. В ході російсько-турецької війни 1806—1812 років російські війська з квітня 1809 року обложили Браїлів, який капітулював 21 листопада цього ж року. Задунайські запорожці, що були в складі турецького гарнізону Браїлова, служили в піхоті і на човнах. Петров А. Війна Россин с Турцией. 1806—1812 г.г. — СПб., 1887. — Т. 2: 1808—1809. — С. 222—232.

2. Староста в Польщі у XIV—XVIII ст. був представником короля в воеводстві, окрузі, повіті.

3. В кінці 1806 року командує Молдавською армією генерал І. І. Міхельсон почав створювати на Дунаї з задунайських запорожців, що перейшли на бік Росії, і чорноморців, що залишилися в Бессарабії і на Херсонщині, козацьке військо. 20 лютого 1807 року воно було затверджене Олександром I під назвою Усть-Дунайського Буджацького козацького війська. Вербувальники до війська їздили по всіх губерніях Південної України. Одним з них був старшина Хома Калінович, що зараховував до козаків й тих, хто не мав на це права. Одеський військовий комісари генерал-майор Кобле писав 4 червня 1807 року з цього приводу І. І. Міхельсону: «В цьому війську різного звання людям чиниться набір на службу, не вимагаючи про їх стан документу, що дає змогу обрати собі службу. Це тим, що шукають порятунку від повинностей, від регулярної служби і несплачених боргів, це дуже сприяє». Бачинський А. Д. Усть-Дунайське Буджацьке козацьке військо. 1806—1807 рр. // Історичне краєзнавство Одещини. — Одеса, 1993. — Вип. 4. — С. 23—27.

4. В Галаці знаходився Кош Усть-Дунайського Буджацького козацького війська.

5. Браїлівським начальником в цей час був Арист-паша. Саме йому підлягав Задунайський Кош.

6. Некрасівці — донські козаки-старообрядці, учасники повстання 1707—1709 років під проводом К. Булавина. Після поразки повстання пішли із своїм отаманом Гнатом Некрасовим на Кубань. У 40-х і 70-х роках XVIII ст. переселилися в пониззя Дунаю.

7. Серікіой (Сарікіой) — село на оз. Разелм, тепер в Тульчинському повіті Румунії.

8. Аян — в Туреччині цієї доби повітовий начальник, градоначальник.

9. Лиман Разін — оз. Разелм на правому березі Георгієвського гирла Дунаю. Некрасівці називали оз. Разелм лиманом або озером Разін.

10. Білгородська коса — коса неподалік від Акермана (сучасний Білгород-Дністровський). Запорожці називали Акерман Білгородом.

11. Пегліван — Пехлеван Ібрагім (1760—1820), вихідець з Польщі, один з отаманів кирджаліїв (розбійників в Румелії), за прізвиськом Баба-паша. Двобунчужний паша. Під час російсько-турецької війни 1806—1812 років очолював гарнізон Ізмаїлу. З 1810 року командував турець-

кими військами на нижньому Дунаї. Потрапив в полон до росіян. Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар: Оттоманская империя в начале XIX в. — М. — Л., 1947. — С. 458.

12. Назир — в тогочасній Туреччині градоначальник, начальник округи.

13. Лев (лей) — грошова одиниця в Дунайських князівствах, що мали поширення в Туреччині. Прирівнювалася до турецького піастру. (40 парі, 120 аспр). Складався з 120 баней. Мунтян Н. П., Драгнев Д. М. К вопросу о молдавской системе мер//Ученые записки Кишиневского университета. — Кишинев, 1958. — Т. XXXV: Серия историческая. — С. 127.

14. Ретраншемент — допоміжна фортифікаційна споруда, що була другою лінією укріплень у фортеці або в укріпленому таборі.

15. Мова йде про участь Російської імперії у другому і третьому поділах Польщі.

16. В Кілії знаходився центр по формуванню Усть-Дунайського Буджацького козацького війська.

17. Бузькі козаки — Бузьке козацьке військо, формування якого почалося в ході російсько-турецької війни 1768—1774 років. Поселено в 1775 році на Південному Бугі. Ліквідовано у 1797 році. В 1803 році відновлено. Існувало до 1817 року.

18. Архангельські острови — Грецький архіпелаг.

19. Хотин в ході російсько-турецької війни 1806—1812 років капітулював перед російськими військами 15 листопада 1806 року. Турецький гарнізон одержав право на вихід за Дунай.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Раздел I. История, теория и методология исторической науки.	
Попова Т. Н. Проблема формирования историографии как научной дисциплины: традиционные подходы и новые модели	3
Студенников И. В. О междисциплинарных исследованиях: к вопросу о содержании понятия	46
Колесник І. І. «Регіональні» як чинник формування української національної історіографії	66
Веселова Т. Н., Мельник О. В. Из истории высшего женского образования в Одессе (последняя треть XIX — нач. XX в.в.)	81
Першина З. В., Сарбей В. Г. Первый обобщающий труд по истории Черноморского флота	90
Хмарський В. М. А. О. Скальковський як дослідник гайдамацького руху	99
Избаш Т. А. Л. Л. Бертье-Делагард: последние годы жизни	117
Максименко И. В. Евгений Щепкин о Леопольде Ранке: опыт био-историографического исследования	126
Ильченко Б. А. 1939 год: на перекрестке мнений	134
Раздел II. Специальные исторические дисциплины.	
Шабанова А. М. Источники изучения промысловых занятий и торговли крестьян южного Обонежья в XVII в.	139
Радзиховская Е. А. Новая публикация документов о деятельности банковской компании Буопакорси: процесс провансальной дворянки Сибиллы де Кабрис против Маттео Виллани	157
Гребцова И. С. Пресса южных губерний Украины первой половины XIX в. как источник по истории Новороссийского края	170
Самойлов Ф. А. Воспоминания современников как источник по истории Новороссийского университета	188
Милевич С. В. Из истории становления и генеалогии российского дворянства	207
Сурай Ю. И. З історії української газети «Нова Рада» (1917 р.)	
Раковский М. Е. Выбор исторического пути: Юг Украины в 1917—1920 гг. (Концептуально-источниковедческий подход)	225
Бачинский А. Д. Життєописи задунайських запорожців, 1809 р.	231
Травень	241

**Записки
історичного факультету
Випуск 1**

Редактор В. Н. Станко.

Коректор Н. І. Нікітіна.

Здано до набору 20.11.95. Підписано до друку 20.02.96.
Формат паперу 60×84¹/₁₆. Друк. арк. 15,75.
Умовн. друк. арк. 14,65. Обл.-вид. арк. 11,45.
Зам. 156г.-95. Тир. 300 прим. Друк. ОІСВ.

